

История
Общество
Политика
2019
№3(11)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИКА**

№ 3(11)
2019

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2019. №3 (11)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 01.10.2019

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2019
© Коллектив авторов, 2019

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 3 (11)
2019

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2019. №3 (11)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 10/01/2019

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2019

© Authors, 2019

Содержание

<i>Абросимова Т.А.</i> Плюрализм мнений в РСДРП(б) по вопросу о заключении Брестского мира	6
<i>Арещенко А.М.</i> Становление коммунистической прессы в Германии, на пути к восстанию: «Die Rote Fahne» в 1918 году	13
<i>Гавриленков А.Ф.</i> Отношение государственной власти к секте пашковцев на территории Смоленской губернии в начале XX века	18
<i>Горолевич И.Е.</i> Древняя Калуга – «ниже памяти остались...» XIII-XIV века	24
<i>Лазаренко Е.И.</i> Удостоверение бывшего русского военнопленного как отражение направлений государственной социальной поддержки военнослужащих в годы Первой мировой войны	46
<i>Прилуцкий В.В.</i> Расколы в раннем движении Святых последних дней (1831-1844)	52
<i>Рудковская М.М.</i> Великая война в русской военно-морской эмигрантской литературе	58
<i>Сагимбаев А.В.</i> Реформа системы управления в Индии в британской политической дискуссии 1920-х гг.	65
<i>Самсаров А.И.</i> Демонтаж системы революционного правления во Франции в 1794-1795 гг.	79
<i>Синицын Р.В.</i> «К критике русской урожайной статистики...» Д.Н. Иванцова: неудачный опыт анализа официальных и земских данных	85
<i>Тарасов К.А.</i> «Демократизация» офицерского состава Петроградского гарнизона в 1917 г.	102
<i>Чубур А.А.</i> Димитриада: упущенный шанс возвращения в Европу или первый раунд культурной трансформации Московии? (по археологическим предметам повседневного быта)	116
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Чернышева Н.В.</i> «Ученье – свет, а неученье – тьма» (народная мудрость): рецензия на книгу «Становление и развитие сельского образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Елецкого уезда) / О.В. Клевцова, Н.А. Жиров. Елец: ФГБОУ ВО «ЕГУ ИМ. И.А. Бунина», 2017. 160 с.	125
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	128

ПЛЮРАЛИЗМ МНЕНИЙ В РСДРП(б) ПО ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БРЕСТСКОГО МИРА

Аннотация: *Вопрос о мире был одним из главных вопросов который нужно было решать сразу после победы Октябрьской социалистической революции. Не случайно первым актом свершившейся революции стал ленинский Декрет о мире, Мир провозглашён, но на пути к его заключению возникли серьёзные трудности. Ленин считал необходимым принять германские условия и заключить мир. Н.И. Бухарин-лидер левых коммунистов, делал ставку на революционную войну. Л.Д. Троцкий занимал промежуточную позицию: ни мира, ни войны. Наиболее остро разногласия по вопросу о мире и войне проявились на Седьмом съезде большевистской партии. Начавшаяся дискуссия носила характер настоящей борьбы. В битве за ратификацию Брестского мира Ленину не удалось одержать полной победы и переубедить членов «левой оппозиции» в правильности своей точки зрения. Но сторонников ратификации на съезде оказалось больше. Этот самый тяжёлый и унижающий мир с Германией в российской истории чуть не привёл к кризису и расколу в большевистской партии. Чудом этого удалось избежать. Острая внутривнутрипартийная дискуссия позволила увидеть партию большевиков в момент глубочайшего кризиса, заглянуть внутрь её и глубже понять РСДРП(б) как политическую организацию, ощутить её специфику и особенности, которые трудно раскрыть при исследовании партии в другие периоды её деятельности.*

Ключевые слова: *Большевики, Ленин, война, мир, дискуссия, кризис, раскол, борьба.*

Abrosimova T.A. Pluralism of Opinions in Bolshevik Party in Regard of Brest Peace

Abstract: *An issue of peace was one of the main issues that had to be taken care of right away after the October Socialist Revolution. It is not surprising that right away after the Revolution took place, the Lenin Peace Program was issued. The peace was announced but there were major difficulties in accomplishing it. Lenin believed that it was necessary to accept German terms and establish peace. N. I. Bukharin, a leader of Left Communists- was making bets on revolution war. L.D. Trotsky took a neutral position of neither war nor piece. The strongest disagreement surrounding an issue of peace and war appeared during the 7th meeting of the Bolshevik party. The started discussion represented a strong struggle. During the fight for the official approval of Brest Peace, Lenin wasn't able to have a complete victory and convince "the left opposition" in him being correct. However, during the Convention the majority were supporters of the ratification. This hard and miserable piece with Germany in Russian history could bring to crisis and split of Bolshevik party but the split was miraculously avoided. A tense discussion within the party showed the Bolshevik party during the deep crisis and helped to look inside of the party and better understand the Russian Social Democratic Labor Party as a political organization, realize its specifics that had been hard to discover during investigating the Party during other times of its activity.*

Keywords: *Bolsheviks, Lenin, War, Peace, Discussions, Crisis, Split, Fight*

Брестский мир в Отечественной истории явление достаточно уникальное. Он имел колоссальное значение для дальнейшего развития истории нашего государства. О последствиях Брестского мира историки спорят до сих пор. Одни называют его предательством интересов страны, другие — единственно верным на тот момент решением. Обсуждение этого вопроса в тот период вызвало бурную дискуссию в большевистских кругах, чуть не приведшую к расколу в РСДРП(б).

Вопрос о мире был одним из главных вопросов который нужно было решать сразу после победы Октябрьской социалистической революции. Россия устала от затянувшейся первой мировой войны. Не случайно первым актом свершившейся революции стал ленинский Декрет о мире, единодушно принятый Вторым Всероссийским съездом Советов. Стремление к миру было всеобщим желанием самых широких трудящихся масс. « Громадное большинство крестьян, солдат и рабочих стоит за политику мира, -говорил В.И. Ленин.-это не политика большевиков, вообще не политика «партийная,» а политика рабочих, солдат и крестьян.

т.е. большинства народа» [4,Т.35, с.36] Декрет о мире был встречен трудящимися с энтузиазмом и надеждой. Он призвал все воюющие страны немедленно прекратить военные действия и начать мирные переговоры. Позитивного отклика этот призыв у руководства Антанты не вызвал. На пути к заключению мира возникли серьёзные трудности. Бывшие союзники всячески препятствовали выходу Советской России из войны. Они давили на Россию, заставляя её продолжать войну. «Англичане-писал В.И. Ленин – предлагали нашему главнокомандующему Крыленке по сто рублей в месяц за каждого нашего солдата, в случае продолжения войны.» [4,Т.35, с.246] Германия, исходя из своих интересов, согласилась на переговоры. 20 ноября 1917 г. в городе Брест-Литовске, где располагалась ставка германского командования, начались переговоры о перемирии и мире с Центральными державами. Спустя два дня (22 ноября) было достигнуто соглашение о временном перемирии. Первый этап переговоров показал, что была взаимная заинтересованность в желании заключить мир. Жёсткого давления на нашу делегацию со стороны Германии не было. Это вселяло надежду на возможность договориться, но реально заключение временного перемирия было единственным успехом нашей делегации.

Ещё до начала сепаратных мирных переговоров между Советским правительством и Центральными державами в рядах большевистской партии появилась озабоченность складывающейся ситуацией. Одним из первых вопросов о заключении мира решил обсудить Петербургский комитет РСДРП(б).

На заседании ПК 16 ноября А.А. Слуцкий, в сообщении о текущем моменте, высказал предположение, что В.И. Ленин и Н.В. Крыленко планируют заключить мирный договор с Гинденбургом. по вопросу о намеченных переговорах с немцами. Представитель Выборгского райкома В.Н. Нарчук заявил: «Раньше мы надеялись на всеобщий мир, теперь мы заключаем мир с Гинденбургом и даже не с немецким народом. С нами случится то же, что с эсерами – мы потеряем авторитет, потому, что не платим по векселям, которые мы выдали. [1,Т.35, с.572] Ощущение, что в процессе переговоров с Центральными державами надежда на столь желанный «пролетарский мир» будет потеряна вызывала тревогу у собравшихся. Когда появилась информация, что Англия и Франция не планируют присоединиться в дальнейшем к переговорам и призывы к европейским рабочим остаются без внимания, Петербургский комитет 23 ноября решил провести встречу с активными работниками Петрограда. На эту встречу приехал К.Б. Радек, известный интернационалист, убеждённый, что вся Европа находится накануне революционных событий. Обращаясь к ПК, он подчёркивал неразделимость русской и мировой революции и считал нельзя допустить того, чтобы народные массы толкали нас «на мир который неприемлем» [1, с.581] Большинство присутствовавших на заседании поддержали мнение К.Б. Радека. По результатам заседания ПК и дальнейшей встречи Петербургского комитета с районными агитаторами становилось очевидным, что они настроены однозначно против сепаратного мира. Пока же в переговорах был перерыв и военные действия не возобновлялись..

9 декабря в Брест-Литовске, начались официальные мирные переговоры с австро-германским блоком о заключении перемирия. Руководителем советской делегации был назначен А.А. Иоффе. В результате переговоров по целому ряду вопросов наметились различные точки зрения. Хотя обе стороны были заинтересованы в заключении мира, принципиальные разногласия не давали возможности заключить мир немедленно. Поэтому 15 декабря было подписано перемирие и объявлен перерыв на 10 дней.. Во время перерыва, большевики, в агитационных целях, обращались к народам воюющих сторон с призывом к началу общемировой революции.

На фоне сложившейся ситуации, по вопросу о заключении Брестского мира усилилась борьба внутри большевистской партии. Страницы документов тех дней позволяют реконструировать необычный характер дискуссии в высших партийных инстанциях. Это была не только политическая дискуссия на спорную тему. Это был анализ конкретной и нестандартной исторической ситуации. Позицию, отличавшуюся от ленинской в этом вопросе, занимали левые коммунисты. Они называли надежды Ленина на использование передышки иллюзиями. Мирная передышка ничего не дает, утверждали они. Не мир, а именно война позволит сплотить народ, сплотить армию, ослабить германский империализм, приблизить немецкую революцию. Их взгляды по-прежнему выражал традиционно радикальный Петербургский комитет РСДРП(б). На заседаниях ПК 19 и 21 декабря первым вопросом стояли доклады К.Б. Радека «Западная Европа и мирные переговоры» и «Международное положение» [1, с.607-608] К.Б. Радек занимал достаточно жёсткую позицию по отношению к переговорам в Бресте, выступая категорически против любых соглашений с Германией. Эта позиция однозначно поддерживалась большинством членов Петербургского комитета РСДРП(б). После заседания 21 декабря, исполнительной комиссией ПК были разработаны тезисы о мирных переговорах. С этими тезисами на заседании ПК 28 декабря присутствующих ознакомил Я.Г. Фенигштейн. Текст тезисов опубликован не был, но о чём в них шла речь становится понятным из доклада «О мирной политике» Я.Г. Фенигштейна, сделанным от лица исполнительной комиссии ПК и последующих выступлений в дискуссии.

Я.Г. Фенигштейн резко критиковал ведущиеся мирные переговоры и напоминал о главных революционных целях. «Наша партия стоит во главе борющегося пролетариата – говорил он- и от нашей формулы мира (всеобщий мир без аннексий и контрибуций –Т.А.) отступать не должна...Нет иного исхода как борьба за тот мир о котором мы говорим. Не должно быть уступок германским империалистам» [1, с.610-611] Красной нитью в тезисах проходила мысль «о невозможности идти на германские условия мира и о возможности революционной войны с нею» [1, с. 611] Дискуссия была достаточно оживлённой, но все без исключения высказывались против возможных уступок Германии и против любых компромиссов с Центральными державами. Присутствовавшие надеялись, что их мнение укрепит решимость правительства и руководящих партийных органов. Как отмечал С.В. Косиор : «Не мы должны теперь вести оборонительную политику, а мы должны наступать Не должны мы вести торг с империалистами... Лучше мы удержим хоть что-нибудь, чем потерпим поражение, говорят товарищи (имеется ввиду Ленин-Т.А.) . Я же думаю, что лучше потерпеть поражение, чем идти на компромисс.» [1, с. 614] С.В.Косиора поддержал А.А. Селицкий, говоря о мирных переговорах он отмечал: «мы должны крепко стоять на своей позиции . Иначе ставить вопрос мы не можем. Если бы мы до сих пор ставили вопрос в плоскости соглашательства и компромиссов, то что могло бы из этого получиться?» [1, с. 615] Ярким было выступление В. Володарского, чувствовавшего недосказанность верхов о содержании переговоров. В его речи звучала убеждённость в успехе сопротивления немцам и неизбежности мировой революции. [1, с. 615] О надежде на пролетариат других стран, а не на свои внутренние силы, говорила С.Н. Равич. Она указывала, что «наша политика может послужить ускорению кризиса» на Западе. [1, с. 617] Обсуждавшиеся на заседании тезисы были приняты с небольшими поправками. [1, с. 619] Петербургский комитет считал архиважно вмешаться в ситуацию и не допустить заключения позорного мира. В дальнейшем ПК неоднократно возвращался к вопросу о мире. Перед членами Петербургского комитета выступал Н.И. Бухарин, который являлся несомненным лидером левых коммунистов, делавших ставку на революционную войну, Он призывал прекратить переговоры и объявить западным империалистам «революционную войну», полагая, что даже самой советской властью можно пожертво-

вать ради «интересов международной революции». В Петербургском комитете он нашёл полное понимание.

Переговоры в Брест-Литовске возобновились 27 декабря. На этом этапе советскую делегацию возглавлял Л.Д. Троцкий. Разговор шёл крайне трудно. К переговорам присоединилась украинская народная республика не признававшая советскую власть и претендовавшая на часть польских и австро-венгерских территорий. Центральные державы представили на подпись Л.Д.Троцкому текст договора и карту где были указаны российские территории, отходившие к Германии. Германия действовала явно с позиции силы. Троцкий телеграфировал Ленину, что подписывать договор в таком виде невозможно и обратился с просьбой о возможности объявить о прекращении войны и демобилизации армии без подписания мирного договора. Троцкий выразил уверенность, что немцы не смогут возобновить боевые действия на Восточном фронте. Как и Россия, они ослаблены и воевать не могут. Ленин не согласился с точкой зрения Троцкого и в своём ответе 3 января предложил договориться о перерыве в переговорах и требовал возвращения Троцкого в Петроград для консультаций. [4,Т.35,с.225] Троцкий буквально сразу прерывает переговоры и едет в Россию. В.И. Ленин считал необходимым принять германские условия и заключить мир. . Сущность ленинской позиции выражалась в следующем: « уступить пространство....,чтобы выиграть время.» [4,Т.36. с.27] Воевать России было больше нечем, армия к этому моменту практически перестала существовать. В.И.Ленин настаивал на мирной передышке, на том, чтобы сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти революцию в России. Но пока, в этой ситуации, необходимо, по возможности, затягивать переговоры. Держаться до ультиматума и потом на всё соглашаться.

Своё мнение по поводу необходимости заключения мирного договора он изложил в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» В своих тезисах он указывал, что доводы сторонников развязывания революционной войны ошибочны. Тем более, что подписание советским правительством сепаратного мирного договора не будет ни изменой делу международного социализма, ни нарушением предоктябрьских обязательств, т.к. полученная мирная передышка будет использована для подготовки к революционной войне.... Революционная война не выбор, как это ни тяжело, интересы мировой революции диктуют необходимость заключения мира на германских условиях и немедленно. [4,Т.35. с.243-252] С этими тезисами Ленин выступил на совещании перед шестьюдесятью партийными работниками со всей страны. Ленина левые коммунисты критиковали нещадно. Представители Московского областного бюро высказали точку зрения сходную с тезисами ПК от 28декабря.

Троцкий занял промежуточную позицию, изложенную в тексте телеграммы из Бреста. Он соглашался с доводами Ленина, что у России нет сил на революционную войну, но и был уверен, что немцы не начнут наступление. Поэтому он просто предлагал объявить об окончании войны со стороны России, а армию демобилизовать. В этом подходе была определённая логика: большевики надеялись, что в ближайшее время произойдёт революция в Европе, в том числе в Германии и Брестские переговоры потеряют смысл. В то время большевики ждали мировую революцию и надеялись, что мировая пролетарская революция поможет избежать угрозы лобового столкновения с неизбежными трудностями. Связь русской революции и революции мировой в этот период воспринималась как аксиома.

Результаты голосования в конце заседания были красноречивы. Победа левых коммунистов над Лениным и Троцким была бесспорна.32 участника проголосовали за революционную войну.16 поддержали Троцкого и 15 Ленина. Члены Петербургского комитета находились в приподнятом настроении. Ленин попытался ещё раз склонить на свою сторону кол-

лег по партии. По свидетельству Троцкого, накануне заседания ЦК они с Лениным договорились, что если тактика «ни мира ни войны» себя не оправдает, то он поддержит заключение мира. [6, с. 221] В Центральном комитете на заседании 11 января Ленин ещё раз привёл свои аргументы в пользу заключения мира указав, что если советская республика не согласится немедленно принять мир на германских условиях, то возможно спровоцирует германское наступление и тогда придётся соглашаться на гораздо более тяжкие условия. [5, с.168-169] Но из 16 членов ЦК в своих выступлениях его поддержали только трое. Заметим, что некоторые левые коммунисты склонялись к позиции Троцкого, чтобы выйти из переговоров не объявляя «ни мира ни войны». Даже Бухарин, высказался за позицию Троцкого: « Пусть немцы нас побьют , пусть продвинуться ещё на 100 вёрст- мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении» Далее он сообщил, что в Вене растёт всеобщая забастовка связанная с переговорами в Бресте. Подписание мира её сорвёт. Необходимо затягивать переговоры и не подписывать позорный мир. Это придаст энергии западноевропейским массам. [5, с. 169-170] В конце заседания за объявление войны проголосовали двое, против одиннадцать и один воздержался. Девятью голосами против семи высшим партийным руководством была одобрена формула Троцкого: «ни мира ни войны» и демобилизация армии. Такому решению способствовали начавшиеся в Германии революционные движения. Одновременно была принята резолюция Ленина о необходимости затянуть переговоры. Главным «затягивателем» становился Л.Д. Троцкий.

15 января исполнительная комиссия Петербургского комитета выступила с заявлением, где ещё раз подчёркивалось ,что ни в коем случае нельзя заключать мир с Германией. Это заявление являлось актом явного недоверия Центральному комитету РСДРП(б).

Петербургский комитет, стоявший строго на принципах интернационализма, приблизительно 18 января, провёл встречу с активными работниками. На встрече была развёрнута дискуссия на которой обсуждалась дилемма мир или война. Результатом встречи явилось принятие очередных тезисов в которых основное внимание было сконцентрировано на опровержении ленинской позиции по поводу необходимости срочного заключения сепаратного мира. За тезисы проголосовали единогласно при одном воздержавшемся.

Л.Д.Троцкий 17 января вернулся в Брест и продолжил переговоры.

Он взял на себя миссию по затягивагию переговоров, но явно не хотел брать ответственность за унижение страны и не хотел выглядеть «пораженцем». Поэтому после предъявления ультиматума немедленно подписать договор, на выдвинутых ранее условиях последовало заявление Троцкого: Россия отказывается от заключения мира, односторонне «прекращает состояние войны и объявляет о полной демобилизации по всему фронту» Так он реализовал высказанное им ранее предложение. Троцкий отправил телеграмму из Бреста и сообщил в Ставку о прекращении состояния войны с Германией . Затем сразу уехал в Петроград.

Это заявление вызвало шок у немецкой стороны, которая не могла понять как можно перестать воевать и не подписывать мира. Но Троцкий был уверен в правильности выбранной тактики и в том, что перехитрил противника.

Верховный главнокомандующий Н.В.Крыленко, на основании присланной телеграммы, распорядился прекратить военные действия и приступить к демобилизации армии. Ленин, после сообщения о происшедшем, потребовал задержать все телеграммы за подписями Л. Д. Троцкого и Н.В. Крыленко, мотивируя тем, что мир не заключён. [2,Т.5, с.243] На следующий день Совет Народных Комиссаров подтвердил указания Ленина.

16 февраля вечером в Смольном узнали о планируемом 18 февраля наступлении немцев. Эта новость о возобновлении германского наступления мгновенно вернула в повест-

ку дня вопрос о том, заключать или не заключать сепаратный мир с Германией. Период с 17 по 24 февраля был наполнен дебатами и драматизмом. Как писал Ленин об этом периоде он «войдёт как один из величайших исторических переломов в историю русской и – международной – революции. [4, Т.35,с.393]

Ленин вновь предпринял попытку убедить членов партии подписать мирный договор с Германией. Вновь его позиция вызвала ожесточённое сопротивление.

Наиболее остро эти разногласия проявились на Седьмом съезде большевистской партии, проходившем 6-8 марта 1917г. в Таврическом дворце в Петрограде Ленин должен был делать основной доклад от Центрального Комитета . Перед ним стояла сложная задача обойти левых коммунистов и добиться согласия съезда на ратификацию мирного договора. Задавая определённый тон, он явно провоцировал дискуссию для того чтобы применить своё ленинское боевое искусство и в дальнейшем дискредитировать оппонентов. Основной акцент в докладе был сделан на том, что полная катастрофа на фронте подтверждала его настоятельное требование двухмесячной давности о немедленном заключении мира.

Его обвинения левых коммунистов за гораздо более тяжёлые условия мира, которые необходимо принять, были очень действенны для противника. Он оказывал психологическое давление, фактически унижая достоинство людей которых хорошо знал и с которыми вместе совершил революцию. Но при этом, понимая их состояние, считался с их морально-психологическим настроем. Досталось и Л.Д. Троцкому, за то трудное положение в котором оказалась Россия. В итоге Ленин дал понять, что мир нужно заключать любой ценой. Это единственный способ выживания молодого Советского государства [7, с. 1].

Не менее яркой, но исполненной в другой спокойной взвешенной манере была речь Н.И. Бухарина. Столкнулись два блестящих интеллекта, придерживающихся противоположных политических взглядов. Отвечая на обвинения Ленина в том, что «левые коммунисты» не захотели понять необходимость отступления, Бухарин ещё раз подчеркнул позицию левых коммунистов убеждённых в том, что русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет. Левые коммунисты, в отличии от сторонников Ленина видели явные признаки приближающейся революции за рубежом.

Начавшаяся дискуссия носила характер настоящей борьбы. Она продолжалась все два дня работы съезда. В выступлениях делегаты высказывались «за» или «против» ратификации мирного договора. Всего выступило 17 человек. Диссонансом прозвучало выступление Л.Д. Троцкого. Он не высказывался ни «за» ни «против», находясь вне борьбы. Троцкий, оправдывал свою собственную позицию. Я. М. Свердлов назвал его выступление исповедью. Н.Н. Крестинский попытался поддержать Л.Д. Троцкого, предложив резолюцию, оправдывающую позицию Троцкого на переговорах. Но резолюцию не приняли. Троцкий был оскорблён, счёл, что из него делают «козла отпущения» за неудачу в выбранной тактике. Он заявил, что отказывается от всех своих постов в правительстве. [7, с.129]

Но в дальнейшем изменил своё решение. Заметим, не только Троцкий, но и другие члены ЦК заявили об отказе от занимаемых ими постов, мотивируя тем, что не могут проводить политику с которой не согласны. Среди них: Н.И. Бухарин. Г.И. Ломов, М.С.Урицкий. Ситуация была чрезвычайно серьёзная. Ленин обратил внимание на это обстоятельство и в одном из своих выступлений на съезде заметил: « нужно сделать попытку найти некоторую узду, чтобы вывести из моды выход из Центрального комитета» [7, с.167]. Далее он отмечал, что необходимость для Центрального комитета вести однородную линию «не означает, чтобы все в Центральном комитете имели одно и то же убеждение. Так считать, значило бы идти к расколу [7, с.167]. Последовала реакция и Центрального комитета, проголосовавшего

единогласно за предложение оставаться подавшим заявления на своих постах, сохраняя при этом за ними право свободной агитации «против принятого ЦК решения» [3, с.192].

В битве за ратификацию Брестского мира Ленину не удалось одержать полной победы и переубедить членов левой оппозиции в правильности своей точки зрения. Но сторонников ратификации на съезде оказалось больше. При поименном голосовании на утреннем заседании 8 марта голоса разделились следующим образом: 30 за ратификацию, 12 против, 4 воздержались. [3, с.127-128] Официально ратификация была подтверждена IV Всероссийским съездом советов 15 марта 1918г.

Это был очень тяжёлый и несправедливый договор. От Советской России отходила территория в 780 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек. Россия должна была уплатить 3 миллиарда рублей «для покрытия расходов на содержание пленных».

Именно этот самый тяжёлый и унижительный мир с Германией в российской истории чуть не привёл к кризису и расколу в большевистской партии. Но этого не произошло.

Ленин говорил на VII съезде РКП(б), « этот кризис будет изжит. никоим образом ни наша партия, ни наша революция себе шеи не сломают, хотя в данный момент это было совсем близко, совсем возможно» [4, Т.36. с.16]

Острая внутривнутрипартийная дискуссия позволила увидеть партию большевиков в момент глубочайшего кризиса, заглянуть внутрь её и глубже понять РСДРП(б) как политическую организацию, ощутить её специфику и особенности, которые трудно раскрыть при исследовании партии в другие периоды её деятельности.

Брестский мир продержался лишь 9 месяцев. В ноябре 1918 года, когда Центральные державы потерпели поражение в Первой мировой войне, одним из пунктов перемирия Антанты и Германии стал отказ последней от условий Брестских договорённостей. Через несколько дней советская Россия аннулировала этот мир.

Библиографический список:

1. Абросимова Т.А., Бондаревская Т.П., Лейкина Е.Т., Черняев В.Ю. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917г. Протоколы и материалы заседаний. СПб. изд-во «Бельведер»2003.
2. Владимир Ильич Ленин .Биографическая хроника . М. 1974.Т.5
3. Известия ЦК КПСС, 1989. №2,
4. Ленин В.И. Полн.собр.соч.,Т.Т.35,36.
5. Протоколы Центрального комитета РСДРП(б) август 1917-февраль 1918.М.1968.
6. Рабинович А. Большевики у власти М.2007.
7. Седьмой (экстренный) съезд РКП(б) март 1918 г. Стенографический отчёт. М. Госполитиздат 1962 г.

Сведения об авторе:

Абросимова Тамара Александровна, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, 197110, Россия. г. С Петербург, Петрозаводская ул. д.7. e-mail:tabrosimova@mail.ru
Tamara Abrosimova-Senior Researcher of St. Petersburg History University of the Russian Academy of Science, 197110, Russia, St. Petersburg, Petrozavodsky street, 7.E-mail: tabrosimova@mail.ru

УДК 94(430)“1918”

А.М. Арещенко

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ В ГЕРМАНИИ, НА ПУТИ К ВОССТАНИЮ: «DIE ROTE FAHNE» В 1918 ГОДУ

Аннотация. В статье идёт речь о формировании постоянного печатного источника, газеты «Die Rote Fahne», у немецких коммунистов в период становления Веймарской республики. Так же рассматривается роль, которую она сыграла для образования самостоятельной коммунистической партии Германии. Обозначается отличие риторики с которой выступала газета от других СМИ.

Ключевые слова: КПГ, Коминтерн, социал-демократы

Areshchenko A. M.

The formation of the communist press in Germany, towards rebellion: «Die Rote Fahne» in 1918.

Annotation. The article deals with the organization of a permanent print source, the newspaper «Die Rote Fahne», among the German Communists during the formation of the Weimar Republic. It also examines the role it played for the foundation of the independent Communist Party of Germany. The article identifies the difference between the rhetoric of the newspaper from other media.

Key words: CPG (Communist Party of Germany), Comintern, social democrats

В начале XX века важным средством политической коммуникации между властью и народом были печатные издания. Средства массовой информации стали неотъемлемой частью любой политической организации. После отречения кайзера Германия на всегда изменила свой облик. Страна оказавшись в не простой ситуации, только образованная республика была объята пожаром столкновений между вооружёнными группами. Политические партии старались как можно скорее захватить власть в стране. В этой борьбе за голоса и сердца людей не малую роль сыграли газеты. Партии издавали газеты, в которых помещались призывы и обещания, они должны были подвигнуть народ к действию. Не исключением была и Коммунистическая Партия Германии (КПГ), основным органом периодической печати которой была газета «Die Rote Fahne» (Красное знамя).

Однако до издания собственной газеты коммунисты Германии прошли большой путь. Начало Первой мировой войны навсегда изменило ход мировой истории, в том числе оказав большое влияние на социалистические организации. Большинство социалистических партий выступили в союзе с буржуазными партиями и поддержали все необходимые решения для ведения войны. Не исключением была и социал-демократическая партия Германии, но не все ее члены были согласны с данным решением. Ряд представителей немецких социалистов не согласных с позицией партии образовали группу «Интернационал». Данная организация левых социал-демократов образованная К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Иогихесом (Тышка), объявила войну капиталистической системе, с которой необходимо бороться мировому пролетариату. Для привлечения в свою группу единомышленников Р. Люксембург и Ф. Меринг издали один номер журнала «Die Internationale». 1 января 1916 года на всегерманском съезде левых социал-демократов группа официально была сформирована, а политической основой были признаны «Тезисы» разработанные Р. Люксембург [9. С. 73-78]. Тем не менее, до создания собственной политической партии было еще далеко, и публикация журнала двигалась медленно. Однако стоит отметить, что это послужило важным толчком для будущего партии.

В дальнейшем данная группа продолжала свою работу, как левая организация в составе независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Продолжая работу по привлечению масс на свою сторону, они выпустили ряд листовок под названием «Письма Спартака» (Spartakusbriefe), это в свою очередь послужило толчком к обретению нового названия - «группа Спартака» [6. Т. 24. С. 355]. На протяжении четырёх лет войны небольшая группа левых социал-демократов вела постоянную работу по привлечению новых последователей в свои ряды, при этом осуществлялась деятельность по формированию собственной политической основы. За это время группа не смогла превратиться в самостоятельную партию, также не обрела постоянного печатного органа. События в мире и Германии: революция в России, отречение кайзера - способствовали притоку последователей в данную организацию и окончательной установке группы на морскую революцию.

События набирали ход, и когда Ф. Шейдеман провозгласил 9 ноября 1918 года «Германскую республику», Карл Либкнехт с балкона Берлинского замка назвал Германию «свободной социалистической республикой» [7. С. 37]. В этот же день в результате акций было захвачено помещение газеты «Berliner Lokal-Anzeiger». Спартаковцы тут же, используя захваченное оборудование, выпустили первый номер газеты «Die Rote Fahne». Это скорее была листовка, так как состояла только из одного листочка, однако лозунг которым она была подписана: «Красный флаг развевается над Берлином...» [8. С. 87] - говорил о намерении издателей пойти по пути русских большевиков к установлению диктатуры пролетариата. (рис. 1) Редакторами новой газеты стали лидеры группы Спартак – Р. Люксембург и К. Либкнехт. В свою очередь заявления о «социалистической республике» и выпуск собственной газеты, в которой были провозглашены лозунги сильно отличающиеся от позиций НСДПГ, говорили о том, что группа претендует на самостоятельное существование. 11 ноября 1918 года группа Спартак прекратила свои связи НСДПГ и была преобразована в «Союз Спартака». Таким образом, формирование независимой группы и создание собственного печатного органа говорит о том, что ее лидеры увидели благоприятные условия для превращения своего не большого объединения в массовую политическую силу в Германии. Разрастающееся революционное движение в Германии наталкивало на идею пролетарской революции по образцу Советской России. Однако для осуществления плана по захвату власти и воплощению своих идей «Союз Спартака» должен был привлечь огромные массы немецких рабочих. Для этого необходимо было вести постоянную агитационную работу, одним из орудий агитации в руках союза стала газета «Die Rote Fahne». Выпуск одного номера не мог решить всех проблем, поэтому в постоянно меняющихся условиях нужно было наладить регулярный выпуск газеты.

Второй номер газеты не заставил себя долго ждать, уже на следующий день 10 ноября 1918 года его распространяли среди рабочих. Представители «Союза Спартака» понимали, что новый порядок ещё не успел закрепиться, поэтому необходимо было выступить проводником воли народа и с его помощью захватить власть. «Die Rote Fahne» всячески обличала новую власть в ее стремлении сохранить старый порядок, и призывала народ бороться с такой властью. Желание лидеров группы, коренным образом изменить существующий порядок в стране, были выражены в следующих строках: «Эта революция должна не только смыть все остатки и развалины феодализма, она должна не только сокрушить все бастионы юнкерства... ее лозунгом является не только республика, а — социалистическая республика!.. Мы стоим еще в начале этого трудного... пути. Не следует преждевременно радоваться одержанной победе...» [1]. Газета призывала народ Германии всеми силами бороться с новой властью: «Мы, наоборот, призываем не покидать улиц, а сохранить оружие и быть все время начеку. Дело революции обеспечено только, когда оно в руках народа. Требование назначенного свергнутым кайзером

рейхсканцлера преследует лишь цель отправить массы по домам, чтобы восстановить старый «порядок». Рабочие, солдаты, будьте бдительны!»[1] Таким образом, газета стала мощным орудием в руках спартаковцев. Подобные высказывания в адрес власти будут свойственны и в дальнейшем для немецких коммунистов. На страницах «Die Rote Fahne» уже с первых выпусков установившаяся власть была признана буржуазной, а любые ее стремления по сохранению спокойствия в стране назывались контрреволюционным. По сравнению с риторикой других социалистических газет, того же «Volksblatt» от НСДПГ который призывал народ сдерживать завоевания революции, но не был настроен так воинственно: ««задушить все атаки на достижения революции в зародыше! Безжалостно!» [5] Данные выражения звучат очень жёстко, но здесь нет призывов к вооружению и уличному противостоянию [3.С. 49]. Таким образом новая газета была одной из самых радикальных СМИ того времени в Германии. Хотя в ходе Ноябрьской революции «Союз Спартака» не захватил власть, политический авторитет немецких коммунистов возрос, и значительно выросло число разделяющих их идеи, однако со стороны власти это вызывало настороженность.

Ежедневный выпуск газеты начался несколько позднее, после второго номера от 10 ноября 1918 третий номер вышел лишь 18 ноября 1918 года. Die Rote Fahne была официально признана центральным печатным органом «Союза Спартака». Стоит заметить, что этот номер и последующие выпуски 1918 года не очень заметно, но отличались по содержанию. Если в первом номере спартаковцы, говорили, чуть ли не о произошедшей социалистической революции в Германии, то в изданиях после 18 ноября 1918 года они призывали рабочих к борьбе и говорили о приближающейся мировой революции[1]. Кроме свойственных для коммунистов лозунгов «Пролетарии всех стран объединяйтесь» [1], в газете помещались объявления, в которых читателей оповещали о будущих выступлениях лидеров союза, подобное сообщение было размещено в номере от 18 ноября 1918 года[1]. На страницах газеты спартаковцы развернули широкую кампанию по привлечению новых последователей в свои ряды, с этой целью печатались большие статьи, разъясняющие цели за которые борется организация, подобная информация была размещена в номере за 1 декабря 1918 года[1].

На страницах «Die Rote Fahne» жесткой критике были подвергнуты представители нового правительства, члены которого по мнению издателей являлись агентами старого режима и империалистами. В номере от 28 ноября 1918 года канцлер Германии Фридрих Эберт был назван предателем революции, а 30 ноября 1918 года палачом. Также критикуя канцлера авторы газеты начали использовать карикатуры, высмеивающие его действия и правительства в целом[1]. Кроме Ф. Эберта критике и насмешкам со страниц «Die Rote Fahne» был подвергнут и Ф. Шейдеман, а также О. Вельс. Особенно жесткой критике действия О. Вельса подверглись после использования оружия против демонстрантов 6 декабря 1918 года в Берлине. В декабрьских номерах 1918 года данная тема стала символом для спартаковцев в борьбе против нового правительства, осуждая подобные действия редакторы призывали народ: «Выступим против кровавой бани» [1]. С этого момента на страницах газеты стали появляться сообщения с призывами к рабочим выходить на массовые демонстрации: «Все на массовую забастовку», а в номере от 17 декабря 1918 года кроме призывов спартаковцы выдвигали требования к правительству[1].

Анализируя содержание представленного материала в газете «Die Rote Fahne» за ноябрь-декабрь 1918 года становится заметна возросшая роль «Союза Спартака». Если в 3 номер газеты от 18 ноября 1918 года коммунисты приглашали читателей на свои выступления, то с выходом номеров все возрастала критика установившегося правительства. События же происходящие в Германии способствовали росту поддержки спартаковцев, что вылилось в призывы к всеобщей демонстрации. За пару месяцев небольшой «Союз Спартака» сделал большой шаг в

развитии, поэтому к концу 1918 года назрели качественные изменения в организации. В связи с тем, что спартаковцы ушли в оппозицию по отношению к другим политическим организациям Германии, как это заметно со страниц газеты, таким изменением могло стать лишь формирование самостоятельной партии. В последние дни декабря 1918 года на съезде спартаковцев в Берлине была образована Коммунистическая Партия Германии, а газета «Die Rote Fahne» вышла под новым лозунгом: «Центральный орган печати КПГ» [1].

За 1918 год коммунистическая пресса прошла большой путь, и к моменту образования самостоятельной партии закончила сложный путь становления. Был окончательно выбран формат и название, к началу 1919 года сложился свой круг читателей. В октябре 1920 года тираж газеты составлял более 30 000 экземпляров, а в 1932 году ее тираж составил более 130 000. Распространение первоначально осуществлялось преимущественно рабочими группами и в уличной торговле, но вскоре образовался сплошной круг подписчиков [4.]. Не обошлось и без изменений в руководстве газетой. После убийства двух лидеров КПГ К. Либкнехта и Р. Люксембург основным редактором газеты стал А. Тальгеймер. Он руководил газетой до 1924 года, именно в это время немецкие коммунисты пытались несколько раз захватить власть в стране, путём вооруженного переворота [2. С. 109].

В годы Веймарской республики газета была верным спутником КПГ в борьбе с властью и продвижении интересов коммунистов в массы. С приходом к власти в 1933 году нацистского режима газету запретили, и её изданием занимались не легально сначала в Праге, а позднее в Брюсселе до 1939 года.

Образование собственного печатного органа было важным событием для растущего коммунистического движения в Германии. Хотя идеи, которые продвигали немецкие коммунисты не стали общегерманскими, и им не удалось установить советскую власть. Все же маргинальная группа смогла вырасти до массовой политической партии. На этом сложном пути по привлечению масс, в свои ряды, не малую роль сыграла газета «Die Rote Fahne». С её помощью немецкие коммунисты могли общаться с избирателями. На страницах газеты КПГ активно вела борьбу против Веймарской республики, и клеймила своих соперников. При этом активно восхвалялся опыт Советской России, так как связи немецких коммунистов с ней укрепились после создания Коминтерна, в состав которого КПГ вошла одна из первых.

Библиографический список:

1. Die Rote Fahne. Berlin. 1918
2. Haible W., Chlada M. August Thalheimer – Zur Erinnerung an einen revolutionären Kommunisten.// UTOPIE kreativ, Н. 97/98 (November/Dezember) 1998,
3. Schumann D. Politische Gewalt in der Weimarer Republik, 1918–1933: Kampf um die Strasse und Furcht vor dem Bürgerkrieg. Essen, Klartext, 2001.
4. URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Artikel/Rote_Fahne_1919
5. Volksblatt. 1918.
6. Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах Т. 24. М., Советская Энциклопедия, 1970.
7. Винклер Г. А. Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии. М., РОСПЭН, 2013
8. Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., Наука, 1967.
9. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., Наука, 1998.

Сведения об авторе:

Арещенко Андрей Михайлович, аспирант Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, Amdpdgg@gmail.com.

УДК

УДК 94(47).083

А.Ф. Гавриленков

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ К СЕКТЕ ПАШКОВЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: В начале XX века на территории Смоленской губернии действовали различные секты, в том числе и евангельские христиане (пашковцы). Данная секта являлась одной из наиболее динамично развивающихся в губернии. Губернские власти пытались противостоять распространению секты евангельских христиан (пашковцев). Сектантов обвиняли в совращении православных. В 1913 году пашковцы Рославльского уезда попытались зарегистрировать свою общину. Однако, общине было отказано как на местном, так и на государственном уровне.

Ключевые слова: Российская империя, Смоленская губерния, вероисповедания, сектантство, евангельские христиане (пашковцы).

A.F. Gavrilencov. The attitude of state power to the sect of Pashkovites in the Smolensk province at the beginning of the 20th century

Abstract: At the beginning of the 20th century, various sects acted in the Smolensk province, including evangelical Christians (Pashkovites). This sect was one of the most dynamically developing in the province. The provincial authorities tried to resist the spread of the sect of evangelical Christians (Pashkovites). Sectarians were accused of seducing the Orthodox. In 1913, the Pashkovites of Roslavl Uyezd attempted to register their community. However, the community was denied both at the local and state levels.

Keywords: Russian empire, Smolensk province, creeds, sectarianism, evangelical Christians (Pashkovites).

В конце XIX-начале XX вв. на территории Смоленской губернии наряду с православием, старообрядчеством, действовали неправославные христианские (католицизм, протестантизм), православная, нехалкидонская (армяно-григорианство) и авраамические (нехристианские) вероисповедания (иудаизм, ислам), теософское общество. Часть населения губернии признавала языческие представления.

Часть населения губернии имела отношение как к сектам российского происхождения (духоборцы, молокане, хлысты, скопцы), так иностранного происхождения (адвентисты, баптисты, штундисты, пашковцы). В данной статье речь пойдет об отношении органов власти к секте евангельских христиан (пашковцев), о попытке регистрации верующими-пашковцами Краснопольской общины в Рославльском уезде Смоленской губернии¹.

Историю появления в России секты пашковцев, её вероучение и догматы в разное время изучали В. Андерсон, Д.И. Боголюбов, В. Бонч-Бруевич, С.В. Булгаков, Т.И. Буткевич, А.И. Клибанов, С.Н. Савинский, В.Н. Терлецкий [1;2;3;4;13;14;15;16]. Тем не менее, история появления и развития секты пашковцев, например, на территории Смоленской губернии не находила отражения в отечественной научной литературе.

Секта берет свое название от В.А. Пашкова, которого обратил в новую веру прибывший в Санкт-Петербург в 1874 г. английский проповедник лорд Редсток.

Изменение положения исповеданий, отделившихся от инославных вероисповеданий в Российской империи связано с началом XX века. 12 декабря 1904 года был опубликован именной указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию Государ-

¹ Краснопольская община располагалась в Рославльском уезде Смоленской губернии. В общину входила часть жителей деревни Краснополье, сел Радичи и Сеща. Сейчас указанные населенные пункты находятся на территории Брянской области Российской Федерации.

ственного порядка». Пункт 6 указа имел отношение к положению раскольников (старообрядцев - А.Г.), а также представителей инославных и иноверных исповеданий: «...подвергнуть пересмотру узаконения в правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения...»[10.С.5] Продолжение данной темы нашло отражение в разделе II Положения комитета министров от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости»[10.С.39-42].

Первые сведения о секте пашковцев в Смоленской губернии относятся к моменту опубликования Манифеста от 17 апреля 1905 года, о чем писал епископ смоленский и дорогобужский Феодосий в отношении за № 6076 от 13 мая 1908 года смоленскому губернатору Николаю Иоасафовичу Суковкину: «Открыто появилось это учение со времен ВЫСОЧАЙШЕГО манифеста о веротерпимости» [5.Л.6]. Следовательно, секта пашковцев существовала и прежде, до выхода манифеста, в начале XX века.

Местом появления сектантов, по мнению епископа Феодосия следует считать «деревню Александровку, отстоящую от приходской церкви в 12 верстах, за рекою Вихрой (в Краснинском уезде Смоленской губернии - А.Г.)» [5.Л.6]. Основателем секты был 58-летний крестьянин Феодосий Елисеев, живший долгое время в Санкт-Петербурге и работавший там на заводах[5.Л.6]. Последователями Феодосия Елисеева стали его родственники из соседних деревень. Известно, также, что к пашковцам приезжали из Санкт-Петербурга наставники «для разъяснения Св. Писания в духе секты» [5.Л.6об.]. Для борьбы с пашковцами в губернии была разработана программа, включавшая восемь пунктов: «а) пополнение церковных библиотек противосектантской литературой и книгами, объясняющими Св. Писание, на средства самих церквей, б) основание миссионерской библиотеки общей для всего благочиннического округа, в) возможно частые пастырские собрания для обсуждения о предметах бесед, имеющих быть с пашковцами и православными прихожанами и распределение труда ведения этих бесед между членами причтов, г) распространение противосектантских листков и книг между православными, д) истовое отправление всякого богослужения всеми членами причтов, е) поддержание дисциплины в храмах, ж) воздействие на прихожан для привлечения их к возможно частому посещению св. храмов, для чего ходатайствовать перед Правительством об уничтожении по праздничным дням в местечках, пограничных с благочинием, торговли, отвлекающей православных от посещения храмов, з) ходатайствовать о назначении усиленного жалования всем причтам их благочиннического округа, ...где духовенство за требы почти ничего не берет по причине обеспечения его жалованием из казны» [5.Л.6об.].

Переписка по делу о секте пашковцев показала, что Феодосий Елисеев распространял литературу религиозно-нравственного характера в количестве 193 брошюр и книг, о чем краснинский уездный исправник докладывал в губернское правление [5.Д.4-4об.]. Губернское правление 29 апреля 1908 года дало резолюцию за № 1683: «Вследствие рапорта за № 763, поставить в известность Краснинского Уездного Исправника, что со стороны Правления не встречается препятствий к выдаче Феодосию Елисееву отобранных от него брошюр и книг религиозно-нравственного содержания, которые, по донесению Исправника, могут быть допущены к обращению» [5.Л.5]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственная власть не видела опасности в распространении религиозно-нравственной литературы представителями данной секты.

Из переписки светских и церковных властей видно, что понимания данной организации как самостоятельной было не у всех. Ни светские власти, ни власти религиозные не могли зачастую найти отличия между пашковцами, баптистами, штундистами. Светские власти не от-

личали пашковщину от баптизма. Так, губернатор Смоленской губернии, вице-губернатор, исправник Краснинского уезда определяли пашковщину как разновидность баптизма [5.Л.2,3,8]. Переписка по делу пашковцев в Краснинском уезде является ярким свидетельством данного представления. Православный миссионер, священник Н. Клитин определял пашковщину как штундизм [11.С.146]. Уже в более поздний период, по отчету миссионерского братства преподобного Авраамия за 1914 год, пашковщина понималась как одна из ветвей штундизма: штундизм делился на штундо-баптизм (евангельских христиан-баптистов) и штундо-пашковщину (евангельских христиан) [12.С.18].

Ситуация с пашковщиной была достаточно сложной. В силу того, что пашковцы обращались к основам христианства, его первоисточкам, то их часто отождествляли то с баптизмом, то с штундизмом, то с «духовным молоканством» [4].

Органы государственной власти вели учет лиц, отпавших от православия в различные вероисповедания, в том числе и евангельское христианство. По данным Смоленской консистории за 1911 год в пределах Смоленской губернии из православия в евангельское христианство перешли 17 человек [6.Л.23об.,27]. Кроме того, духовная консистория вела учет тех лиц, кто отпал от православия в евангельское христианство вне пределов Смоленской губернии, но родившихся на её территории. Таких было зафиксировано 25 человек [6.Л.24].

На 1-е января 1912 года группы пашковцев (евангельских христиан) действовали в четырех уездах губернии - Гжатском, Ельнинском, Краснинском и Рославльском [6.Л.45-45об.]¹. Количественный состав общин был следующим (См. Таблицу 1):

Таблица 1

**Количественный состав верующих пашковцев в Смоленской губернии
(на 1-е января 1912 г.)**

Название уезда	Количество деревень, в которых проживали евангельские христиане	Количество верующих
Гжатский	1	3
Ельнинский	4	20
Краснинский	1	41
Рославльский	(3 деревни+1 сельцо)	22
Итого	9 деревень и 1 сельцо	86

Евангельские христиане активно действовали в следующих уездах губернии - Гжатском, Дорогобужском, Ельнинском, Краснинском, Рославльском и Сычевском. Кроме того, евангельские христиане проживали в губернском городе Смоленске.

Губернские власти были обеспокоены распространением пашковщины на территории губернии, поэтому предписывали уездным исправникам провести негласное дознание по поводу пропаганды евангельскими христианами «к совращению в секту» православных верующих. Так, например, 17 февраля 1912 года смоленский губернатор Николай Иосафович Суковкин направил предписание Рославльскому уездному исправнику за № 1004 следующего содержания: «Предписываю Вам негласно дознать, не производятся ли в Гореновской, Жарын-

¹ Территория Смоленской губернии в начале XX века включала двенадцать уездов: Бельский, Вяземский, Гжатский, Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Краснинский, Поречский, Рославльский, Смоленский, Сычевский, Юхновский.

ской и Радичской волостях, около них, и вообще в Рославльском уезде пропаганды к соращению православных в секту «евангельских христиан» и, в утвердительном случае, произвести дознание и выяснит притом, не порицается ли пропагандистами вышеозначенной секты святая православная вера» [7.Л.1;9.Л.25об.]. Как это не удивительно, но рославльский исправник отношением № 1115 от 22 марта 1912 года доносил смоленскому губернатору о том, что «пропаганды к соращению православных в секту евангельских христиан и порицания святой православной веры не производится» [7.Л.2]. В отношении за № 6363 от 15 сентября 1912 года смоленский губернатор Н.И. Суковкин замечал, что священник и псаломщик церкви села Радичи объяснили, что пропаганды к соращению православных в секту они не слышали «и что живущие в с. Радичах и дер. Краснополье сектанты не порицают веры, а между тем секта эта в данной местности все более развивается и, конечно, не без пропаганды и не без порицания Св. Православной веры» [7.Л.5об.]. Смоленский губернатор не рассматривал других вариантов развития событий и аргюі разрастание секты в уезде и в данных населенных пунктах связывал только с пропагандой к соращению православных и с порицанием православной веры. В отношении нескольких сектантов в Рославльском уезде проводились дознания:

- в деревне Салово Гореновской волости - в отношении Ивана Ионов Алексева;
- в Радичской, Рогнединской, Сергиевской и Федоровской волостях - в отношении Александра Никитина Кузина;
- в деревне Зимницы Тюнинской волости - в отношении Ивана Иванова Пастырева и Якова Иванова Недельцева [7.Л.5,8,28].

Священники и псаломщики церквей деревень и сел указанных волостей отмечали, что о перечисленных пропагандистах ничего не слышали и не знали их [7.Л.12-20об.]. Лишь церковный староста села Радичи Радичской волости рославльский мещанин Дмитрий Васильевич Евстафьев показал, что знает Кузина с 1909 года при следующих обстоятельствах: «...он (церковный староста - А.Г.) хорошо и сам лично видел как Кузин явился к нему и причту с ходатайством об отведении могилы для погребения умершего мальчика и Кузин присутствовал при погребении тела за священника и благодаря Кузину этот православный ребенок был погребен по штундтистскому обряду (обряду секты евангельских христиан - А.Г.)» [7.Л.20об.]. Подобную информацию по сектанту Кузину дал и священник села Радичи Владимир Барсов: «в 1911 году, 13 ноября Кузин лично явился к нему с ходатайством об отводе места на церковном кладбище для погребения ребенка штундиста крестьянина д. Краснополя Ивана Петрова Гопина, каковой не имел никакой родственной связи с Гопиным (руководителем секты евангельских христиан в деревне Краснополье - А.Г.). 14 ноября того же года Кузин принимал горячее участие при погребении ребенка Гопина и был главным распорядителем погребальной процессии. Ребенок православный был погребен не по Христианскому обряду, а по обряду Кузина, о чем тот же день был составлен протокол Г. Приставом 2 стана Рославльского уезда Гридиным» [7.Л.21об.].

Указанные евангельские христиане по поводу соращения православных в секту и порицания православной веры не были привлечены к ответственности за отсутствием доказательств их вины.

17 октября 1913 года в губернское правление поступило заявление от 4 групп евангельских христиан (всего 63 человека) об учреждении Краснопольской общины, расположенной в Рославльском уезде: «Желая на основании статьи 1-й Именного Высочайшего Указа 17 октября 1906 года учредить религиозную Общину под названием Краснопольская Община Евангельских христиан мы ниже подписавшиеся, имеем честь согласно статьи 7-й того же Указа, заявить Губернскому Правлению о внесении таковой в реестр и пропечатать в Ведомостях Смоленского Градоначальства и Сенатских Объявлениях. При этом считаем своим долгом за-

явить что мы признаем наставников, но управление Общиной вверяем согласно статьи 14-й того же Указа Совету Общины, избираемому общим собранием Общины» [8.Л.1-2об.]. Заявление было подано от сектантов Ельнинского, Краснинского, Рославльского уездов и г. Смоленска [8]. В заявлении указывалось, что деятельность общины распространялась на всю Смоленскую губернию.

17 октября 1906 года был опубликован Именной Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» [10.С.424-451]. Статья 1 Раздела II Указа гласила: «Отделившимся от православия сектантам предоставляется свободное исповедание их веры и отправление религиозных обрядов по правилам их вероучений, а также образование в порядке, настоящими правилами указанном религиозных общин...» [10.С.439].

Статья 7 Указа предполагала, что для образования общины сектантам необходимо было подать заявление, подписанное 50-ю лицами данного исповедания [10.С.440-441].

2 ноября 1913 года губернское правление вынесло решение об отказе в регистрации Краснопольской общины в связи с тем, что «в 7 уездах её (Смоленской губернии - А.Г.) последователей этой секты вовсе нет, а потому просители и не вправе ходатайствовать о распространении деятельности Краснопольской сектантской общины на всю Смоленскую губернию» [8.Л.5об.]. Здесь же указывалось, что деревня Краснополье Рославльского уезда «отстоит от деревни Понизовки, Ельнинского уезда, в расстоянии около 100 верст и от деревни Александровки, Краснинского уезда в расстоянии около 200 верст» [8.Л.5].

5 ноября 1913 года своим указом Николай II также отказал в учреждении Краснопольской общины евангельским христианам [8.Л.7об.]. Точку в решении этого вопроса поставил указ Временного правительства от 1 августа 1917 года - евангельским христианам было отказано в учреждении (регистрации) общины на тех же основаниях, что и в предыдущих актах [8.Л.10об.].

Подводя итог вышеизложенному, следует заметить, что несмотря на активные действия органов власти по недопущению распространения пашковщины на территории губернии в начале XX века, когда сектантам не позволялось распространять свое вероучение, запрещалось учредить общину, когда они обвинялись в совращении православных, но при этом бездоказательно, губернские власти не смогли остановить этот процесс.

Библиографический список

1. Андерсон В. Старообрядчество и сектантство. СПб., Издание В.И. Губинского, [1908].
2. Боголюбов Д.И. Кто это - пашковцы, баптисты и адвентисты? СПб.: Отечественная типография, 1912.
3. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография Губернского правления, 1910.
4. Булгаков С.Н. Справочник по ересям, сектам и расколам. М., 1994.
5. ГАСО. Ф. 2. Оп. 95. Д. 731. О появлении в Краснинском уезде секты Баптистов под названием Пашковцев.
6. ГАСО. Ф. 2. Оп. 98. Д. 583. О доставлении в Департамент Духовных Дел сведений об отпавших от православия в 1911 году.
7. ГАСО. Ф. 2. Оп. 99. Д. 436. О доставлении сведений о пропаганде секты Пашковцев (евангельских христиан), проживающих в пределах Рославльского уезда.
8. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 484. По ходатайству сектантов крестьян дер. Краснополя, Сеща, села Радичи Рославльского уезда, дер. Александровки Краснинского уезда и друг. об учреждении религиозной общины под названием "Краснопольской".

9. ГАСО. Ф.2. Оп.102. Д. 230. Об отпавших от православия в 1914 году.
10. Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр.Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. - Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. - СПб.: Юрид.кн.склад «Право», 1909.
11. Клитин Н. У досуговых штундистов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. - № 5. С.143-164.
12. Отчет миссионерского братства Преподобного Авраамия, смоленского чудотворца за 1914 год. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1916.
13. Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867-1917). - СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1999. - 424 с.
14. Терлецкий В.Н. Секта пашковцев / [Соч.] г. Терлецкого. - СПб. : И.Л. Тузов, 1891. - 139 с.
15. Материалы к изучению русского сектантства и раскола. Под редакцией В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908.
16. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. - 1917 г.). М.: Издательство «Наука», 1965. - 348 с.

Сведения об авторе:

Гавриленков Алексей Федорович, доктор исторических наук, профессор Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, e-mail: aleksej.gavrilenkov@mail.ru

ДРЕВНЯЯ КАЛУГА – «НИЖЕ ПАМЯТИ ОСТАЛИСЬ...» XIII-XIV ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию малоизвестной изначальной истории города Калуги на реке Оке и его роль в формировании российской государственности на начальном этапе межгосударственных отношений Руси, Литвы и Золотой Орды.

Ключевые слова: Калуга на реке Оке; XII-XIV века; межгосударственные отношения; Русь; Литва; Золотая Орда.

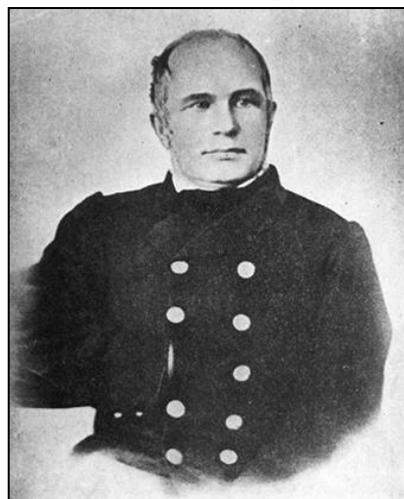
Gorolevich I.E. Ancient Kaluga - «below memory remained...» XIII - XIV.

Abstract. The article is devoted to the research of little-known history of the town Kaluga on the Oka River, show Kaluga's role in forming Russian nationhood at initial stage of international relations between Rus, Lithuania and Golden Horde.

Key words: Town Kaluga on the Oka River; XIII – XIV; international relations; Rus; Lithuania; Golden Horde.

«История города Калуги на реке Оке представляет собой книгу в добротном переплёте, только с вырванным предисловием и первыми главами...». И.Е. Горолевич

До настоящего времени считается, что город Калуга впервые вышел на сцену истории, как бы ни откуда, из небытия, из вековой глубины истории, в виде уже существовавшей некоторое время значимой литовской крепости на Оке. Данный факт получил известность из «Грамоты литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею...» (1371) из трудов В.И. Григоровича, опубликованных в журнале Министерства

Народного Просвещения в 1847 и 1848 годах[1, 2]. Очевидно, что профессора В.И. Григоровича частный случай упоминания Калуги в перечне других городов в изучаемом им документе не представлял должного интереса. Его привлекал только сам документ с исторической и филологической точки зрения. Тем не менее, он впервые на данный момент времени привёл в письменном источнике упоминание уже сложившегося литовского города Калуги [на Оке] и его наименование на среднегреческом языке¹ - «τήν Κολούγάν» (на русском языке звучит как «Колоуиган»). Учёный сделал географическую привязку перечисленных городов к их аналогам середины XIX в., в том числе, достаточно спорную, «τήν Κολούγάν» к городу «Калуга», если учесть сложившуюся историческую ситуацию к 1371 г. в этом месте на реке Оке...

Рис.1. Григорович Виктор Иванович (1815-1876), известный русский историк и филолог-славист, профессор Казанского, Московского и Новороссийского университетов.

Официальное признание «Грамоты Ольгерда...» (1371)[2] в качестве документа первого упоминания Калуги в письменных источниках произошло только через 120 лет после публикаций работ В.И. Григоровича [1, 2] в конце 60-х гг. XX в., в связи с подготовкой в Калуж-

¹ Среднегреческий (греко-византийский, византийский) язык - язык греческого и эллинизированного населения средневековых государств Восточного Средиземноморья VII-XV веков, официальный и разговорный язык Восточной Римской (Византийской) империи, в особенности её столицы - Константинополя; переходный этап между древнегреческим языком античности и современным новогреческим языком Греции и Кипра.

ской области торжественных мероприятий, посвящённых 600-летию «основания» Калуги с одновременной подменой понятий «первое упоминание» на «основание» города, что привело к канонизации искажённой изначальной истории Калуги.

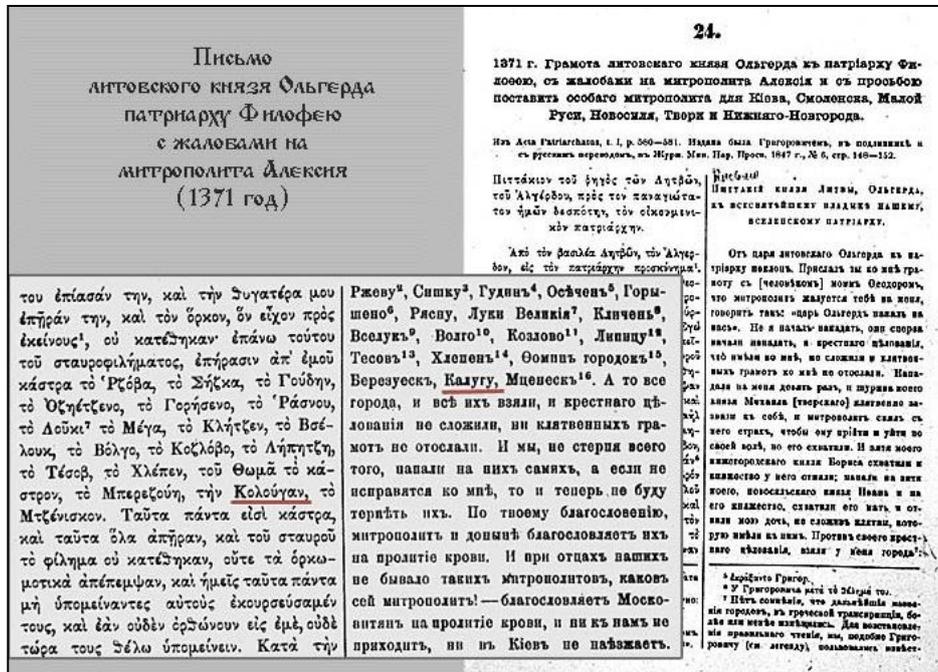

Рис.2. Статья В.И. Григоровича «1371. Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею...» из журнала Министерства Народного Просвещения № 5 (1848) в подлиннике на среднегреческом языке с русским переводом [2].

Рис.3. Зуев Василий Фёдорович (1754-1794), известный русский географ и натуралист, академик.

Учёный утверждал: «городище, что по реке Яченке верстах в двух от города... было некогда место пребывания князя Симеона, и если это был тот князь, который княжил в Москве и Новгороде, то есть сын Иоанна Даниловича Калиты, то древность Калуги простирается уже далее 1340 г., потому, что сие её место было третье, на которое она перенесе-

на»[3, С.42-44]; первое местонахождение города - «название своё получил от речки Калужки», которая течёт в Оку, «где и стоял прежде, то есть на устье её»[3, С.42-44]; город имеет древние российские городские традиции, но подлинной, документально подтверждённой, истории его основания не установлено. Таким образом, В.Ф. Зуев полагал, что исследователю при установлении даты «основания Калуги» нужно будет применять эмпирический метод, пользоваться логикой и здравым смыслом, а не ранней датой написания случайных исторических документов.

У академика В.Ф. Зуева отсутствовала информация о существовании «Грамоты Ольгерда...» (1371)[2], и он принимал за дату первого упоминания Калуги 1389 г. - дату написания духовной грамоты Дмитрия Донского: «А се даю сыну своему, князю Андрею... А Колуга и Роща сыну же моему, князю Андрею»[4, 5], в которой название города «Колуга» пишется через «о», как и в «Грамоты Ольгерда...».

Духовная грамота Дмитрия Донского 1389 г. сохраняла свою актуальность, как год «основания» Калуги вплоть до конца 60-х годов XX века, хотя недоверие к этой дате ощущалось постоянно. Так в 1889 г. калужский губернатор А.Г. Булыгин¹, при подготовке к празднованию 500-летия Калуги, усомнился в объективности этой даты и запретил горожанам празднование сомнительного юбилея, заявив, что в этом вопросе нельзя ориентироваться только на одну духовную грамоту Дмитрия Донского. И он оказался прав...[6, 7].

Сомнение по вопросу «основания» Калуги в 1389 г. на страницах своего историко-географического очерка «Калуга» (1957) высказал А.И. Мигунов²: «На момент своего «первого упоминания», Калуга уже имела свою, достаточно продолжительную «таинственную» историю»[8]. Он отмечал, что один факт распределения московской земли великим князем между четырьмя сыновьями, в том числе Калугу, третьему сыну князя - Андрею, свидетельствовал о том, что в конце XIV века Калуга была довольно значительным населённым пунктом, хорошо известным в Московском государстве[8].

История основания Калуги и значение её наименования уже больше двух веков после работ академика В.Ф. Зуева и профессора В.И. Григоровича, волнуют многие поколения калужан, краеведов, историков и лингвистов, таких как: Г.К. Зельницкий (1762-1828), А.П. Степанов (1781-1837), И.Д. Четыркин (1846-1904), Д.И. Малинин (1879-1933), А.В. Грознов (1881-1978), Н.М. Маслов (1890-1967), В.Б. Шкловский (1893-1984), М.В. Фехнер (1909-1996), А.С. Днепровский-Орбелиани (р. 1927), В.А. Пухов (р. 1931), В.А. Кучкин (р. 1933), В.А. Цветков (р. 1938), С.А. Мосина (Шевырёва) (р. 1946), С.Н. Колибаба (р. 1947), В.Е. Продунов (р. 1956), С.В. Рыбаков (р. 1957), И.Е. Горолевич (р. 1958), В.С. Казаков (р. 1965), О.В. Мосин (р. 1966), Р.А. Беспалов (р. 1976?) и многие другие, которые пытались приоткрыть завесу этой тайны, раскрытие которой может пролить свет на новые, незаслуженно забытые грани российской истории и роль Калуги в формировании российской государственности.

Академик В.Ф. Зуев на базе, собранных в 60-х годах XVIII века Калужской провинциальной канцелярией преданий о времени основания города и его наименовании для публикации в «Топографических известиях» (1772)[9] и своих исследований создал первую, достаточно осторожную, гипотезу изначальной истории Калуги на реке Оке. Он заложил тот ин-

¹ Булыгин Александр Григорьевич (1851-1919) - государственный деятель Российской империи, закончил Императорское училище правоведения: глава Калужской (1887-1893) и Московской (1893-1902) губерний; министр внутренних дел (январь-октябрь 1905 года); статс-секретарь (1913), действительный тайный советник.

² Мигунов Алексей Иванович (1908-1977) - географ, кандидат географических наук, доцент, ректор Калужского государственного педагогического института (1955-1961).

формационный базис, от которого уже могли отталкиваться его последователи, итогами трудов которых становились новые догадки, предположения и гипотезы. Не смотря на то, что многие выводы В.Ф. Зуева были уязвимы для критики и основаны на спорных данных, это не являлось для них препятствием становиться отправными точками для новых исследований истории Калуги «ниже памяти...», заражая их «вирусом» краеведения.

Отсутствие достоверной информации о Калуге «ниже памяти...», приводило к концентрации внимания исследователей на осмыслении известных исторических событиях, происходящих в X-XIV вв. вблизи современной Калуги и уточнении спорных выводов В.Ф. Зуева и друг друга.

После распада СССР исследователи истории Калуги получили возможность найти ответы на поставленные академиком В.Ф. Зуевым вопросы о том, «каков город был прежде и кому принадлежал» и «что ныне ниже памяти осталось не только о делах до города касающихся, но и главнейших приключениях, что, когда и по какому случаю случилось»[3, С.42-44].

С 1995 г. известен курс лекций профессора Уральского государственного технического университета (Екатеринбург) С.В. Рыбакова «История России с древнейших времён до второй половины XIX века», изданный под редакцией академика Б.В. Личмана, члена научно-методического совета по истории Министерства образования РФ, где, в лекции № 2. «Золотая Орда: мифы и реальность», указано: «В Золотой Орде было создано более сотни городов, выполнявших функции административно-налоговых и торгово-ремесленных центров. Столица государства - город Сарай - насчитывала 75 тысяч жителей. На золотоордынской территории строились города и с преобладанием русского населения - Елец, Тула, Калуга. Это были резиденции и опорные гарнизоны баскачества («Калуга», с татарского переводится как застава, преграда). Благодаря союзу городов со степью развивались ремёсла и караванная торговля, создавался экономический потенциал, длительное время способствовавший сохранению могущества Орды»[10, 11].

Аналогичная информация изложена в пособии Н.И. Краматорова по истории за 10-11 классы: «Тематические тесты для подготовки к ЕГЭ (базовый уровень)» по теме «Образование монгольского государства. Русь и Орда» (2012): «Расцвет Золотой Орды приходится на правление хана Узбека (1318-1342). Его государство простиралось от Дуная до Алтая; на юге границей был Кавказ, на Севере - районы Центральной России (Курск, Тула и Калуга), где местное население управлялось татарской администрацией... При Александре Невском (1252-1263) оформилась система экономических и политических мер, посредством которых Орда контролировала и эксплуатировала русские земли»[12].

В 1257-1312 гг. наблюдается пик распада русских земель на мелкие удельные княжества. Распались Черниговское и Новгород-Северское княжества с образованием системы мелких Верховских княжеств, остро встал вопрос об организации Ордой учёта и сбора дани с русских земель и организации таможенного контроля за товарооборотом на главном торговом пути Древней Руси, которым являлась река Ока, связывающая Восток с Западом.

Об этом периоде русско-золотоордынских отношений писал известный русский советский писатель, литературовед, В.Б. Шкловский в своей исторической повести «Марко Поло», опубликованной в журнале серии «Жизнь замечательных людей» в 1931 г.[13].

Хан Берке, после смерти в 1255/56 г. своего брата Бату-хана стал правителем Золотой Орды. До этого, с начала 40-х гг. XIII в. Берке являлся ханом улуса на Северном Кавказе и имел опыт использования выгод от торговых путей, проходивших через перевал у города Дербент [14]. Дербент - с персидского «врата заставы» («дер» значит – дверь, «бенд» – преграда)[13].

В январе 1263 г. на южной границе Золотой Орды полыхала междоусобная тяжба за Дербент-калугу («калуга» - это по-татарски «застава, преграда») между двумя монгольскими ханами Берке и Хулагу. 13 января произошло историческое сражение на льду реки Терек, где в ожесточённом сражении за Дербент сошлись два ордынских войска. Под копытами коней река вскрылась, начался ледоход, и множество людей потонуло. Победителя не было... Число погибших с двух сторон было столь велико, что конфликт был завершён... Отряды Берке вернулись на Русь и принесли туда песню: «Ой, Дербень, Дербень-калуга!».. - что значит: «О застава Дербента!..». По всей русской земле прошла эта песня, и долго дразнили ею русские люди татар, ведь у Дербента-калуги монголы истребляли монголов[13].

В.Б. Шкловский в своей исторической повести сообщал, что во второй половине XIII в. на границах Золотой Орды упоминалось три «калуги»: на границе с Персией - Дербент-калуга (на Тереке); на границе с Русью - Калуга (на Оке) и на границе с Китаем - Калган (на Янхэ) [13]. Если древний город Дербент был захвачен монгольскими войсками в 1239 г., а уже к 1262/63 г. он упоминался как Дербент-калуга, то новая застава Калуга на Оке могла быть основана до окончания формирования баскачества (1260) и русско-ордынской государственной границы.

Застава Калган на Янхэ была основана монгольским племенем кочевников, жившим на севере Китая в период династии Юань (1279-1368). Калган стал главным центром торговли распространения культуры чая в Золотой Орде, переняв её у китайцев[15].

Все три «калуги» служили главными Торговыми воротами Золотой орды, административно-налоговыми центрами ордынского баскачества и пограничными стратегическими заставами¹. Если в названии «Дербент-калуга» первично было персидское значение, то в названии «Калуга-застава» и «Калган-застава» (Чжанцзякоу), по аналогии, первичными были, соответственно, татарское и монгольское значения. Калган (Чжанцзякоу) - застава, означающая «Ворота семьи Чжан» или «Ворота в Великой стене». Калган развивался как главный пункт сообщения и торговых отношений между Китаем и Внутренней Монголией и далее с Русью. В городе обосновалось поселение купцов, торгующих чаем. Свой товар они возили по известному в те времена караванному тракту, называемому «Великий чайный путь»²[16].

Рис.4. Подлинник чудотворной Калужской иконы Божьей Матери (1748) из храма Рождества Пресвятой Богородицы в с.Калужке (ныне п.Ждамирово, г.Калуги)[18]. Утрачен в 1918 г.

Южными «Торговыми воротами» Золотой Орды при хане Берке, по сообщению Марко Поло, служил Дербент, через которые золотоордынскому хану приходили подарки из Египта, Вeneции и Ближнего Востока: «мечи дамасские с насечками,

¹ Застава – по-русски заградительный сторожевой пункт или небольшая крепость с долговременными укреплениями и гарнизоном на государственной границе, затрудняющий неприятелю движение внутрь страны и рассчитанный на сопротивление осаждающему противнику в течение нескольких недель; по-татарски - «калуга». Кроме того, «заставой» называли заграду на дорогах и въездах для временного задержки, опроса, осмотра проезжих, для взимания пошлин и прочего, при заставах устраивались заставные дома для жительства лиц, взимающих дорожный сбор и таможенные учреждения.

² Великий чайный путь - караванный путь между Азией и Европой в XVIII-XIX в. Он начинался в Калгане, пересекал территорию нынешней Монголии и через Россию шёл в Европу. По объёмам торгового оборота уступал лишь Великому шёлковому пути.

франкские латы и шлемы, венецианские материи и материи из Леванта, луки для метания ядер и луки для метания огня, много ящичков со стрелами, кожаные ковры, цветные фонари, Коран, арабские кони, нумидийские верблюдицы, египетские ослы, одежды из Александрии и многое другое...»[13].

О Калуге на Оке Марко Поло ничего не сообщает, но пишет и о Москве: «Рассказывали приезжие люди про Москву. Была тогда Москва новым городом: туда переходила торговля из разорённого Киева. Уже торговала Москва с генуэзцами и венецианцами. Около дубового Кремля, стоявшего на высокой лесистой горе, там, где река Неглинная впадает в Москву-реку, стоял целый ряд с сурожскими товарами, привезёнными с юга»[13]. Надо полагать, в «рассказах приезжих людей про Москву» ничего не говорилось о Калуге, ввиду того, что её ещё не существовало или она была мало известна...

Рис.5. Старое городище в 7 верстах от Калуги ниже по течению Оки [20].

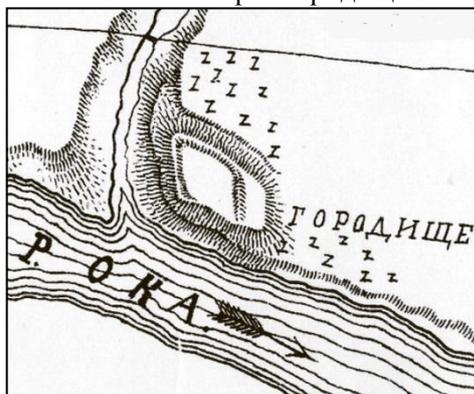

Рис.6. Карта нижнего течения р. Калужка. Старое городище отмечено на карте VIII века. Значками помечены древние курганы[20].

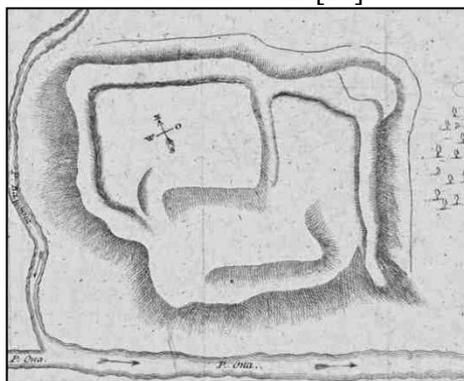

Рис.7. Рисунок плана городища, что на р. Калужке из «Путешественных записок Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году» [3, С.47. Фиг.2].

Что же могло остаться, по утверждению академика В.Ф. Зуева «ниже памяти... не только о делах до города касающихся, но и главнейших приключениях, что, когда и по какому случаю учинилось»[3, С.42-44]?

В.Ф. Зуев точно указал первое местонахождение города Калуги: «название своё получил от речки Калужки», которая течёт в Оку, «где и стоял прежде, то есть на устье её»[3, С.42-44]. Если его утверждение о первом местоположении Калуги сомнений не вызывает, то утверждение о том, что «название своё получил от речки Калужки», является спорным. Первое местоположение Калуги, по состоянию на 1782 г., подробно описал В.Ф. Зуев: «Далеко не доезжая оной [речки Калужки] увидели мы на правой стороне четыре нарочитой величи-

ны кургана... то были бугры покрывающие тела умерших страшною в старину в сих местах свирепствовавшей моровую язвою; и как таковое несчастье по сказкам жителей было причиною перенесения города на другое место, то думаю, что это было, когда ещё город стоял на устье сей речки, где видно и по ныне на выдавшемся по левую сторону между устьем Калужки и около мысу городище. ...переехав Калужку мостом..., выше которого стояла изрядная каменная церковь, в коей явленный образ Калужской Богоматери находится..., пошёл на высокий сей мыс осматривать старинное калужан пепелище.

Оно было по справедливости достойно примечания и в сравнении с того времени заслуживало внимания путешественника. Место, которое город занимал, выбрано было на углу между двух рек, к обеим окончивающееся ярами, и при том несколько пологое к одной только Оке: всё оно окружено было весьма глубоким рвом, так что, не смотря на истекшее время, ни что заросло высокою травою, нельзя ещё не удивляться примятой глубине его; от рва подымается почти прямою стеною вал сажени на три перпендикулярных. Оный вместе со рвом обходит город только с трёх сторон, а с четвёртой, что к Оке открыто яром, так что середина составляет некоторую площадь; и как положение места само собою одною половиною к речке Калужке или к NW было выше, нежели другое к SO, ниже по берегу Оки простирающееся, то между оными посередь города проведён от главного вала ещё будто провалок без рва, который высшую половину отделяет от нижней; с речной же стороны открыто опять яром, так что сие производит вторую площадь пониже первой, из которой с первою другого сообщения не оставлено, как только в стороне подле главного вала, сколько для проезжей дороги потребно; а из второй площади под гору к реке Оке сделан съезд уже по другой конец главного вала и, при том, спуском внутрь города, или насупротив первого съезда, как лучше видно из приложенного при сём рисунка. По углам главного вала видно были видны бугры с раскатами, на коих без сомнения стояли деревянные башни, а сверх того от оных башен ко рву были ещё скаты, и наконец над самым рвом ещё таковые ж бугры может быть для вторичных башен. Длина вала со стороны Калужки 100 шагов; со стороны поля 230 шагов, с третьей же стороны более полутора ста шагов. Впрочем, всё сие городище заросло густою травою, и других признаков жилья никаких было не видно»[3, С.46-47].

В 1891 г. И.Д. Четыркин¹ провёл первые археологические раскопки на мысе левого коренного берега р. Оки при впадении р. Калужки и 12 курганов по её берегам. По находкам древнерусской и позднесредневековой керамики, железных предметов, костей и следам пожара они были отнесены к двум характерным, следующим друг за другом периодам XI-XIII и XIV-XV вв. Курганы по берегам р. Калужки относятся к I-му тыс. н.э. [21, 22].

И.Д. Четыркин сообщал: «... Тщательному исследованию также должна подлежать местность вблизи «Старого Городища» у устья Калужки, где было значительное древнее поселение, в особенности же - самое Городище с южной его стороны, так как там найдено мною пепелище с разбитой посудой, украшенной древним орнаментом, и обожженные кости... По культурному слою можно заметить, что поселенье простиралось от Старого городища, по высокому берегу р. Оки на ю.в. около версты, а также на север; кроме того, было поселение и на с.з. от Городища, почти с самого берега Калужки, на возвышенно-покатом с обеих сторон месте...». И.Д. Четыркин так же уточнил количество (сохранившихся) могильных курганов, указанных В.Ф. Зуевым, до 12, но не опроверг, выдвинутую им по спор-

¹ Четыркин Иван Данилович (1846-1904) - первый калужский археолог, один из основателей Калужского губернского краеведческого музея, председатель учёной Археологической комиссии (1897-1904), исследовал городище в устье Калужки, он же обследовал 12 курганов по берегам р. Калужки, отнес их к I-тыс. н.э. и др.

ным сказкам жителей, причину столь массовой смертности населения от предположительной моровой язвы [21, 22].

В советское время археологами при раскопках вала Старого городища были также выявлены обгоревшие брёвна оборонительных стен, что свидетельствовало - крепость погибла в пожаре. Найденные фрагменты керамики и другие предметы быта были датированы учеными X-XI вв.

Определённый свет на древнюю историю Городища на р. Калужке (ранее - р. Городенка) проливают исследования начала 80-х гг. XX в. академика Б.А. Рыбакова¹, в частности, книга «Киевская Русь и русские княжества XII -XIII вв.»[23], в которой он отмечал, что сведения о племенном союзе Вятичей, содержащиеся у Ибн-Русте, Гардизи, в «Худуд ал-Алем»² не были в надлежащей мере использованы наукой [23, С.198].

Изначально неизвестный автор «Худуд ал-Алем» делает этническое различие между славянами страны Вантит - вятичами и русами: «Вабнит - первый город на востоке (страны славян), и некоторые из его жителей похожи на русов». Путь по лесам, пустым местам и бездорожью, который приводит к «городу», или стране Вятичей, - это магистральный путь из Булгара в Киев, точно измеренный в почтовых станциях[24]. «Путешественник, ехавший из Булгара, достигал восточной границы Руси, и здесь же начиналась (к северу) неподвластная Руси земля вятичей, которая совершенно справедливо описана как земля славян. Это утверждение подкрепляется еще одним очень важным аргументом - местоположением главного города «славян» - Хордаба»[23, С.199].

«Местопребывание его (царя) находится в середине страны славян... Город, в котором он живёт, называется Джарваб и в этом городе ежемесячно в продолжение трёх дней проводится торг, покупают и продают» (Ибн-Русте)[25, С.388].

«Хордаб - большой город и место пребывания царя» («Худуд ал-Алем»)[25, С.389].

«Река Ука (другое чтение Рута) течёт от горы, расположенной на пограничье между печенегами, мадьярами и Русью. Потом она входит в пределы Руси и течёт к славянам. Затем достигает города Хордаба, принадлежащего славянам...»[26]. В.Ф. Минорский³ определил эту реку как Оку. Вытекая из сердцевины Среднерусской возвышенности, Ока касается северо-восточного края «Русской земли» и течёт к славянам-вятичам, для которых Ока была главным географическим определителем («а Вятко седе с родом своим на Оце...»)[23, С.200]. Персидский Анонимом с поразительной точностью обозначил на Русской равнине шесть главных водоразделов и местоположение Хордаба между ними. Водоразделы Днепра, Оки, Дона и Волги являлись отличными дорогами для летне-зимних торговых путей и перекрёстков.

Из всего сказанного, академик Б.А. Рыбаков сделал вывод, «что под славянами автор «Худуд ал-Алем» подразумевает именно вятичей и главный город славян («местопребывание

¹ Рыбаков Борис Александрович (1908-2001) - советский и российский археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси; действительный член АН СССР (1958), академик РАН (1991). Один из самых влиятельных деятелей советской и российской историографии.

² Худуд ал-Алем - географический трактат 982 г. неизвестного персоязычного автора. Полное название сочинения: «Худуд ал-Алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» - «Границы мира с востока на запад». Самый ранний образец географического трактата на персидском языке. Перевёл на русский язык - В.Ф. Минорский.

³ Минорский Владимир Фёдорович (1877-1966) - русский востоковед и дипломат, исследователь истории, исторической географии, литературы и культуры Персии и Закавказья, незаурядный геополитик, профессор (1937), почётный и действительный член Британской и Французской академий наук, почётный доктор трёх университетов, доктор исторических наук, звезда мировой величины в области исторических исследований восточных народов.

их царя») - это какой-то значимый город Вятической земли, расположенный на правом берегу Оки, на пространстве не далее конца «гор», т. е., примерно, до участка Оки у Рязани. Судя по археологическим данным, именно здесь, в этой верхнеокской полосе, встречены наиболее архаичные вятические памятники. Здесь же обнаружено значительное количество кладов восточных монет VIII-X вв., что частично объясняет хорошую осведомлённость восточного географа об этих краях (местные жители вели торг с Востоком)»[23, С.200].

Подсказку для установления местоположения столицы Земли вятичей дают «Поучения» Владимира Мономаха из Лаврентьевской летописи (1377): «... Сначала я к Ростову ходил, через землю вятичей; послал (туда) меня отец... А в Вятическую землю ходили две зимы на Ходоту и на сына его, и к Корьдну ходил первую зиму...»[27].

Несколько слов из «Поучения» дают важную информацию. По указанию великого князя киевского и государя всея Руси Всеволода Ярославича (1030-1093), его сын - черниговский удельный князь (1078-1094) Владимир Мономах (1053-1125), совершал две зимы в 1082 и 1083 гг. карательные походы на славян-вятичей. Совершенно очевидными были: повод походов - насильственная христианизация последних язычников в крещёной Руси для формирования единой церковной организации, культуры, обычаев, мировоззрения и многого другого; и их цель - обеспечение идеологического единства веры и государства, что создавало предпосылки к единой государственности, способствовало консолидации древнерусской общности. Видимо другие племенные союзы славян, как радимичи и кривичи, к этому времени, уже утратили свои автономии и добровольно-принудительно приняли крещение.

Земля Вятичей формально входила в состав Киевской Руси, только по факту признания над собой старшинства власти киевского князя и выплаты ему ежегодных налогов. Во всём остальном они долгое время жили самостоятельной политической жизнью автономно от Киева и сопротивлялись его многократным попыткам их покорить, упорно держались за свою древнюю языческую религию, сурово расправляясь с миссионерами.

Природа земли Вятичей достаточно полно описана авторами рукописей в полном соответствии с действительностью: «Это - большая страна и в ней очень много деревьев, растущих близко друг от друга. И они живут между этими деревьями» («Худуд ал-Алем»); «Страна славян — ровная и лесистая» (Ибн-Русте); «Страна славян ровная, изобилует деревьями, и они живут большей частью среди деревьев» (Гардизи). Лесистость земли Вятичей общеизвестна. Вятичи «...живяху в лесех, яже и всякий зверь»[23, С.201].

Из сказанного следует, что выводы, сделанные академиком Б.А. Рыбаковым в отношении «главного города славян («местопребывание их царя»)», требуют уточнений:

1. «Крестовые» зимние походы черниговского князя Владимира Мономаха в 1082 и 1083 гг. в пределы автономной земли Вятичей носили религиозно-карательный характер, ввиду того, что зимние заготовки вятичей были сосредоточены в городах и селениях, и уходить от запасов продовольствия, было равносильно обречь себя на голодное существование. Кроме того, беглецов в лесу княжеские дружинники могли выслеживать, как зверей, по следам на снегу.

2. «Главный город славян («местопребывание их царя»)» находился на возвышенном берегу Оки на пространстве от места впадения в неё Угры и вблизи волока в верховьях Дона, то есть в центре связки бассейнов Оки, Днепра, Дона и Волги.

3. Столица земли Вятичей Корьдно был разорён и сожжён «в первую зиму» (1082) до основания так, что бы стереть о нём память.

4. Столица Вятичей не могла являться Рязанью (1095), так как дружина Владимира Мономаха шла скрытно по льду со стороны р. Угры по течению Оки к городу Корьдно, что у устье р. Калужки находился. Рязань, как незначительный городок, интереса не представляла.

5. Очевидно, что царь Вятичей Ходота погиб в зиму 1082 г., а сын его продолжал сопротивление с небольшим отрядом ещё год. Разорение столицы и гибель царя вятичей сломало их волю к открытому сопротивлению. Место зимовки отряда сына Ходоты, видимо, стало известно Владимиру Мономаху и явилось поводом для второго его карательного зимнего похода 1083 г., после чего открытые сопротивления вятичей больше не упоминались.

6. Вблизи разорённого и сожжённого Корьдно должны находиться следы пожарища и массовые захоронения в виде характерных погребальных курганов вятичей.

Вместе с тем, Б.А. Рыбаков вполне обоснованно сопоставляет Хордаб (или Джарваб) с Корьдно и считает его: «много убедительнее, чем целый ряд других географических имен, переданных арабской графикой. Сближение Хордаба и Корьдна важно в том отношении, что ещё раз подтверждает именно вятический характер всего описания «славян» восточным автором»[23, С.200]. Достаточно перспективной являлась догадка Б.А. Рыбакова о наличии некой связи между городищем с обширным селищем у с. Городня недалеко от Дедославля и «главного города славян («местопребывание их царя»)» Корьдно[23, С.201]. Одновременно делается спорное предположение, что столицей Вятичей являлся Дедославль (Дедилов близ Тулы) только на том основании, что там, в 1146 г. «собралось вече всех вятичей¹ к которым обратились черниговские князья Давыдовичи, искавшие у них поддержки против своего врага Святослава Всеволодовича»[23, С.201]. «Вечем» эту тайную сходку заговорщиков в селе на третьестепенной речке Шивороне, притоке Упы, правом притоке Оки, затерянном в лесной чаще в 20 км восточнее от начала Дона, назвать сложно...

Возможно, предложенная Б.А. Рыбаковым альтернатива спорной значимости Дедославлю, в виде Старого городища в устье р. Калужки (ранее - Городенки), недалеко от с. Городни, и является местоположением столицы Вятичей Корьдно и единственным, сохранившимся в России памятником, свидетельствующим о методах крещения Руси (на примере язычников славян-вятичей) во благо формирования духовного и политического единства Древней Руси.

Поиски разгадки тайны основания Калуги «ниже памяти» и исследования академика Б.А. Рыбакова[23], подтолкнули В.Е. Продувнова²[20], вслед за В.С. Казаковым³ выдвинуть догадку по трансформации названия Старого городища в устье реки Калужки (Городенки): [Хордаб или Джарваб] - Хорьдно - Корьдно - Горьдно - Городна(я) - Городенск - Калуга и на основании этого предположить, что год первого упоминания Калуги - 1082. Было выдвинуто утверждение, что «до начала XVIII в. в документах вместо «речки Калужка» автору постоянно встречалось название «речка Городенка, впадавшая в Оку», следовательно, это р. Городенку стали позже называть Калужкой»[20].

Анализируя географический трактат «Худуд ал-Алем», В.Е. Продунов отождествляет «упоминание гор» вблизи главного города славян («местопребывание их царя») «с «Алексинским каньоном», который и начинается практически с городища у устья Калужки. Именно в верхнем течении Оки обнаружено значительное количество кладов восточных мо-

¹ «Всех вятичей» - очевидно, речь только о малых остатках народа Вятичи, которые на 1146 г. ещё себя идентифицировали под своим племенным именем. Если учесть, что последнее упоминание летописью о вятичах было в 1197 г., то можно утверждать, что такие поселения были уже весьма редки и укрыты в непроходимых лесах. Они не являлись серьёзной самостоятельной политической силой.

² Продунов Валерий Евгеньевич (р. 1956) - известный калужский краевед, журналист, автор книги «Это моя Калуга: Страницы истории».

³ Казаков Вадим Станиславович (р. 1965) - глава Союза славянских общин славянской родной веры, писатель, учредил журнал «Родноверие», автор ряда книг.

нет VIII-X вв., что подтверждает посещение в древности этого водного пути восточными торговцами». Далее, он делает смелое, достаточно уязвимое для критики предположение о том, что «в восточных текстах упоминается как раз «предок» нашего города». Лично я убеждён, что именно с этого места и пошла наша Калуга»[20].

Не смотря на всю спорность выводов В.Е. Продувнова в вопросах: трансформации названия Старого городища Корьдно - Городенск - Калуга; года первого упоминания Калуги - 1082; Корьдно - «предок» нашего города - Калуги, в остальном исследователь подошёл ближе всех к разгадке тайны местонахождения города Хордаба- Корьдно, но не Калуги! Эти города ничего не связывает между собой, кроме их места расположения, разнесённого во времени на почти 180 лет...[28-30]. Версия последующих событий описана в гипотезе основания города Калуги на Оке[28-30].

В зиму 1082 г. Владимир Мономах со своей дружиной скрытно подошёл по льду рек Угры и Оки к столице язычников-вятичей - Корьдно («местопребыванию их царя»). Очевидно, после внезапного нападения царь вятичей Ходота со многими горожанами были убиты, город разорён и сожжён дотла. Тех же, кому удалось спастись в лесу по снегу, преследовали княжеские дружинники. Об этом свидетельствуют следы пожарищ, домашняя утварь, кости домашних животных и множество погребальных курганов вятичей вблизи Старого городища и по берегам реки Городенки (позднее - Калужки). Данное событие принципиально мало чем отличалось от Варфоломеевской ночи (24.08.1572) во Франции, когда католики свершили массовое убийство гугенотов в Париже и по всей Франции. После побоища главный город вятичей Корьдно не восстанавливался, что свидетельствует о том, что киевский князь Всеволод Ярославич запретил под страхом смерти горожанам, кому удалось спастись от смерти и пережить зиму в лесу, это делать. Само название столицы Вятичей Корьдно должно было нести в себе большое смысловое значение и могло трактоваться, как «корень» и «дно» (всё в реке оседает на дно) или укорениться, осесть у реки. Ока для вятичей была главным их географическим определителем («а Вятко седе с родом своим на Оце...»)[23, С.200].

Итак, город Корьдно располагался на мысе в устье речки Горьденки, Гор(ь)ненки (с болгарского - горянка, жительница верхней части села) или Городенки, впадавшей в Оку.

Значимость выгод месторасположения столицы вятичей Корьдно можно оценить, только после осознания роли самой Оки в истории России, сравнимой с той ролью, какую играли в развитии цивилизации такие реки, как Нил, Евфрат, Хуанхэ. Для торговца она готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога. Ока являлась своего рода воспитательницей порядка и общественного духа в народе. Она приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместным артельным действиям, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разрозненные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, меняться товаром и опытом, знать обхождение[31].

И такие разнообразные исторические функции Оки находились под контролем царя Вятичей Ходоты и его столицы Корьдно. Многие восточные товары до Киева даже не доходили... Мог ли с этим мириться великий князь киевский и государь всея Руси Всеволод Ярославич? Язычество вятичей, очевидно, было только поводом для «крестового похода» по решению экономических, политических и правовых вопросов под христианскими хоругвями.

Оставшиеся жители разорённого Корьдно переселились выше по течению р. Городенки (Калужки) к месту нахождения в наше время Городища у Явления (Калуга, с. Ждамирово), где изначально был основан город-крепость Городенск, названный по названию речки, который в 1158 г. уже упоминался в уделе сына Юрия Долгорукова Бориса. На месте сожжённого Корьдно остались только отдельные деревни и рыбацьи хозяйства.

Таким образом, можно утверждать, что информации о Калуге «ниже памяти», связанной с монгольским нашествием на Русь, быть не могло. На месте первого основания Калуги в устье р. Городенки (позже - Калужки), возможно, существовала прежде, около 180 лет назад, столица Вятичей Корьдно, но она никакого отношения к новой ордынской заставе-Калуге не имела.

История Калуги на реке Оке начинается, наиболее вероятно, в 1260 г. (что совпадает с годом, указанным при явлении Богородицы Калужской 27.08.2008[17]) на последнем этапе формирования русско-золотоордынской границы и баскачества на Руси. «Монгольское иго» завершилось, отношение Руси с Ордой приняло предсказуемую и устойчивую форму, постепенно в течение 1250-1260 гг. произошло назначение особых баскаков для каждого княжества, прошла первая татарская перепись (в Черниговских и Северских землях - в 1258-1259 гг.). Остро встал вопрос об организации Ордой таможенного контроля над товарооборотом на главном транспортном пути Древней Руси, которым являлась река Ока.

Став ханом Золотой Орды, Берке решил установить контроль над главным торговым путём того времени - рекой Окой, окружённой болотистыми непроходимыми лесами, организовав ордынскую таможенную заставу баскака на удобном месте заброшенного Старого городища древней столицы вятичей Корьдно в устье р. Городенки (ныне Калужки). Подобно Дербенту-калуге, стоящему на единственном удобном перевале в горах у реки Терек, Калуга-застава на Оке среди непроходимых лесов стала Северными «Торговыми воротами» Золотой Орды. На этом участке Ока объединяла между собой торговые пути бассейнов Днепра, Дона, Волги и Двины, обеспечив связь Балтийского, Белого, Каспийского, Азовского и Чёрного морей.

Перед новой ордынской заставой (Калуга) на Оке, кроме выполнения военно-стратегических задач передового наблюдательного пункта, стояли другие важные задачи: сбор различных пошлин и дани (с литовской части русских земель), контроль над перемещением товаров, путешественников и дипломатических миссий требуют тишины и порядка. Находясь на виду, в самом центре торгово-экономических, политических и международных отношений Калуга (застава) оставалась обойдённой русскими, литовскими и ордынскими летописными источниками по случаю отсутствия ярких или значимых событий. Такое историческое забвение Калуги (заставы), находящейся на острие клина золотоордынской территории, глубоко врезавшегося в русские земли, несёт в себе некий элемент мистики. Ордынская застава на Оке, контролирующая торговые и политические процессы средневековой Руси, реально существовала в натуре, но не оставила о себе никакой информации, кроме той, что она сгорела, оставив после себя только Ямскую слободу¹ и имеются данные, что он сгорел, не нашёл упоминания ни в одном письменном источнике. Ордынская Калуга-застава была возведена на пепелище столицы Вятичей Корьдно и, как и она, обернулась вновь в пепел и забвение...

Вопросы формирования русско-ордынской границы с уступкой клина земли между Окой и Доном с городами Елец (1146) и Тула (1146), и с небольшим участком земли на левом берегу Оки с заставой Калуга, не могли решаться Ордой без согласия великого князя владимирского Александра Невского. Никаких документов, в отношении этого участка границы на настоящее время не выявлено, но весь ход последующих событий свидетельствует о факте такого соглашения. Нет сомнения, что Александр Невский согласился на передачу Золотой Орде этой стратегически важной территории не без соразмерных обстоятельствам возраже-

¹ Слобода - поселение в Древней Руси или группа административно связанных между собой поселений, жители которых получали различные льготы и временно освобождались от уплаты налогов и государственных повинностей.

ний. Князь отличался дальновидностью, благоразумием и ответственностью за свой народ, и проявить непокорность Берке в этом, принципиальном для него вопросе, особенно после «Неврюевой рати», не мог.

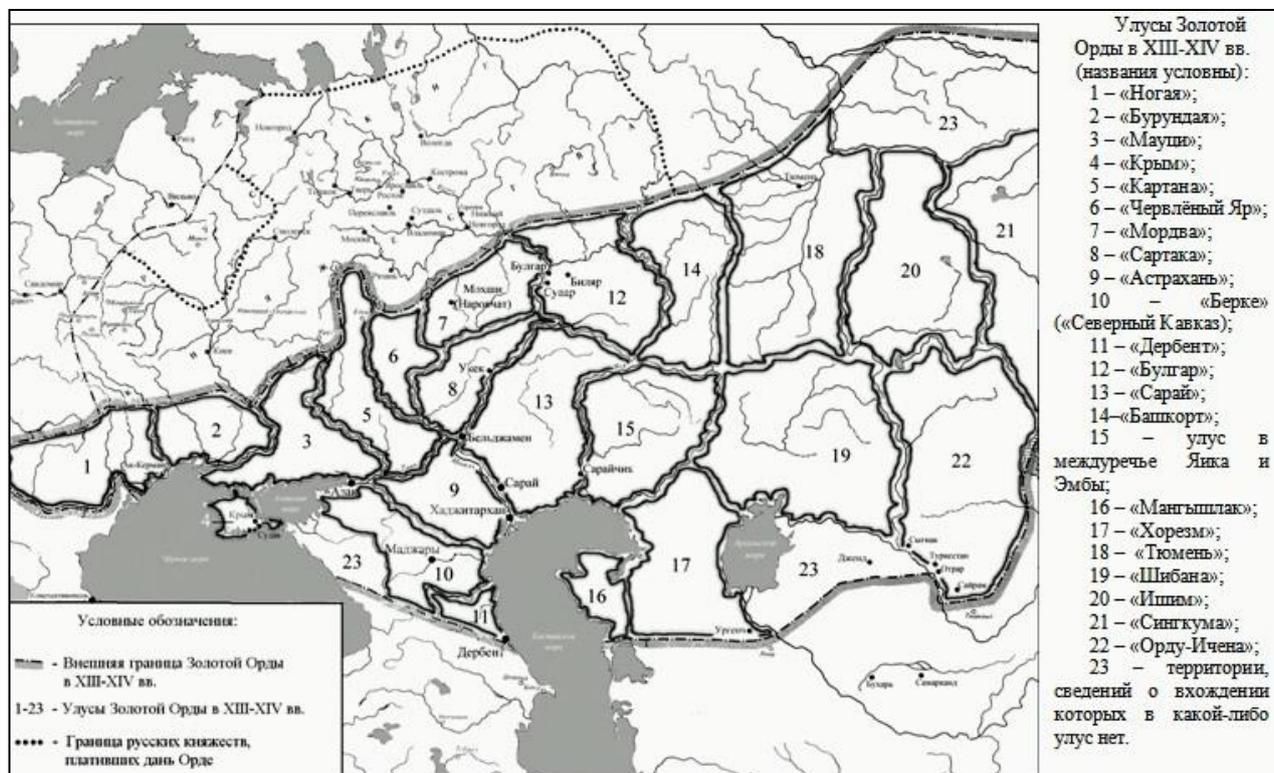

Рис.8. Карта административно-территориального деления Золотой Орды в XIII-XIV вв.[32].

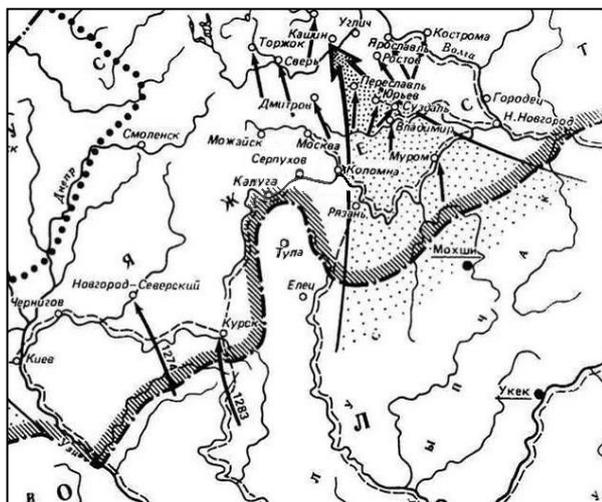

Рис.9. Увеличенный фрагмент (реконструкция) кли-на земли на карте «Территория и границы Золотой Орды в XIII в. с указанием направления набега «Неврюевой рати»[33].

Его реальные возможности в то тяжёлое для Руси время были ограничены. Берке высоко оценил выказанную князем покорность по уступке упомянутой русской территории для организации на нём ордынских административно-налоговых центров в Ельце, Туле и Калуге [10-12, 32, 33], выдав в 1261 г. дозволение на ходатайство князя об учреждении в золотоордынской столице Сарая православной Сарской христианской епархии[34]. Это было духовное и нравственное достижение Александра Невского для чести самой Руси, ввиду того, что в Орде томились тысячи несчастных православных христиан, и для духовного просвещения самих ордынцев [35]. Хан Берке, принявший ислам, сохранял свою добрую волю и полную терпимость по отношению к вере русских. Он оказывал ей своё нарочитое благоволение, не делая ни малейшего на неё посягательства и стеснения[36].

Примечательно, что в царствование Петра I в 1719 г., на части, уже преобразованной к этому времени в Крутицкую, Сарскую и Подонскую епархию, была основана Калужская

провинция, где в семи верстах от Калуги в 1748 г. произошло явление Калужского образа Божьей Матери.

Хан Берке довёл, учреждённую Бату-ханом систему по организации функционирования баскачества на Руси до такого состояния совершенства и безопасности, что все распри и междоусобицы русских князей обходили её далеко стороной. Оконечность загадочного клина на русско-ордынской границе на левом берегу Оки, очевидно, решала более масштабные задачи, чем простое территориальное приобретение Орды.

Из этого можно сделать вывод, что ордынская застава (Калуга) на Оке находилась вне политических и имущественных интересов русских и литовских князей, и, вместе с волостью на левом берегу Оки, считалась «особой» территорией, на которую распространялась юрисдикция Золотой Орды! Если исходить из последующих событий, то граница волости начиналась с её перехода с правого на левый берег Оки к устью р. Березуйки, протекавшей по дну одноимённого оврага. Далее граница проходила по дну оврага и охватывала некую, поросшую лесом территорию, включая Городенск (1158) и Старое городище в устье р. Городенки (ныне - Калужки), до берега ниже по течению Оки, и выходила на правый берег, предположительно, за городом Любутском, и, далее, по направлению к истоку Дона.

Согласно административно-территориальному делению Золотой Орды второй половины XIII в., в общем виде изложенной в отчёте Карпини с данными о наиболее крупных улусных владениях государства, говорится, что улус на равнине между Днепром и Доном принадлежит некоему князю по имени Карган, женатому на сестре Бату [37] и Берке-хана. Застава (Калуга) на Оке, вместе с Тулой и Ельцом, входила в состав улус князя Каргана и являлась северным форпостом и Торговыми воротами Золотой Орды.

Итак, в конце августа 1260 г. Берке-хан в улусе мужа своей сестры (князя Каргана), основал на левом берегу Оки на заброшенном месте Старого городища (города Корьдно), северную ордынскую пограничную «калугу» (заставу) с причалами, заставными домами, складами, постояльями дворами с ямщиками, с ремесленными слободами.

Если учесть, что застава, прежде всего, имела большое экономическое и политическое значение, то можно предположить - организация функционирования таможни и сбора пошлин была отлажена в считанные дни. Второй важной задачей, в свете приближающейся зимы, являлось бытовое обустройство баскака, его чиновников, воинского отряда и лошадей. В четырёх верстах выше по течению речки Городенки (ныне Калужки) находился уже обустроенный более века город Городенск с крепостными укреплениями. Городенск находился на ордынской территории и его жители были подданными Золотой Орды, так, что им пришлось потесниться... Решив временно бытовые вопросы, ордынцы организовали горожан и жителей окрестных селений на перенос нескольких домов и крепостных сооружений на берег Оки (маркировка брёвен, разборка, сплав по речке Городенке до её устья и сборка по маркерам). Можно предположить, что к середине октября 1260 г. на берегу Оки уже стояли таможенный пост, заставной дом, постоялый двор, склад и казарма для небольшого воинского отряда, пристань, а к концу следующего года уже праздновали новоселье на самой заставе... Городенск, по указанию из Золотой Орды, разобрал свои крепостные укрепления и стал селом Городня.

Описание этих событий, некоторым образом подтверждает выводы В.Е. Продувнова в вопросе: трансформации названия Старого городища: Корьдно - Городенск - Калуга и в том, что Корьдно - «предок» нашего города» - Калуги[20]. Это не совсем так... Действительно, если предками жителей Городенска являлись жители столицы вятичей Корьдно, а материал домов и крепостных укреплений Городенска пошёл на обустройство золотоордынской заставы (Калуга) на Оке, основанной на прежнем месте Старого городища Корьдно, то, бесспорно,

просматривается некие черты преемственности. Более того, потомки жителей Корьдно строили ордынскую заставу по русской традиционной городской схеме на месте жительства своих предков, порой, возможно, снося, находящиеся в зоне строительства заставы, погребальные курганы жертв Владимира Мономаха. Так же, можно предположить, что первыми славянскими жителями ордынской заставы-Калуги на Оке, сёл и слобод вокруг неё были переселенцы из бывшего города Городенска.

Тем не менее, это был уже другой город со своими функциями, принадлежал другому в этническом плане народу и носил наименование на их языке.

К 1340 г. обострились отношения между Литвой и Москвой за доминирование на русских землях без затрагивания интересов Золотой Орды. Экспансия Литвы на восток дошла до берегов Угры. Потихоньку «собирать» русские земли стали и московские князья - потомки Ивана Калиты. Началось непримиримое соперничество между двумя, в своей основе, русскими государствами - Великими княжествами Литовским и Московским и их правящими династиями Гедиминовичей и Рюриковичей за право доминирования на Руси. Литовско-московская граница установилась по реке Угре. Опасаясь продолжения литовской экспансии, великий князь московский Симеон Гордый, сын Иоанна Калиты, построил вблизи границы ордынской волости на левом берегу Оки с заставой Калуга, на высоком берегу поймы реки Яченки сторожевую заставу, известную как «Симеоново городище»[3, С.42-44]. Это было самое удобное и безопасное место на литовско-московской границе - «под крылом» золотоордынской заставы.

В начале 60-х гг. XIV в., во время ослабления Орды в ходе затяжной внутренней борьбы за власть, произошло прямое военное литовско-ордынское столкновение. В битве на Синей Воде в 1362 г., войска великого литовского князя Ольгерда разгромили татар и покончили с их владычеством в Южной Руси. Ордынцы впервые потерпели сокрушительное поражение. Земли юго-западной Руси по Днестру, Днепру с его верховьями, Верхнего Поочья, включая ордынскую заставу (Калуга) на р. Городенке (позже - Калужке), и до р. Угры, вошли в состав Великого княжества Литовского и Русского. Сама Орда распалась: на Крымское ханство, Ногайскую Орду, Заволжскую Орду и другие.

Ордынская застава-Калуга в своём прежнем качестве Ольгерду была не нужна. Для укрепления на левом берегу Оки литовского стратегического присутствия он сразу начал строительство новой крепости «τήν Κολούγαν» (звучит как «Колоиган»), где «τήν» - артикль вин. пад. ед. ч. жен. род., а «v» - окончание того же падежа, числа и рода[2]. Литовская крепость находилась в семи верстах выше по течению Оки от ордынской заставы-Калуга на гребне Березуйского оврага (на московско-литовской границе) и в двух верстах от московской заставы «Симеоново городище». Строительство велось спешно, чтобы обеспечить удобный плацдарм для концентрации воинской силы и дальнейшей экспансии (или освобождения) русских земель на восток или оказания военного давления на сопредельные княжества. Очевидно, что в строительстве литовской крепости принимали активное участие новые литовские подданные - жители «Калужской волости», в том числе, с. Городня и бывшей ордынской заставы-Калуги с окрестными сёлами, слободами и деревушками, то есть, в основном, потомками уцелевших славян-вятичей города Корьдно...

Учитывая то обстоятельство, что, практически неприступная литовская крепость, стоящая на высоком крутом берегу Оки и с двух сторон возвышалась над глубокими оврагами, без должного сопротивления перешла под власть Московского княжества во время брянского похода князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) в 1369/70 гг.[38], можно предположить, что она находилась ещё на стадии незавершённого строительства. Пришедшая же в ветхость ордынская застава-Калуга, построенная из материала крепости Городенск трёхвеко-

вой давности, исчерпала свои оборонительные возможности, в результате чего вся «Калужская волость» отошла «под руку Москвы». Крепость «Колуга» стала главным оборонительным звеном Москвы на русско-литовской границе.

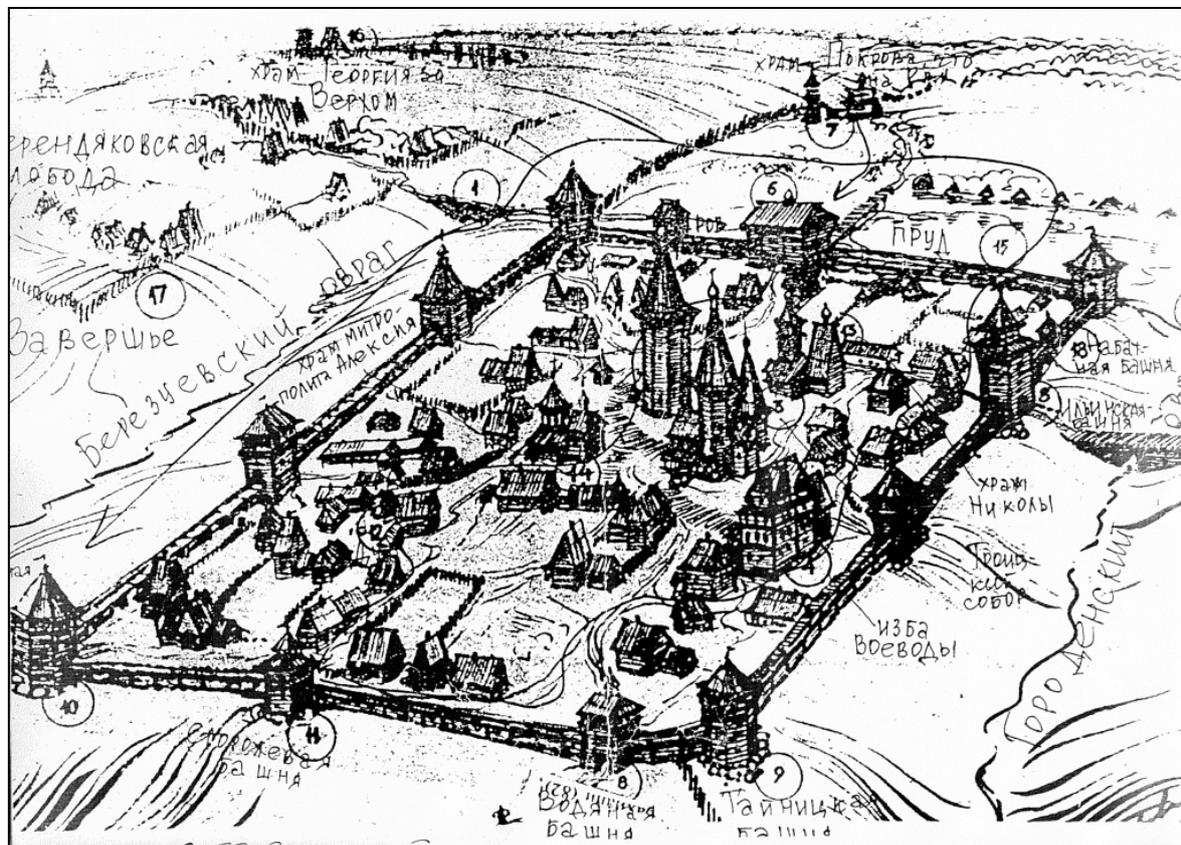

Рис.10. Реконструкция «литовской крепости» Калуга. Автор: А.С. Днепровский-Орбелиани.

Пик конфликта между Литвою и Московией по случаю незаконного перехода городов, в том числе, в первую очередь - «την Κολούγαν», пришёлся на 1370-1371 гг. и его связывают со «знаменем страшным». Никоновская летопись так описывает это странное природное явление: «Той же осенью было знамения много на небесах: но многие люди были очевидцами, как столпы по небу, небо червлёно, как кровавое; только же было по небу червлено, как и на земле, и на снегу червление видимо было, как кровь; и сего множество было; ещё было сиё до снега видно по земле и по воде и по хоромам, как кровь; и где снег падал на землю, и был везде по снегу как кровь, и все люди ходили червлёные, как кровь, и тогда кто имел вид под кровь или в храме, и не видя на нём ничтожное червление. Это же проявление проявляет скорбь великую, хотящую быть, ратных нашествиых и кровопролитие, и междоусобные войны и кровопролитие, было. 25 ноября 1371 г. кн. вел. Литовский Ольгерд Гедеминевич напал на вел. кн. Дмитрия Ивановича»[39].

Попытки оспорить законность принадлежности «литовской крепости» Калуга Московскому государству, видимо, предпринимались неоднократно. Так, известно, что спустя более двух веков, в 1578 г. король польский и великий князь литовский Стефан Баторий требовал от Москвы возвращения Калуги как «не русского» в своей изначальной истории и законного владения Речи Посполитой[40].

Об исторической значимости Калуги в литовско-московско-золотоордынских отношениях и силе исторической памяти литовского общества свидетельствует появление в 1930 г.

государственной награды Литовской Республики малой медали «Витаутаса Великого в честь 500-летия со дня смерти великого князя литовского - Витаутаса», при котором литовское государство достигало своего наибольшего расцвета и могущества[29, 41].

Рис.11. Малая медаль Витаутаса Великого (1930) за заслуги перед Литовским Государством в честь 500-летнего юбилея со дня смерти великого князя литовского - Витаутаса[29, 41].

Калуга («τήν Κολούγαν», «Колуга»), как пограничная застава на Оке - главной транспортной и цивилизационной артерии Руси, была около трёх веков центром соперничества Литвы, Московии и Золотой Орды. Именно в этом месте сходились интересы Сарая, Москвы и Вильно, что и нашло своё историческое отражение на литовской государственной награде, выполненной в патриотическом духе, сохраняющем память о некогда могущественном и одном из крупнейших государств Европы, Великом княжестве Литовском. На лицевой стороне медали изображён великий князь Литовский Витаутас Великий, на фоне Грюндвальдской битвы, и даты юбилея. На оборотной стороне медали изображена карта Великого княжества Литовского с границами от Чёрного моря на юге и по рекам Угре и Оке через Калугу на востоке с Московским княжеством и Золотой Ордой, что напоминает о предельно достигнутых границах этого государства. На восточной границе указаны только три «значимых» города - Москва, Калуга и Сарай. Само упоминание Калуги между Москвой и Сараем, свидетельствует о высокой политической, экономической и стратегической роли пограничной крепости Калуга на р. Оке в литовско-московско-золотоордынских отношениях. Следует отметить, что на представленной карте 1430 г., Калуга уже почти 60 лет находилась в составе Московского государства, но Литва продолжала считать её своим городом[29, 41]...

Возведённые по воле великого князя литовского Ольгерда Гедеминовича фортификационные сооружения городской крепости «τήν Κολούγαν» («Колуга»), стоявшей на месте современного городского парка города Калуги, сгорели в 1699-1700 гг. и больше не восстанавливались, последние их остатки были скрыты ещё в середине XVIII в., но сам город остался...

Особую привлекательность у любителей и исследователей калужской истории вызывает загадка трактовки названий города - «Калуга», «τήν Κολούγαν», «Колуга». Большинство из них, не вдаваясь в изучение подлинной истории города, особенно лингвисты, пытаются найти истину в словарях или привязать лексику других или более ранних языковых культур. При этом не учитывается правило, что каждый народ при основании того или иного поселения даёт ему название на своём языке.

Как уже сообщалось, первое ордынское наименование города в устье р. Городенки (позже - Калужки) - «Калуга» с татарского переводится как «застава». Татары называли свой укрепленный городок - «калугой» (в смысле - застава), а славянское население называло его «Калугой» (как имя собственное). По логике, при татарах речка не могла носить наименова-

ние «Калужка» (или «заставка, преградка»). Речку Городенку переименовали в Калужку после исчезновения Городенска и ухода из этих мест ордынцев.

Название новой литовской крепости на Оке «τήν Κολούγαν», естественно, имело своё национальное смысловое значение, только какое? С кипрского языка название города говорило о некоем «святом, духовном месте». С древнегреческого - «Κολο» (город, крепость) + «ύγαν» (груда земли или камень, поставленный на могиле, гробнице, саркофаге). В итоге - «крепость, поставленная вокруг, засыпанной грудой земли гробницы (саркофага)»[30].

Здесь следует понимать, что в духовной грамоте князя Дмитрия Донского (1389): «А се даю сыну своему, князю Андрею... А Колуга и Роща сыну же моему, князю Андрею»[5], уже идёт речь о «литовской крепости» на Оке, а не бывшей ордынской заставе на р. Городенке.

Древнегреческая трактовка названия города нашла своё подтверждение в воспоминании известного калужского краеведа А.С. Днепровского-Орбелиани: «В конце октября 1955 года в Калуге проводились земляные работы по ул. Карпова. Работы были срочные, т.к. по этой улице в то время проходил маршрут первого калужского троллейбуса, который по традиции того времени планировалось пустить к празднику Великой Октябрьской революции 7 ноября. Работали сверхурочно, была обещана премия, как вдруг напротив Никитского храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы (бывший к/т «Пионер») на глубине около пяти метров был обнаружен древний каменный саркофаг... Сдвинув немного крышку, рабочие увидели останки человека в рыцарских средневековых доспехах европейского образца... О «находке» было сразу доложено... Учитывая сжатые сроки проведения работ, приближение праздника Октября и планируемый пуск первого троллейбуса, было принято решение о сокрытии от калужан этой «не актуальной» в то время находки. Саркофаг оставили на месте, а работы выполнили в срок». Руководил проведением земляных работ Юрий Иванович Бабичев, который обнаружил саркофаг и рассказал эту историю Днепровскому А.С. Возможно, что тайна, которую много веков хранит древний саркофаг, могла бы приоткрыть тайну основания Калуги»[30]. Если учесть, что в Великом княжестве Литовском древнерусский язык являлся государственным, то правомерно исследовать его русское звучание «Колоиган» и «Колоига» + окончание «н»: «Κολο» + «ιγαν» = «Около» + «Иган», где «Иган» может быть имя или фамилия рыцаря, погребённого в саркофаге. В основе имени «Иган» лежит русский разговорный вариант церковного имени «Георгий» (на греческом «Еган»), которое в переводе с греческого означает «земледелец». Одним из святых покровителей этого имени является Святой Георгий Победоносец, один из наиболее почитаемых христианских святых во всём мире. Его изображения можно встретить на гербах многих государств и городов, в том числе на гербе российской столицы. В народе святого Георгия считают покровителем воинства и крестьянства[42]. Таким образом, «Колоиган» мог иметь значение как «Около (вокруг) [гробницы князя] Георгия (Юрия)», что позволяет проводить исследования в новом направлении.

Надо полагать, что была существенная разница в произношении и начертании татарского и литовского названия города. Если татарское название «Калуги» писалось через «а», то литовское название «τήν Κολούγαν» (или «Koulygan», «Kolougan», «тин Колыган», «Колоиган») писалось через «о». Через «о» упоминалась «Колуга» в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г.»[5]. Судьбой было уготовано забвение литовского смыслового значения названия нового города, которое, должно быть, не успело прижиться на «татарско-русской почве», ввиду скорого перехода недостроенной крепости в состав Великого княжества Московского - вассала Золотой Орды. Вернулось и прежнее его ордынское наименование «Калуга», но уже для бывшего литовского города и с новым русским (христианским) толкованием.

Интересные историко-лингвистические изыскания в 2012 г. провёл С.Н. Колибаба[44, 45], который обосновал процесс заимствования еврейской культуры и методику исследования

лексики ранних феодальных государств. Основной тезис его исследований - история не собрание хронологически подобранных событий, а особая форма мышления, которая имеет своё основание - идеологию общества, её носителя и принятый всеми континентальный религиозно-торговый язык. Существование единообразия языковой общности христиан и евреев, вытекает из невозможности присвоения социально-религиозной иудейской идеи и жить по её законам исключительно в греко-латинском несовершенном переводе, что обосновывает влияние еврейской культуры на формирование культуры народов Европы и их языков[44].

В предложенном контексте русское толкование этимологии топонима «Калуга», как города в составе Московии, после ликвидации ордынского таможенного поста на Оке и оживлении торговли, имела уже другое значение, увязанное с его гидрографическим положением, библейскими образами, терминологией иврита и принятого континентального религиозно-торгового языка, то есть с иудейским содержанием славянской христианской культуры.

По мнению автора, топоним «Калуга» должен позволять человеку (судоводителю) ориентироваться на местности и осуществлять хозяйственную деятельность. В русском христианском толковании топоним «Калуга», скорее всего, являлся краткой характеристикой территории, военно-хозяйственными отношениями, географией и гидрологией района.

Приведя термин в форму, близкую грамматике иврита и выделив корни, получаем: Калуга = кал + уга = ивр. кала (сплетать, плести) + уг, уга (круг; начертить окружность - в иврит-русских словарях). Возможно, Калуга = ивр. кала или калах(г), если читать все знаки (конец, завершение военно-торгового пути, дальше - второстепенные территории) + уг, уга (из комментариев Библии как: круг, ямка, пирог, лепёшка). Рассматривая связь библейского образа и терминологию иврита: «И совершил (кала - закончил) Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» (Бытие 2:1). Таким образом, топоним составлен из двух понятий иврита и точно (с точки зрения топографии) обозначает местоположение города на реке Оке – кал + уга = конец круга (окружности) описываемого руслом реки[45].

Как видно, в конечном варианте топоним «Калуга», скорее всего, был сформирован в интересах администрации Московии, для обозначения конечной точки водного военно-торгового пути. Далее на запад по реке Оке и её притокам шли литовские лесные, болотистые территории, малозаселенные и маловажные в хозяйственном и торговом отношении.

Надо полагать, что очевидная в то время изначальная «нерусскость» Калуги и спорная законность её присвоения к Москве с благословения митрополита Московского и всея Руси Алексия I, стала причиной столь явной «утраты» изначальной истории Калуги. Вполне возможно, что с этой целью были уничтожены все документы, относящиеся к «дорусской» истории города. Как верно в 1781 г. были высказаны академиком В.Ф. Зуевым о ранней истории города Калуги: «Каков он был прежде и кому принадлежал, записи хотя и имелись, однако по столь многим бывшим несчастным с городом обстоятельствам все пропали; так что ныне ниже памяти осталось не только о делах до города касающихся, но и главнейших приключениях, что, когда и по какому случаю учинилось»[3, С.42-44].

Дополнительный свет на подлинную изначальную историю Калуги может пролить информация из архивов Золотой Орды и ещё малоизученные рукописи восточных путешественников, но без помощи опытных востоковедов эту задачу не решить.

Библиографический список

1. Григорович В.[И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // Журнал Министерства Народного Просвещения, СПб., Ч. LIV. № 6. 1847. Отд.2. С.134.

2. Григорович В.[И.] «1371. Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосила, Твери и Нижнего Новгорода» в подлиннике на среднегреческом языке с русским переводом // Журнал Министерства Народного Просвещения, № 5, 1848. С.148-152.
3. Зуев В.Ф. Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. - СПб.: Типография при Императорской Академии Наук, 1787. 273 с.
4. Памятная книжка Калужской губернии на 1861 год / под редакцией члена-корреспондента, старшего учителя Калужской губернской гимназии П. Щепетова-Самгина. – Калуга.: Изд-во Калужского Губернского Статистического комитета, 1861. С.92.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. /подг. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.34.
6. Губернатор запретил праздновать День города // KP40.RU. Сайт Издательского Дома «КП-Калуга» (25.02.2011) - http://www.wrvw.kp40.ru/news/gorod_oblast/8596/
7. Мосина С.А., Мосин О.В. История Калуги в лицах. А.Г. Булыгин // Сайт Librero.ru (14/10/2012) - <http://www.librero.ru/author/bulygin>
8. Мигунов А.И. Калуга. Историко-географический очерк. - Калуга: Изд-во газеты «Знамя», 1957. С.6.
9. Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. - Калуга, Издание Калужской экскурсионной комиссии. Губернская Типо-Литография, 1912. Гл. II. С.9.
10. Рыбаков С.В. Лекция 2. «Золотая Орда: мифы и реальность». История России с древнейших времен до второй половины XIX века. Курс лекций. Ч. 1. / Под ред. академика Личмана Б.В. / Уральский государственный технический университет. - Екатеринбург, 1995.
11. Рыбаков С.В. История России с древнейших времен до конца XVIII века: курс лекций: [учебн. пособие]. - 2-е изд. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. С.94.
12. Крамаров Н.И. История. 10-11 классы. Тематические тесты для подготовки к ЕГЭ. Задания базового уровня сложности. Ростов н/Д.: Легион, 2012. С.24-26.
13. Шкловский В.Б. Марко Поло. - М.: Издательство: Художественная литература. 1973. С.6.
14. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII - XIV вв. - М.: Наука, 1985. С.163-164.
15. Лин Ван. В эпоху Юань культура чаепития стала проще. Китайское искусство чаепития // <https://culture.wikireading.ru/53046>
16. Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. - Москва-Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, Гл. III. Северный Китай. От Калгана до Пекина. 1940 (Глава 3. Северный Китай. От Калгана до Пекина).
17. Горолевич И.Е. Видение Калужской Богородицы // Свидетельство Российского Авторского Общества № 14309 от 30.09.2008.
18. Поселянин Е. Чудотворная икона Калужской Божьей Матери. «Богоматерь: полное иллюстрированное описание Её земной жизни и посвящённых Её имени чудотворных икон» / под редакцией Е. Поселянина, - СПб.: Книгоиздательство П.П. Сойкина. 1909. С. 558-561.
19. Постановление Городской Думы г. Калуги от 25 марта 2009 года № 35 «О внесении изменения в постановление Городской Думы г. Калуги от 09.10.2001 № 215 «О дате проведения Дня города Калуги» и в постановление Городской Думы г. Калуги от 29.01.2002 № 31 «Об утверждении Положения «О Дне г. Калуги»
20. Продунов Валерий. Как появилась Калуга? // Сайт Издательского Дома «КП-Калуга» KP40.RU (22.01.2014) - <https://www.kp40.ru/news/kp/24665>
21. Четыркин И.Д. Результаты начальных археологических исследований по нижнему течению р. Калужки // Известия Калужской ученой архивной комиссии Вып. № 2 / под редакцией Четыркина И.Д./ - Калуга: Тип. Губернского правления, 1892. С.46-52.
22. Четыркин И.Д. Городища, на которых по преданию находилась в древности Калуга // Известия Калужской ученой архивной комиссии Вып. № 5 / под редакцией Четыркина И.Д./ - Калуга: Тип. Губернского правления, 1897. С. 42-50.
23. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII -XIII вв. - М.: Наука, 1993. 592 с.

24. Шахматов А.А. Южные поселения вятичей // Журнал «Известия отделения русского языка и словесности» Императорской Академии наук /под ред. акад. А.А. Шахматова - СПб., 1907.
25. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. 476 с.
26. Minorsky V. Hudud al-Alem. London, 1937, p. 76.
27. Поучения Владимира Мономаха. Лаврентьевская летопись 1377. Л. 81 об.
28. Горолевич И.Е. Не там искали? // Газета Калужской области «ВЕСТЬ-неделя» № 117-120 (8362-6368), 30.04.2014, Приложение «Калужские Губернские Ведомости» № 5 (7867), 30.04.2014. С.22.
29. Горолевич И.Е. Время основания Калуги остается неизвестным: конфликт фактов, версий и мнений продолжается... // Шестые Морозовские чтения: материалы областной научно-практической конференции..., Калуга, 23-24 апреля 2014 года / Министерство Культуры и туризма Калужской области; Калужская областная научная библиотека им. В.Г. Белинского; сост. Т.В. Никишина, Т.П. Максименкова. - Калуга: Ноосфера, 2014. С.199-219.
30. Горолевич И.Е. Калуга: версия «до русской» истории основания города и его наименования в XIII-XIV веках. *Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.»* (1-3 июля 2015 г.) - Брянск: РИО БГУ, 2015. С.46-54.
31. Крупин-Чардаров Владимир. Самая русская река // Журнал «Социум» №8(8), 1991. - <https://www.ashurbeyli.ru/media/article/samaya-russkaya-reka-16069>
32. Карта административно-территориального деления Золотой Орды в XIII-XIV вв. - <http://www.hist.vsu.ru/orda/maps.htm>
33. Егоров Вадим. Территория и границы Золотой Орды в XIII веке. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. // ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ - oldevrasia.ru
34. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука /под редакцией Н.П. Шастиной. - М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. С.70.
35. Соловьев Н.А., священник. Сарайская и Крутицкая епархия. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете /под заведыванием Е.В. Барсова/. Книга 3. Отдел I. - М.: Университетская тип. Страстной бульвар. 1894. С.3-4.
36. Голубинский Е.Е. Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к Русской Церкви или к вере русских и к их духовенству // Богословский Вестник. Издание Московской Духовной Академии, июль 1893. С.33, 35, 51.
37. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука /под редакцией Н.П. Шастиной. - М.: Гос. издательство географической литературы. 1957. С.70.
38. Беспалов Р.А. О письме Ольгерда патриарху Филофею // Научный журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», № 2(60), июнь 2015. С.49-62.
39. VIII. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновской летописью. // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), изданное по высочайшему повелению Археографической комиссиию Том. 11. - С.-Петербург, Типография И.Н. Скороходова (Надеждинская, 43). 1897.
40. Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии / Вступ. ст. и коммент: Ларин А.К. и др... - Калуга: Золотая аллея, 1992. С.33.
41. Горолевич И.Е. Калуга на иностранной награде. // Газета Калужской области «ВЕСТЬ-неделя» № 124-127 (6455-6458), 08.04.2010, Приложение «Калужские Губернские Ведомости» № 4 (7812), 08.04.2010. С.17.
42. Значение и происхождение фамилии Еган // NEOLOVE. Сообщество хороших женщин - http://names.neolove.ru/last_names/5/eg/egan.html
43. История происхождения и толкование имени Иган // Значение имени. - <http://znachenie-tajna-imeni.ru/znachenie-imeni-Igan/>
44. Колибаба Сергей. «Иудейское содержание «национальной» культуры» // Культура и искусство (06.09.2012) http://www.cult-and-art.net/society/140018-sergej_kolibaba_iudejskoe_soderzhanie_nacionalnoj_kultury

45. Колибаба Сергей. «Калуга - этимология топонима» // Проза.ру (Свидетельство о публикации №212061601259) - [http://www.proza.ru/addrec.html? 2012/06/ 16/1259](http://www.proza.ru/addrec.html?2012/06/16/1259)

Сведения об авторе:

Горолевич Игорь Евгеньевич, исследователь. главный редактор Общественного культурно-просветительского вестника "Калужский летописец" e-mail: garali@mail.ru

УДК 94(100)"1914/19"

Е.И. Лазаренко

УДОСТОВЕРЕНИЕ БЫВШЕГО РУССКОГО ВОЕННОПЛЕННОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье раскрывается социальная помощь и государственная поддержка советского правительства бывшим русским военнопленным, возвращавшимся на родину. На основе архивных данных, при изучении документа, выдаваемого российским военнопленным подведомственными органами, и прежде всего Центропленбежем – удостоверения военнопленного, можно узнать, конкретно какую помощь оказывали советские органы власти: денежное довольствие, продукты питания, пайки, обмундирование, проживание, лечебно-медицинская помощь, оформление пенсий, бесплатных протезов, пособия вдовам и родственникам умерших военнопленных. Статья раскрывает значение военного билета для русского военнопленного: ведь без него нельзя было получить и оформить социальную помощь и государственную поддержку. Потерять военный билет для русского военнопленного – потерять шанс выжить и адаптироваться на родине. Статья описывает внешний вид и форму удостоверения.

Ключевые слова: Первая мировая война, российские военнопленные, удостоверение бывшего военнопленного, социальная помощь.

E. I. Lazarenko. Certificate of the former Russian prisoner of war as a reflection of the directions of the state social support of servicemen during the first world war.

Abstract: The article reveals the social assistance and state support of the Soviet government to former Russian prisoners of war who returned home. On the basis of archival data, in the study of the document issued by the Russian prisoners of war subordinate bodies, and above all Tsentropenbezhem-prisoner of war certificate, you can find out exactly what kind of assistance provided by the Soviet authorities: cash allowance, food, rations, uniforms, accommodation, medical care, registration of pensions, free prostheses, benefits to widows and relatives of deceased prisoners of war. The article reveals the importance of the military card for the Russian prisoner of war: after all, without it it was impossible to obtain and issue social assistance and state support. Losing military ID for a Russian prisoner of war – not to lose a chance to survive and adapt in the homeland. The article describes the appearance and form of identity

Keywords: World war I, Russian prisoners of war, the certificate of the former prisoner of war, social assistance.

Первая мировая война стала трагическим периодом истории России. Трагизм заключается не только в её последствиях, но и в тяжелом положении людей с изменившейся в одночасье судьбой. Речь пойдёт о русских военнопленных, их положении и статусе, адаптации к мирной жизни при возвращении на родину. Особый интерес представляют меры государственной и социальной поддержки в адрес возвращавшихся из плена военнослужащих. Речь также пойдёт об органах власти, способствовавших возвращению домой, обеспечивавших их обустройство в новых условиях, влиявших на судьбу военнопленных после войны.

Отчасти на эти поставленные вопросы помогают ответить документы русских военнопленных, хранящиеся в государственных архивах: «Проходное свидетельство», «Удостоверение бывшего военнопленного», «Требование на порции Общества Красного Креста». В статье речь пойдёт об одном из этих документов – «Удостоверении бывшего военнопленного».

В Государственном архиве Брянской области (ГАБО) сохранилось большое количество Проходных свидетельств, удостоверений военнопленного, документов, расписок, циркуляров, отчетов, бухгалтерских ведомостей. Важное место занимает переписка между губернскими и уездными коллегиями о военнопленных, приказы по интересующим вопросам. На материалах архивных источников можно выяснить уровень возможностей, которые предоставляли выдаваемые государством документы военнопленным. Так, Проходное сви-

детельство и Удостоверение военнопленного определяли не только статус, положение и данные о военнопленном, но и материальную поддержку в виде кормовых денег, получение ночлега, жилья, лечения в лазарете, устройства на работу российских солдат, прибывших на родину.

Изучение этих документов поможет дополнить оценку истинного положения возвращавшихся домой военнопленных, уровень организации, социальной помощи со стороны государства и мирного населения. Проходные свидетельства и Удостоверения военнопленного дают возможность восстановления принципов организации эвакуации военнослужащих из плена, обмена с иностранными военнопленными, социальной помощи, лечения, получения пайка, кормовых, тёплой одежды, определения на работу и места жительства.

Положение российских военнопленных Первой мировой войны, политика российского правительства и иностранных противоборствующих государств, помощь общественных организаций военнопленным, условия содержания, контакты с местным населением, использование труда попавших в плен военнопленных, психологическое состояние в плену как солдат, так и офицеров неоднократно являлись предметами изучения отечественных и зарубежных историков.

Так, в монографии О.С. Нагорной [1] речь идет о состоянии простого русского солдата в чужой стране, о жизни русских военнопленных в лагерях, об изменении отношения к плену в обществе в условиях затянувшейся войны. Среди статей, близких по своей тематике к рассматриваемой проблеме, можно также выделить работу Е.С. Синявской «Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности». В своём исследовании она раскрывает отношение к плену в обществе, со стороны военного руководства, воевавших солдат и офицеров. Автор приходит к выводу, что такое отношение не было однозначным: от того, что это была вынужденная мера и как возможность выжить, до оценки как несмываемого позора. В статье содержатся выдержки из газет того времени, воспоминания русских военнопленных, показания унтер-офицеров. Описываются условия содержания в лагерях, отношение к пленным со стороны администрации лагеря и охраны, рассказывается об использовании военнопленных на принудительных работах, о нарушении международных конвенций по отношению к ним [2].

Некоторые из вопросов, рассматриваемых в статье, затронуты в диссертационном исследовании И.Б. Беловой «Вынужденные мигранты: Беженцы и военнопленные Первой Мировой Войны в России. 1914-1925 гг.». Интерес к этой работе также обусловлен тем, что в ней затрагивается территория Орловской губернии, в состав которой входили Брянский, Карачевский, Севский и Трубчевский уезды. Однако при всех достоинствах исследования, жизнь военнопленных, положение и помощь со стороны государства после войны в нем освещены недостаточно подробно [3].

Для эвакуации на родину русских военнопленных и их адаптации была создана централизованная система государственных органов. Главный их них – Центральная Коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), находившаяся в Москве по адресу: улица Воздвиженка, дом 4. Ей подчинялись губернские и уездные коллегии по пленным и беженцам. Так, например, Московскому Центропленбежу подчинялся Орловский губернский пленбеж, которому в свою очередь подчинялись Брянский, Трубчевский и другие уездные коллегии.

Все перечисленные организации имели право выдавать русским военнопленным важный документ – **«УДОСТОВЕРЕНИЕ бывшего военнопленного»**.

Удостоверение военнопленного имело разную форму и внешний вид, в зависимости от того, где русский военнопленный его получал. Так, Центропленбеж выдавал удостоверения в виде бланка, распечатанного типографским способом. Удостоверения, выдаваемые гу-

бернскими и уездными коллегиями были гораздо проще: бланки документа меньше по размеру и часто оформлялись в свободной форме от руки, с указанием основных данных военнопленного, без опроса об уровне жизни в плену. В верхнем левом углу ставилась печать губернской, или уездной коллегии Пленбежа с указанием даты выдачи документа. При получении Удостоверения военнопленного присваивался регистрационный номер. Так, в одном из хранящихся документов ГАБО говорится: «В Брянский Упленбеж. В ответ на отношение за № 3567 от 19 сентября сего года Орловский Губпленбеж сообщает, что по наведенным справкам военнопленный Маршонков Федор Иванович 291 – Трубчевского Полка значится в регистрационных карточках под № 148347. 23 сентября 1919 года № 6945» [4, д. 26, л. 125]. Регистрационный номер имел определенное значение – по нему можно было восстановить утерянный билет военнопленного, или в случае кражи получить дубликат.

Что же представлял собой билет военнопленного? Из каких частей состоял и чем мог помочь?

Центральная Коллегия о пленных и беженцах, Регистрационно-статистическая и справочная часть, выдавала документ, под названием **КАРТОЧКА № __, Военнопленный, Гражданский Пленный**. В карточке указывались основные данные о военнопленном: Ф.И.О., когда прибыл, каким поездом, воинское звание, воинская часть, возраст, национальность, занятие до войны, образование, место постоянного жительства до военной службы, когда взят в плен, где взят в плен, где был в плену (были указаны Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), находился ли в плену на работах и сколько времени, где жил в плену перед отправкой на родину.

Представляет интерес особый пункт в бланке карточки: **«имеются ли претензии на...»**, где в нужной графе военнопленный мог записать: а) неправильную выдачу жалованья в плену; б) неправильный расчет за работы в плену; в) утрату трудоспособности в плену; г) особо тяжелое содержание в плену; д) возмещение имущественных убытков. Далее в карточке располагались две рамочных таблички: **Заключение Юридического Бюро и Заключение Медицинской Комиссии**. В заключении Юридического бюро указывалось когда военнопленный опрошен и по какому пункту а), б), в), г), д) принята жалоба, и роспись военнопленного» [5, д. 1, л. 16]. Надо отметить, что таких опросов и таблиц в губернских и уездных удостоверениях не было.

В ГАБО хранятся заявления русских военнопленных о потере билета: «Утерянный билет военнопленного за № 148402, выданный Брянской Коллегией о пленных и беженцах на имя Алексея Ивановича жителя Орловской губернии Брянского уезда деревни Меркульево, считать недействительным 7/V. 19» [6, д. 26, л. 3].

Судя по имеющимся документам, Удостоверения военнопленного не только терялись, их воровали, доставали из карманов во время пути и следования военнопленных как у русских, так и у иностранных, например, австрийцев. Сохранились также заявления в газету об утере военного удостоверения: «Гражданину Семену Егоровичу Печёнкину ст. Болва, Конный двор, 1 барак. Брянская коллегия о пленных и беженцах сим предлагает вам явиться в коллегия для получения билета военнопленного взамен утерянного вами, имея с собой 15 рублей на опубликование в газете об утере Вашего билета» [6, д. 26, л. 1].

В Брянском областном архиве можно встретить документы о запросе на получение билета для русского военнопленного: «В Брянский Уездный Комиссариат по военным делам. Прошу Вас сообщить выдано ли гражданину жалованье за время пребывания его в плену в Австро-Венгрии; он есть житель Брянска. Запрос № 24/1602 за 24/4/19» [6, д. 26, л. 5]. На запрос Брянским отделом военнопленных был дан ответ: «Удостоверение на право получения жалованья за время пребывания в плену гражданина Печёнкина не было выдано, так как он

взял обратно свой Билет военнопленного без которого не может быть выдано удостоверение, а также и деньги из казначейства. 28 апреля 1919 г. № 4914» [6, д. 26, л. 5].

В ГАБО имеются также документы, в которых русские военнопленные обращались в милицию об утере своих документов, или их краже. Так, начальник 2-го района «Брянской сов. Раб.-Кр. Уездной милиции» выдал военнопленному Удостоверение от 11 апреля 1919 г. № 5211 следующего содержания: «Дано сие от 2-го района Брянской уездной Советской милиции в том что сего числа Дмитрием Zubовым заявлено что им утеряна книжка –личности военнопленного о чём имеется заявление во 2-м районе милиции. Что подписями и приложением печати удостоверяется» [6, д. 26, л. 9].

Брянский пленбеж делал запросы и наводил справки на русских военнопленных, которые регистрировались в другом месте, что подтверждают документы архива ГАБО. Один из таких запросов был направлен в г. Москву, Елоховскую улицу, Покровский мост, Мещанскую богадельню, в сборный пункт военнопленных: «Брянская Коллегия о пленных и беженцах просит Вас сообщить зарегистрировался ли у Вас военнопленный Василий Прохорович Воейков, уроженец Московской губернии, Верейского уезда, Вышегородской волости, д. Лукьяновки, который проходил через Ваш пункт в октябре 1918 года, служащий в настоящее время при Брянском Пленбеже» [6, д. 26, л. 11]. Далее «Брянская Коллегия о пленных и беженцах просит Вас навести справку и выдать дубликат «билета военнопленного», выданный в Москве Сборпунктам военнопленных, Елоховской улицы, Покровский мост, Мещанская богадельня, в октябре, 1918 года на бывшего военнопленного Василия Прохоровича Воейкова, уроженца Московской губернии Верейского уезда Вышегородской волости, деревни Лукьяновки, проживающего в настоящее время в г. Брянске. Означенный военнопленного заявление что им утерян билет военнопленного, выданный вышеуказанным учреждением. 7/v 1919 г. [6, д. 26, л. 11].

Брянский Упленбеж сталкивался с рядом проблем при выдаче дубликатов билета военнопленного и других документов, поскольку среди русских военнопленных было много не только однофамильцев, но и тех, у кого совпадали имена и отчества. Так. Орловская коллегия Пленбежа делала запрос в Брянскую о наведении точных данных об военнопленных: «С возвращением переписки за № 153/1787, Орловская Коллегия Пленбежа просит дать более точные сведения о военнопленном Фатееве Иване Тихонове, когда регистрировался, какого полка, какой волости, села или деревни, без этих сведений дать Вам точную справку не возможно, ввиду того, что в карточках находится много однофамильцев и даже по имени и отчеству. За 14 мая 1919 № 289» [7, д. 26, л. 12].

Судя по архивным данным по билету военнопленный получал сухой паек, одежду, деньги на пропитание и проживание. В Документе № 6346, С. 21 от 8/v 1919 года говорится следующее: «В Московскую Центральную коллегия о военнопленных и беженцев. Ввиду похищения 18 апреля сего года у сотрудника вверенного мне Управления Антона Степановича Шаурова билета военнопленного. Прошу таковой возобновить, а так как № билета им запомнен не был представляем приметы выданного ему в Центральной Коллегии Военнопленных и Беженцев. Приметы: Билет ему был выдан 2-го декабря 1918-го года при чем он был в этот день удовлетворен сухим пайком, а именно: сахаром, чаем и I-м фунтом хлеба. Во Владимирской Коллегии 5-го декабря 1918-го года им получено 25 руб. денег; I теплая рубашка, а затем им было получено 17 марта сего года во Владимирском Казначействе 158 руб. «сто пятьдесят восемь 40 коп.» сорок копеек. Взят в плен на германском фронте в Брест-Литовске 9-го Августа 1915 года, звание солдат, род занятий типограф. В виду всего вышеизложенного прошу выслать билет по адресу: г. Брянск Орловской губернии Набережная ул. Дом № 7 в Управление Судходной Охраны для передачи тов. Шаурову» [7, д. 26, л. 21].

Брянский Упленбеж наводил справки как на русских военнопленных, так и об основаниях выдачи удостоверения. В Брянском архиве есть сведения о бывшем русском военнопленном и получении им удостоверения военнопленного: «В Статистический справочный отдел «Центропленбежа» города Москва. Прошу Вашего распоряжения о наведении справки, за каким был выдан билет военнопленного и чем был удовлетворен бывший военнопленный Артищев Степан Осипович, Орловской губернии города Брянска, звания: ефрейтор, служил в 143 Дорогобужском полку, 44 лет, православный, сапожник, вдовец, в плен взят 15 августа 1914 года под Аленштейном, находился в плену в Германии, последний лагерь «Витенберг», прибыл из плена по обмену, как полуинвалид 4 августа 1918 года, а 8 августа 1918 года был зарегистрирован в Москву (не помнит на какой улице и каким учреждением). Означенный гражданин утерял свой «билет военнопленного» и желает получить дубликат такового [6, д. 26, л. 29].

Билет военнопленного выдавали не только местные органы Пленбежа, но и там где собирали военнопленных. Это подтверждает документ «В Брянский Упленбеж», а именно: «Препровождая при сем отношение Ваше от 7 мая за № 152/1786 на имя Центропленбежа, Орловский Губпленбеж предлагает Вам руководствоваться циркуляром Пленбеж, а по месту выдачи билета т. е. Сборный Пункт, Елоховская ул. Покровский мост. Мещанская Богадельня. Получено 23 мая 1919 года» [6, д.26, л. 42].

Если русский военнопленный был тяжело ранен, ему выдавали удостоверение военнопленного в госпитале. Доказательством служит заявление гражданина Николая Николаевича Семятковского в Заведывающее учетно-эвакуационное отделение. Вот в чем состоит его просьба: «В виду утери мной билета военнопленного прошу выдать мне дубликат билета военнопленного. Билет получен был мной в г. Москва при Савеловском распределительном госпитале 3 декабря 1918 г. За № 6775. Проходил службу в 257 евпаторийском п. п., ефрейтор, уроженец Гродненской губернии Кобринского уезда, Ивановской волости, м. Иванова; профессия моя – учитель; взят в плен 15 января 1915 г. в Карпатах, находился в плену в Германии, последний лагерь Гердауэн, удовлетворен обмундированием и жалованьем за время пребывания в плену. 5 / VIII – 19 [6, д. 26, л. 85].

Уездные комиссариаты тоже выдавали Удостоверение, в котором указывались основные данные русского солдата, место и время пленения. Так, Нивлянский Комиссариат по Военным Делах за 25 ноября 1918 года № 1063 выдан Удостоверение Смолковскому Михаилу Степановичу, что «он действительно бывший военнопленный в Австро-Венгрии с 19 марта 1916 года по 19 ноября 1918 года что подписью и приложением казённой печати удостоверяется» [5, д. 1, л. 5].

Согласно документам ГАБО, адаптироваться русским военнопленным в мирное время помогали комитеты бедноты. Это подтверждает Удостоверение от 25 ноября 1918 года, выданное РСФСР Комитетом бедноты села Семковский, согласно которому Семков Весарион «действительно прибыл из плена и не имеет одежды и обуви и сам он неимущий, что и удостоверяет комитет бедноты» [5, д. 1, л. 4].

В ГАБО сохранилось большое количество удостоверений, которые выдавал Кадецкий Сельский Комитет Бедноты, Костеничской волости, Мглинского уезда 27 ноября 1918 года № 4, Мглин, Почепской области. Так в одном из удостоверений говорится, что «Предъявитель сего гражданин села Кадецка Демьян Симеонов Щигорцов 25 сего ноября прибыл из плена Австро-Венгрии и нуждается во всех видах пособия, оказываемого военнопленным Российской Советской властью. Дано для исходотайствования обмундирования и денежного пособия из г. Почепа [5, д. 1, л. 7].

В другом документе, выданном комитетом бедноты, в удостоверении написали, что у прибывшего из плена «дома не имеет, никаких средств бедного состояния» [5, д. 1, л. 13]. Мглинская коллегия о пленных и беженцах выдавала удостоверения русским военнопленным для получения социальной помощи. В одном из таких удостоверений есть сведения о конкретной помощи, получаемой военнопленными по прибытии на Родину. В Удостоверении за 28 декабря 1918 года № 1268 указано, что «дано сие русскому пленному т. Сивакову Никите Ивановичу, прибывшему из австрийского плена, происходящему из граждан Романовской волости, деревни Романово в том, что он удовлетворён денежным довольствием в размере 25 руб. и записан в Коллегии за № 647. Обмундированием неудовлетворён за неимением такового» [5, д. 1, л. 10].

В архиве хранится Удостоверение от Мглинской коллегии Пленбежа, в котором указано сразу три гражданина, прибывших из германского плена: «Очень бедны и нуждаются в помощи, денежного и вещественного удовлетворения от Мглинской коллегии не получали» [5, д. 1, л. 15].

Изучение хранящихся в архиве удостоверений бывших русских военнопленных позволяет сделать вывод о том, что государством была организована централизованная система органов – центральной, губернских, уездных коллегий о пленных и беженцах, которые занимались эвакуацией на родину бывших русских военнопленных и их дальнейшей адаптацией на месте пребывания.

Удостоверения русским военнопленным выдавали не только Центропленбеж, губернские и уездные коллегии о пленных и беженцах, но и местные уездные комиссариаты и даже комитеты бедноты, что подтверждают архивные документы. Для российского военнопленного удостоверение был жизненно необходимым документом для получения социальной помощи и поддержки со стороны государства – лечебно-медицинская помощь, сухой пёк, одежда, кормовые, деньги на пропитание и проживание. Судя по многочисленным заявлениям о потере и краже удостоверений бывшего военнопленного, можно сделать вывод, что значил этот документ для того времени: потерять удостоверение – потерять возможность выжить. Несмотря на то, что страна находилась в сложной обстановке – падение царизма, смена политического строя, тяжелая экономическая ситуация, вызванная затянувшейся Первой мировой войной, а затем начавшаяся Гражданская война и условия «военного коммунизма», пришедшие к власти большевики вынуждены были также организовать государственную поддержку бывшим российским военнопленным.

Библиографический список

1. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии 1914-1922. М.: Новый хронограф. 2010. 440 с.
2. Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. Серия «История». 2013. № 1. С. 64-83.
3. Белова И.Б. «Вынужденные мигранты: Беженцы и военнопленные Первой Мировой Войны в России. 1914-1925 гг.». М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.
4. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 460. Оп. 1.
5. ГАБО. Ф. 1266. Оп. 1.
6. ГАБО. Ф. 490. Оп. 1.
7. ГАБО. Ф. 460. Оп. 1.

Сведения об авторе

Лазаренко Елена Ивановна, аспирант 3 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

УДК 94(73)"1831/1844"+289.3

В.В. Прилуцкий

РАСКОЛЫ В РАННЕМ ДВИЖЕНИИ СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ (1831-1844 гг.)¹

Аннотация: в статье рассмотрены расколы в Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в ранний период ее существования (1831-1844 гг.). Проанализированы группы, возникшие до «кризиса преемственности», наступившего летом 1844 г. после убийства первого мормонского пророка Джозефа Смита. Постоянное дробление протестантских деноминаций и возникновение новых ветвей, течений, общин, групп являлись характерными чертами американской религиозной жизни в XIX в.

Ключевые слова: Церковь Иисуса Христа Святых последних дней; Джозеф Смит; мормонские деноминации; расколы в мормонизме; ранний период в истории мормонов.

Prilutskiy V.V. Schisms in the early Latter Day Saint movement (1831-1844)

Abstract: the article examines the schisms in the Church of Jesus Christ of latter-day Saints in the early period of its existence (1831-1844). The groups that arose before the "succession crisis" that occurred in the summer of 1844 after the murder of the first Mormon prophet Joseph Smith are analyzed. The constant fragmentation of Protestant denominations and the emergence of new branches, currents, communities, groups were characteristic features of American religious life in the XIX century.

Keywords: The Church of Jesus Christ of latter-day Saints; Joseph Smith; Mormon denominations; schisms in Mormonism; early period in Mormon history.

Пограничные территории между осваиваемым американским Западом и северными штатами стали в 1810–1840-е гг. ареной деятельности разного рода религиозных, социальных и политических реформаторов. Одним из подобных движений стали мормоны, известные также как «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней» (Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, LDS). Это название (первоначально писали: «Church of Jesus Christ of Latter Day Saints») начало употребляться с 1838 г. Изначально организация называлась «Церковью Христа» (Church of Christ). В 1834-1838 гг. использовалось наименование «Церковь Святых последних дней» (Church of the Latter Day Saints). Новая религиозная организация возникла в западной части штата Нью-Йорк в 1830 г. Ее лидером – пророком и президентом до своей гибели в 1844 г. являлся Джозеф Смит (1805-1844). Вскоре мормоны вынуждены были переселиться в Огайо и Миссури, а затем – в Иллинойс. В 1847 г. Святые мигрировали в Юту, которая стала их основным центром вплоть до наших дней. Благодаря интенсивной миссионерской деятельности к мормонам присоединились тысячи новообращенных последователей из Западной Европы и Канады. Но уже в ранний период мормонское движение пережило несколько крупных и небольших расколов.

Первой известной группой, отколовшейся от мормонизма, являлась «Чистая Церковь Христа» (Pure Church of Christ), основанная Уиткамом Кларком в 1831 г. Она возникла в г. Киртланд (Огайо), являвшемся в тот период временным центром нового религиозного движения. В «Чистую Церковь» первоначально вошли Кларк, Нортроп Свит и еще 4 чел. О Кларке известно, что он являлся одним из первых мормонов (был крещен в середине или конце 1830 г.), но впоследствии объявил Джозефа Смита лжепророком. Часть Святых последних дней в Киртланде сформулировала идеологическую программу, основанную на биб-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Соглашение № 075-15-2019-486.

лейской книге «Деяния апостолов». Около 50 чел., проживавших в районе фермы, принадлежавшей Исааку (Айзеку) Морли, были крещены, но еще не были проинструктированы об их обязанностях в мормонской общине. Они утверждали, что «дух вошел в них». Некоторые из этих людей утверждали, что видели ангелов и сообщали о других чудесных явлениях. Услышав об этих событиях, Джозеф Смит приехал в Киртланд, чтобы указать на ошибки этих Святых. Он учил их отличать «истинные» от «ложных» «духовных явлений». Кларк отклонил учение Смита и заявил, что получил откровение о том, что он должен быть пророком. Кларк начал проводить молитвенные собрания и проповедовать. Новая группа провела несколько собраний, после чего распалась.

В 1832 г. в Киртланде (Огайо) от мормонов отделилась «Независимая Церковь» (Independent Church), организованная неким Хотонем, осудившим Джозефа Смита и «Книгу Мормона». Мало что известно об этой второй по времени возникновения раскольнической группе, кроме даты основания, фамилии ее основателя и того, что Хотон раскритиковал учение первого мормонского пророка. Группа распалась после возникновения разногласий между лидером и епископом новой общины [8, p. 21–29].

В 1836 г. создал свою недолговечную «Церковь Христа» Эзра Бут (1782-1873). Будучи популярным методистским проповедником, он присоединился к мормонам в мае 1831 г. и вскоре стал первосвященником. Обращению способствовало его чудесное исцеление с помощью Джозефа Смита. Бут успешно проповедовал в Огайо и Миссури, но уже осенью 1831 г. вступил в конфликт со Смитом и навсегда порвал с мормонизмом. Он заявил, что Смит не является пророком, а «Книга Мормона» – священным писанием. Вероятно, его разочаровало обнаруженное им отсутствие чудес в мормонской церкви, наличие которых способствовало бы обращению людей в новую веру. Эзра Бут опубликовал в конце 1831 г. в газетах 9 своих писем (включенных позднее в книгу 1834 г.), в которых подверг критике учение мормонов. Он выявил несоответствия в откровениях Смита, указал на «деспотизм» мормонской церкви и подверг критике личные слабости первого пророка (тщетно призывавшего Бута к «смирению») и других церковных руководителей [4, p. 175–221]. Организованная им в Огайо самостоятельная церковь вобрала в себя многие принципы христианского реставрационизма и мормонизма, но распалась после нескольких собраний. Конфликт с Бутом нашел отражение в священном писании («образцовых трудах») Церкви Иисуса Христа Святых последних дней: «Вот, Я, Господь, был разгневан на того, кто был слугой Моим, – Эзру Бута, а также на слугу Моего Айзека Морли, ибо они не соблюдали ни закона, ни заповеди; Они хотели злого в сердцах своих, и Я, Господь, удержал от них Духа Моего. Они осудили как зло то, в чем не было зла; все же, Я простил слуге Моему Айзеку Морли» [10].

В 1837 г. в США разразился финансово-экономический кризис, который отразился и на церкви Святых. Некоторые мормоны потерпели крах на рискованных финансовых спекуляциях, влезли в долги, оказались в тяжелом материальном положении и начали отпадать от Церкви. Церковный банк «Киртландское общество сбережений» обанкротился. В «мошенничестве» многие разорившиеся Святые обвиняли Джозефа Смита и его окружение. Стал подниматься вопрос об «истинности» пророческой миссии Смита. Известный миссионер Уоррен Ф. Пэрриш (Пэриш) (1803-1877) был членом Первого Кворума Семидесяти, являлся верным сподвижником президента мормонской общины, получив должность писца и его личного секретаря. Пэрриша, занимавшего также пост казначея церковного банка, обвинили в растрате имущества и отлучили от Церкви. В 1837-1838 гг. он возглавил оппозицию Джозефу Сми-ту, объявив его «лжепророком» и «самозванцем» [9]. В декабре 1837 г. и весной 1838 г. от мормонской церкви были отлучены более 30 чел., включая трех главных свидетелей «Книги Мормона»: Оливера Каудери (1806-1850), Мартина Харриса (1783-1875) и Дэвида Уитмера

(1805-1888). Покинули ряды Церкви несколько влиятельных лидеров, включая 3 из 12 апостолов и некоторых членов Совета Семидесяти. Первоначально «диссентеры» («партия Пэрриша») планировали отстранить Смита и заменить его Уитмером. Им начали поступать угрозы со стороны «данитов» – тайной военизированной организации мормонов. Но вооруженные пистолетами и тесаками сторонники Пэрриша совершили нападение на недавно построенный Святыми Киртландский храм и в итоге к началу 1838 г. захватили его. Смит бежал со своими сторонниками из Огайо в г. Фар-Уэст (Миссури).

Все недовольные церковным руководством, внутри которого произошел серьезный раскол, объединились вокруг Пэрриша, заявившего о создании новой «Церкви Христа». Возникло (оказавшееся недолговечным) религиозное движение пэрришитов, которое обвиняло Смита во «лжи» и «неверности» [6], отвергало «Книгу Мормона», некоторые разделы Библии и стремилось объединить все христианские церкви в единую организацию. Но не все отделившиеся мормоны придерживались подобной точки зрения. Так, Мартин Харрис, объявленный одним из основателей-«попечителей» новой религиозной общины, выступил с рядом категорических заявлений в поддержку истинности «Книги Мормона». Его утверждения привели к разделению уже внутри пэрришитов. «Церковь Христа» Пэрриша просуществовала около 1 года – это был первый большой раскол в рядах движения Святых последних дней. После распада своей организации из-за разногласий между лидерами Пэрриш уехал из Киртланда в восточные штаты, где служил пастором в баптистской церкви.

В конце 1830-х гг. от движения Святых отделилась еще одна «Церковь Христа» во главе с Уильямом Чабби. Главную задачу раскольники видели в осуществлении миссионерского служения среди афроамериканцев.

В 1839 г. от мормонов откололась «Олстонская церковь» (Alston Church) во главе с Исааком Расселом (1807-1844). Рассел родился недалеко от г. Олстон в графстве Камберленд на северо-западе Англии. Он был младшим из 13 детей в семье. В 1817 г. семья Расселов эмигрировала из Англии в Верхнюю Канаду и в 1836 г. присоединилась к Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Рассел занимал ряд ответственных церковных должностей, в том числе был одним из первых миссионеров в Англии, основав общину в г. Олстон. В мае 1838 г. он вернулся из Англии в Соединенные Штаты. Вокруг Рассела начали группироваться мормоны, недовольные церковным руководством и лично Джозефом Смитом. Рассел говорил о том, что большинство мормонов «потеряли божью благодать» из-за своего «нечестия и неверия». Осенью 1838 г. в связи с антимормонскими волнениями в штате Миссури началась массовая миграция членов Церкви в Иллинойс. Сторонники Рассела не хотели переселяться, поскольку не желали оставлять и терять свое значительное по стоимости имущество в Миссури без соответствующей компенсации.

Зимой 1838-1839 гг. Рассел начал утверждать, что получил откровения от Бога и провозгласил себя новым пророком вместо «падшего» Смита. Он писал об этом также в письмах к новообращенным в английский Олстон. Ему якобы было приказано оставаться в Миссури, чтобы впоследствии вести Церковь в Индейскую территорию, где «три Нефийца» (бессмертных ученика Христа, обладающих некоторыми способностями ангелов) присоединятся к ней, чтобы обратить ламанийцев (индейцев). 26 апреля 1839 г. Рассел и почти все его последователи по решению церковного совета были отлучены от Церкви. Рассел попытался узурпировать власть над небольшой общиной взрослых последователей (от 10 до 20 чел.). Но большинство этих Святых, несмотря на потерю имущества, все же переселились в г. Наву (Иллинойс) в 1840 г. и 1843 г. [7]. Рассел отказался вернуться в мормонскую церковь. Он остался жить среди враждебно настроенных поселенцев-немормонов и умер в сентябре 1844 г. на своей ферме около г. Ричмонд (штат Миссури) от «болотной лихорадки». В 1861 г. его вдова

Мэри Рассел перевезла детей в г. Солт-Лейк-Сити (штат Юта) и вновь присоединилась к Церкви Святых последних дней.

24 июня 1840 г. в штате Айова Джордж Марч Хинкль (1801-1861) учредил религиозное общество под названием «Церковь Иисуса Христа, Невеста, Жена Агнца» (Church of Jesus Christ, the Bride, the Lamb's Wife). Известно, что уроженец Кентукки Хинкль присоединился к мормонской церкви в 1832 г. и вскоре в чине полковника стал одним из командиров ополчения Святых последних дней. Враждебное отношение местного населения и властей Миссури к мормонам привели к вооруженному конфликту, известному как «мормонская война 1838 г.». В итоге мормоны были изгнаны из штата и вынуждены были переселиться в Иллинойс, где основали г. Наву. Хинкль оказался в рядах «предателей», поскольку заключил соглашение с властями о выдаче церковных руководителей [2]. Тайный военно-полевой суд вынес решение о расстреле взводом ополченцев пророка и его соратников, но приговор не был приведен в исполнение. Джозеф Смит и ближайшие его сторонники вынуждены были провести почти полгода в тюрьме, откуда они смогли впоследствии бежать. Но с них не были сняты обвинения, выдвинутые судебными органами штата Миссури в убийстве, государственной измене, поджогах, грабежах и хищении чужого имущества.

Хинкль вывез из дома Смита ценные вещи и похитил его лошадь, о чем свидетельствуют материалы судебного дела против него, которое выиграл мормонский пророк. 17 марта 1839 г. он был официально отлучен от Церкви. Хинкль уехал в Айову, где создал собственную церковь, испытавшую сильное влияние мормонизма. В ноябре 1842 г. в г. Москва (штат Айова) состоялась первая конференция новой церкви. В сентябре 1843 г. конференцию церкви Хинкля посетил Джон К. Беннетт (1804-1867). Беннетт являлся помощником Джозефа Смита, занимал в течение года должности мэра Наву, ректора местного университета и генерал-майора в мормонском ополчении до полного разрыва с Церковью в 1842 г. В 1845 г. Хинкль на короткое время оказался связан с Сиднеем Ригдоном и его «Церковью Христа» (ригдонитами). Создатель новой секты был дважды женат (первая жена умерла в 1844 г. или 1845 г.). О Хинкле известно, что он помимо религиозной деятельности занимался торговлей, врачебной практикой, издательским делом и фермерством, а в начале Гражданской войны даже служил в армии [3].

В 1842 г. учредил собственную «Церковь Христа» Хайрам Пейдж (1800-1852), о которой не дошло почти никакой информации. Он был одним из 8 свидетелей «Книги Мормона», подтвердивших, что они видели золотые пластины со священными письменами. В 1838 г. Хайрам Пейдж вместе с членами семьи Уитмеров вышел из мормонской церкви. Впоследствии он принимал участие в раскольнических образованиях, созданных бывшими мормонами-диссидентами.

Весной 1844 г. несогласные с пророком Джозефом Смитом мормонские лидеры – «отступники» образовали «Истинную Церковь Иисуса Христа Святых последних дней» (True Church of Jesus Christ of Latter Day Saints) или «Истинную Церковь мормонов» (True Mormon Church). Первое собрание диссидентов состоялось 28 апреля 1844 г. в Наву. В рядах раскольников оказались бывшие члены Высшего совета Наву Чарльз Айвинс (1799-1875) и Остин Коулз (1792-1872), бригадный генерал «Легиона Наву» (ополчения Святых) Уилсон Лоу (1806-1876), главный хирург «Легиона Наву» и один из руководителей мормонского университета Роберт Д. Фостер (1811-1878), старшие офицеры «Легиона Наву» Френсис М. Хигби (1820-1856), Чонси Л. Хигби (1821-1884) и другие. Новая церковь базировалась на «изначальном мормонском учении» и имела свое «Первое Президентство» и собственных «апостолов», «епископов» и т.п. Она отрицала активно распространявшееся среди мормонов

с 1843 г. многоженство и свидетельствовала, что Джозеф Смит стал «падшим пророком», который уже не может спастись.

Президентом реформированной церкви (не считавшимся пророком) стал Уильям Лоу (1809-1892), являвшийся в 1841-1844 гг. вторым советником в Первом Президентстве. Он был ближайшим помощником Смита до разрыва с ним. Лоу родился в Северной Ирландии. В 1820 г. вместе с семьей переехал в Соединенные Штаты, а затем – в Верхнюю Канаду. Присоединился к жене к движению мормонов в 1836 г. Вместе с группой канадских Святых он переселился в Наву в 1839 г. и вскоре стал членом высшего церковного председательствующего и руководящего органа – Первого Президентства. Вскоре между Лоу и пророком возникли трения. Лоу пришел к выводу, что Смит специально осуществляет сращивание церковной и государственной властей в мормонской общине в Иллинойсе, чтобы избежать выдачи для суда в Миссури. Секретная практика многоженства заставила Лоу вступить в прямой конфликт с мормонским лидером [1, р. 55–57]. Ходили слухи, что Смит настойчиво предлагал жене Лоу вступить с ним в полигамный «духовный брак». В январе 1844 г. он был исключен из Первого Президентства, а в апреле – отлучен от Церкви за «вероотступничество». Эти обстоятельства привели Лоу к мысли о том, что в действительности именно президент Церкви и его сторонники «отступили от истинной веры и находятся под влиянием Сатаны» [1, р. 60–68].

7 июня 1844 г. «Истинная Церковь» издала в Наву первый и единственный номер своей газеты «Nauvoo Expositor». В ней она разоблачала религиозную организацию мормонов, неподобающие поступки, «беззаконие» и «глупость» Джозефа Смита, его «ложные», «абсурдные», «нелепые», «богохульные» представления о существовании множества богов и необходимости полигамии [5]. «Противоречат христианской религии» попытки мормонского пророка сопротивляться правительству и его желание захватить политическую власть в регионе. В ответ Джозеф Смит, являвшийся мэром Наву, объявил о введении военного положения. По его приказу была разгромлена оппозиционная типография, где издавалась газета «Nauvoo Expositor», и уничтожен печатный пресс. Следствием этих событий стало возмущение немормонского населения, активизация всех врагов Святых последних дней в штате, объединившихся в Антимормонскую политическую партию графства Хэнкок. Губернатор Иллинойса собрал добровольческое ополчение (милицию) и арестовал Смита. 27 июля 1844 г. первый пророк мормонов был убит в тюрьме напавшей толпой погромщиков. В течение многих лет Лоу обвиняли в том, что он участвовал в качестве рядового члена или главаря в убийстве, но это не было доказано. Вскоре после этих трагических событий «Истинная Церковь» распалась.

Ранние религиозные группы, отколовшиеся от основной Церкви, не сохранились до настоящего времени, но их идеи нашли отражение в представлениях и практике возникших впоследствии (в середине – второй половине XIX в.) ветвей мормонизма. Так, отрицание многоженства стало одним из ключевых, краеугольных представлений ранних странгитов, ригдонитов, хедрикитов, уитмеритов, джозефитов и бикертонитов. В ранний период от мормонского движения отпали 9 групп, но все они оказались недолговечными (существовали не более 4-5 лет), были преимущественно небольшими и не дожили до наших дней. Впоследствии (после 1844 г.) сформировались более мощные течения, которые в свою очередь дробились на более мелкие секты. Наиболее крупные расколы, которые могли при определенных условиях даже привести к распаду всей религиозной организации, произошли в 1837 г. и 1844 г. Всего с 1831 г. по 2013 г. возникли около 100 групп и сект мормонов. Но подавляющее большинство (около 98%) современных последователей Джозефа Смита в мире (16 млн. чел. по состоянию на 2019 г.) принадлежат к Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.

Библиографический список

1. Cook L.W. William Law, Nauvoo Dissenter // *BYU Studies*. 1982. Winter. Vol. 22. №1. P. 47–72.
2. De Groote M. Speaker says militia leader betrayed Joseph Smith // *Deseret News*. 2010. February 14 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.deseret.com/2010/2/14/20096307/speaker-says-militia-leader-betrayed-joseph-smith>. – Date of access: 10.09.2019.
3. Hinkle, George M. Biography [Electronic resource]. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20120104220705/http://josephsmithpapers.org/person?name=George+M.+Hinkle>. – Date of access: 12.09.2019.
4. Howe E.D. Mormonism Unveiled: or, A faithful account of that singular imposition and delusion from its rise to the present time. With sketches of the characters of its propagators, and a full detail of the manner in which the famous Golden Bible was brought before the world. To which are added, inquiries into the probability that the historical part of the said bible was written by one Solomon Spalding, more than twenty years ago, and by him intended to have been published as a romance. Painesville, Ohio: Printed and published by the author, 1834. – 316 p.
5. Nauvoo Expositor. 1844. June 7. Vol. I. № 1. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://solomonspalding.com/docs/exposit1.htm>. – Date of access: 20.09.2019.
6. Parrish W. Mormonism. Kirtland, Feb. 5, 1838. To the editor of the Painesville Republican // *Painesville Republican*. 1838. February 15. № 67 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.sidneyrigdon.com/dbroadhu/OH/painerep.htm#021538>. – Date of access: 15.09.2019.
7. Scott J.W. The Jacob and Sarah Warnock Scott Family (1779-1910). (2002). P. 8-9 (Rebellion and Apostasy Under Isaac Russell at Far West) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://mormonpolygamydocuments.org/wp-content/uploads/2015/01/JS0857.pdf>. – Date of access: 30.08.2019.
8. Shields S.L. *Divergent Paths of the Restoration: A History of the Latter Day Saint Movement*. – Los Angeles: Restoration Research, 1990. – 336 p.
9. Warren Parrish [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.fairmormon.org/answers/Warren_Parrish. – Date of access: 15.08.2019.
10. Учение и Заветы 64:15–16.

Сведения об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК 94(100)"1914/19"+ 821.1 61.1

М.М. Рудковская

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: В статье анализируется письменное наследие русских моряков-эмигрантов, посвященное различным аспектам истории Первой мировой войны. На материале военно-морской периодической печати приводится тематический обзор публикаций, исследуется их содержание, делается вывод о вкладе офицеров-эмигрантов в историю изучения Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, военно-морская эмиграция, журнал, периодическая печать.

Rudkovskaya M.M. Great war in the Russian emigration sea-military literature.

Abstract: The article is devoted to the study of the written heritage of Russian emigrant sailors about various aspects of the First world war's history. On the material of the naval periodical press, a thematic review of publications is given, content analyzed, the conclusion is made about the contribution of emigrant officers for historical and scientific studies of the First world war.

Keywords: First world war, Great war, naval emigration, magazine, periodicals.

Для русской военной эмиграции была характерна высокая активность в создании собственных газет и журналов. Так, уже в 1920 г. в беженских лагерях Галлиполи, Лемнос и Чаталджа офицеры, добровольцы и казаки начали выпускать самодельные рукописные издания – «Веселые бомбы», «Дроздовец» и другие. Штаб Русской армии тогда же выпускал «Информационный листок», в номерах которого публиковались приказы главкома, описывалось положение в Советской России.

В условиях первых лет в изгнании, в годы нищеты и бесправия, ставших уделом широких эмигрантских низов, именно периодика оказалась наиболее привлекательной для издателей и читателей: она не требовала больших финансовых затрат, оперативно откликалась на важнейшие события, удовлетворяла разнообразные политические и культурные запросы. Важно и то, что пристрастие к периодике, особенно журнальной, было одной из характерных черт дореволюционной русской жизни как в образованном обществе в целом, так и в армейской среде.

В 1920-1930-е гг. в разное время за рубежом выходило более 100 периодических военных изданий на русском языке. Русская пореволюционная эмиграция включала в себя множество военных, различных чинов, званий и родов войск, имевших богатый боевой опыт, в том числе, и на фронтах Первой мировой войны (Великой, как называли её эмигранты и как её до сих пор называют в Европе). В 1920-1930-е годы военная научная мысль европейских государств, активно анализировала и осмысляла опыт этой войны. Огромное значение данной проблематике придавала и русская военная эмиграция. Кроме того, в сознании многих русских людей, покинувших Россию, Первая мировая, революция и гражданская война слились в одно трагическое событие.

Следует отметить, что успешному изучению истории Первой мировой войны в зарубежье способствовал ряд обстоятельств. Прежде всего то, что в эмиграции оказалась значительная часть военно-научного потенциала России. Это профессорско-преподавательский состав военных академий и училищ. Только из Крыма был эвакуирован ряд военных училищ и корпусов. Не менее важно то, что в рядах военной эмиграции находилось значительное число крупных деятелей Первой мировой войны. Это генералы Ю.Н. Данилов, В.М. Драго-

миров, А.С. Лукомский, А.И. Деникин, адмиралы И.К. Григорович, А.Д. Бубнов, В.К. Пилкин, М.А. Кедров и многие другие.

Первым эмигрантским научным учреждением, призванным изучать и анализировать опыт Великой войны, следует назвать Общество ревнителей военных знаний, организованное группой офицеров генерального штаба – В.М. Прониным, Р.К. Дрейлингом, одной из задач которого стало изучение и обработка военно-исторических материалов минувшей Европейской войны. При обществе был учрежден журнал «Военный сборник», издававшийся с сентября 1921 по ноябрь 1941 г.

Различные группы и кружки по изучению опыта Первой мировой войны создавались при соответствующих учебных заведениях. В 1927 г. после длительной подготовительной работы генерал Н.Н. Головин открыл Военно-научные курсы систематического изучения военного современного дела, зарегистрированные при правительстве Франции как Общество русских комбатантов по изучению мировой войны и ее последствий. При них был организован Институт по изучению современных проблем войны и мира, а при похожих курсах в Белграде – Военно-научный институт (при нем с 1936 г. выпускался военно-научный журнал «Осведомитель»). Именно эти институты стали основными центрами русской военно-научной мысли за рубежом.

Военно-морские офицеры в изгнание активно включились в процесс изучения опыта Первой мировой войны. Заметную роль в сохранении памяти о войне, особенно в первые эмигрантские годы, играли зарубежные военные-морские издания, на страницах которых широко публиковались статьи, посвященные различным военным проблемам (Таблица 1.).

Таблица 1. Эмигрантские периодические издания по военно-морской тематике.

NN	Название издания	Годы	Место публикации	Количество томов
1.	Морской сборник	1921-1923	Бизерта	26
2.	Журнал Кружка Морского училища	1922	Бизерта, Белград	4
3.	Морской журнал	1928-1942	Прага	148
4.	Зарубежный морской сборник	1928-1942	Прага	13
5.	Сигнал	1927-1928	Париж	2
6.	Звено	1925-1927	Брно	21
7.	Записки Военно-морского исторического кружка им. А.В.Колчака	1931-1937	Париж	8
8.	Норд-Ост	1934	Париж	1
9.	Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке	1934-1982	Нью-Йорк	144
10.	Морские записки	1944-1965	Нью-Йорк	44
11.	Вахтенный журнал	1934-1938	Сан-Франциско	22

В изгнании русское морское воинство очень быстро возродило издательскую деятельность. Первая такая попытка была предпринята уже в Бизерте (французская военная база в Тунисе), где базировалась Русская эскадра. Здесь в июне 1921 г. начал выходить журнал «Морской сборник» [16]. Его основателем и редактором стал капитан 2 ранга Н.А. Монастырев, посвятивший флоту всю свою жизнь, не раз выступавший со статьями в военно-морских журналах, автор ряда книг по истории флота, в том числе и неопубликованных по сей день.

Бизертинский «Морской сборник» печатался на ротаторе, последний номер журнала – тридцать первый – вышел в 1924 г. Также в Бизерте, а затем в Белграде, ежемесячно с января по апрель 1922 г. издавался «Журнал кружка морского училища» [9].

В 1920-е гг. выходили периодические военно-морские издания и в других центрах русской эмиграции. В Чехословакии, в г. Брно мичман П.В. Репин с 1925 по 1927 г. издавал ежемесячный морской журнал «Звено» [12]. Журнал выходил в единственном экземпляре, передавался из рук в руки. Всего был подготовлен 21 выпуск. В 1928-1931 гг. в Чехословакии капитан первого ранга Я.И. Подгорный организовал выпуск «Зарубежного морского сборника» [10]. Журнал публиковал, главным образом, исторические статьи о прошлом русского флота, очерки о русских мореплавателях, материалы по различным отраслям морского дела. Было выпущено тринадцать номеров.

В Париже корабельные гардемарини Н. Цветков и А. Покотилев с ноября 1927 по апрель 1928 г. выпустили два номера журнала «Сигнал» [24]. Там же в 1934 г. 7-й Военно-морской очаг союза младоросов издал один номер журнала «Норд-Ост 23» [19]. Более солидно было поставлено издание «Записок военно-морского исторического кружка» [11]. Этот журнал выходил в Париже с апреля 1931 по апрель 1937 г. Редактором издания выступал старший лейтенант М.О. фон Кубе, автор ряда статей об эпопее Дунайской речной флотилии в Первую мировую войну. Всего вышло восемь выпусков (Диаграмма 1.).

Позднее, а именно в 1930-1940 гг., появились издания русских военно-морских журналов в США. Первым стал «Вахтенный журнал» [5], который выпускался морским издательством при Кают-компании в Сан-Франциско с января 1938 по декабрь 1939 г. За этот период редакция во главе с Ю.М. Горденевым, бывшим офицером российского флота, подготовила и выпустила девять номеров журнала. Там же с 15 апреля 1952 г. начали издаваться «Бюллетени Общества офицеров Российского императорского флота» [3]. Выпускались они до конца 60-х годов (известен №114 от 25 декабря 1967 г.). Здесь публиковались статьи о жизни российских морских офицеров в США, деятельности их Общества, списки и фотографии флотских офицеров которые оказались за рубежом, сообщалось об их судьбе.

В Нью-Йорке выходил журнал «Морские записки» [18]. Его издавало Общество бывших русских морских офицеров в Америке. Долгие годы неизменным редактором «Морских записок» являлся барон Г.Н. Таубе, бывший старший лейтенант флота, автор исторического исследования «Описания действий гвардейского экипажа на суше и на море в войну 1914–1917 гг.», отрывки из которого печатались в «Морских записках». Журнал публиковал статьи об участии русского флота в минувших войнах, о военном кораблестроении, дальних плаваниях, а также воспоминания бывших офицеров российского флота, очерки и сообщения об их жизни за рубежом.

Кроме журнальных публикаций необходимо упомянуть также и книжное наследие русской военно-морской эмиграции. «Морской Журнал» [17], издававшийся в Праге и редактировавшийся лейтенантом М.С. Стахевичем с 1930 года, завел регистрацию всех книг, написанных офицерами Российского Флота на морские темы, сведя их в «Русскую Зарубежную Морскую Библиотеку». Выходили книги в самых разных странах, городах и издательствах, но все были объединены одним признаком — принадлежностью автора к морской семье. Почти всегда, с 1930 года, авторы или издатели запрашивали у М.С. Стахевича заранее о своем номере, который и проставлялся на книге. Всего библиотека насчитывает 80 томов, из которых 8 тематически связаны с событиями Первой мировой войны.

В зарубежной русской историографии Первая мировая война (Великая война) - начало в цепи трагических событий, которое, по их мнению, привело Россию к поражению и революции. Именно с этой исходной точки рассматривается война крупными военными мысли-

телями русского зарубежья. Однако, в научном и литературном наследии военно-морского офицерского сообщества, война осмысливается не теоретически, а практически. Большинство авторов склоняется к идее о том, что «мы должны думать главным образом о практическом использовании их (опыта и знаний о Великой войне - курсив мой), то есть делать выводы из всего, что нам дали минувшие войны» [21:1]. Характер публикаций – мемуары, статьи, аналитические заметки, - где в оценках событий авторы опираются на свои личные впечатления и профессиональные знания. Именно этот практический, личный аспект наиболее ценен, с нашей точки зрения, для исторического и историографического анализа событий Первой мировой войны при изучении письменного наследия русских моряков.

Центральное место в исследуемых публикациях занимает проблема детального анализа боевых морских операций и сражений на Балтийском и Чёрном морях, причинах побед и неудач русского флота. Офицеры – участники данных сражений – стремились поделиться боевым опытом и знаниями с тем, чтобы уроки войны были изучены и поняты последующими поколениями русских моряков.

Многие авторы, как например С. Терещенко в своей статье “Война на Балтийском море” уделяет пристальное внимание разработке и проведению боевых операций, военным планам и боевым силам воюющих сторон [26]. Г.К. Граф в своей книге воспоминаний “На Новике” пишет о боевых операциях эскадренного миноносца “Новик” на Балтийском флоте в годы Первой мировой войны и революции [8]. Одни из наиболее ярких и запоминающихся воспоминаний о службе на Черноморском флоте в годы Великой войны принадлежат перу Н.А. Монастырева. Книга “В Чёрном море, 1912-1920” [15], изданная в Париже в 1928 г. на французском языке, повествует о боевом прошлом подводного флота в Чёрном море в годы Первой мировой войны, о судьбах кораблей и офицеров в годы революционных событий. Автор очень тонко подмечает все детали, связанные с техническими аспектами строительства и использования подводного флота, потенциала и перспективности данного вида кораблей. Монография, написанная живым литературным языком, изобилующая многочисленными бытовыми зарисовками о жизни офицеров русского флота в начале XX века, выдает в авторе не только компетентного профессионала в вопросах военной науки, но и талантливого писателя. Не случайно капитан 2 ранга Н.А. Монастырев, в эмиграции живший в далекой тунисской Табарке и зарабатывавший на жизнь сельскохозяйственным трудом, в конце 1930-х годов за серию монографий о русском флоте был награжден французским правительством почетной премией “Пальм Академик”.

Боевые действия кораблей Черноморского флота были в центре серии публикаций в журнале “Морские записки” в 1943, 1944, 1950 и 1958 годах [4, 23]. Отдельные статьи и сообщения по данной теме появлялись в разные годы в “Зарубежном морском сборнике” [1, 2, 14, 20,25] и “Вахтенном журнале” [6].

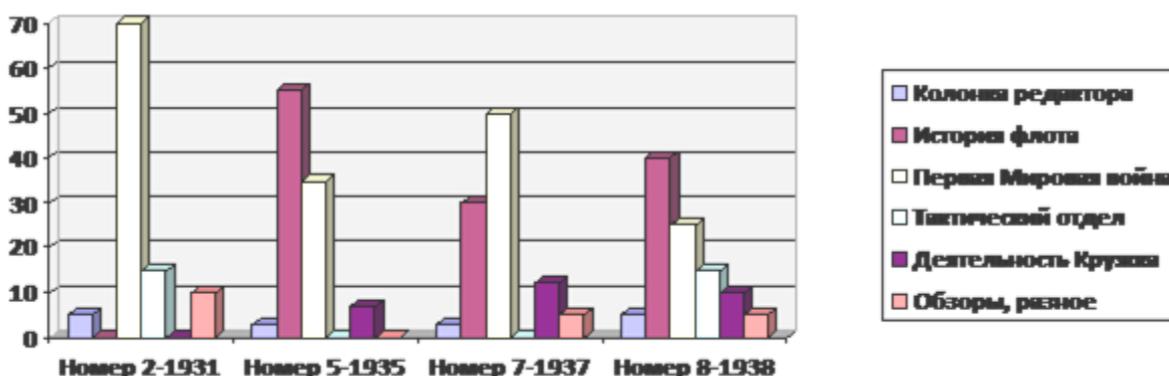
Другим сюжетом, красной нитью прошедшим через труды русских моряков, стала тема о новом техническом характере войны. Одним из ярких примеров этого тезиса является публикация доклада капитана 2 ранга В.В. Романова о радиоразведке, освещавшая, прежде всего, технические вопросы [22]. Анализируя содержание работы русской разведывательной службы, автор постоянно сравнивает ее с немецкой и английской, и при этом отмечает целый ряд особенностей, таких как организация разведывательной службы, специфика шифрования и владения шифровальными ключами.

Очевидно, что не могло остаться без внимания опытных морских офицеров такое новшество Первой мировой как использование химического оружия. В своей статье «Роль боевой химии в будущей морской войне» капитан 2 ранга Е. Шильдкнехт отмечает, что данный вид оружия есть новый фактор ведения боевых действий, могущий «дать результаты

огромной мощности и значения», а следовательно не подлежит сомнению тот факт, что «будущая война использует боевую химию самым тщательным образом» [28:7]. Автор подробно анализирует опыт использования химического оружия на фронтах Первой мировой войны, приводя различные примеры военных и детально описывая возможности изготовления боевых газов, их тактические свойства и преимущества, как принципиально нового вида боевого оружия. Однако Шильдкнехт сетует на то, что «морской опыт в этом отношении близок к нулю и мы должны его заимствовать у наших сухопутных собратьев» [28:16].

Кроме технических новшеств, война 1914-1918 гг. стала конфликтом, сломавшим существовавшие нормы и правила ведения боевых действий, решавшим при этом не только исход конкретного боя, но судьбы целых государств, стоявших за сражающимися флотами. Русские моряки-эмигранты прекрасно понимали это. Данный аспект восприятия и описания войны ярко иллюстрируется в публикации капитана 1 ранга А.В. Городыского о судовой артиллерии в ходе знаменитого Ютландского морского сражения: «...во-первых, потому что это самое большое артиллерийское сражение в последнюю войну, а во-вторых, потому что в этом бою решались судьбы человечества. Тринадцать лет, отделяющих нас от него, несколько не уменьшили жгучего интереса к этой боевой трагедии...» [7:1]. Увлеченный и вдумчивый анализ Ютландского боя позволил А.В. Городыскому, считавшемуся одним из выдающихся артиллеристов своего времени¹, сделать интереснейшее заключение: развитие и успехи артиллерийского дела поставили рамки для столь важного и неотъемлемого в морском деле аспекта как маневрирование судов: техника маневрирования проиграла технике поражения, так как движение судов в ходе боя теперь определялось возможностями вести прицельную артиллерийскую стрельбу.

Диаграмма 1. Аналитика содержания публикаций журнала «Записки Военно-морского исторического кружка имени А.В. Колчака» по темам.

Русские моряки стремились создать определенную теоретическую платформу для строительства военно-морского флота будущей России, именно поэтому они также интересовались состоянием и особенностями иностранных флотов. Здесь наметились два основных направления, наиболее ярко выраженные в публикациях С. Терещенко, В. Меркушева и Г. Шульца. С. Терещенко повествует о технических характеристиках и боевых операциях кораблей германского флота в 1914-1918 гг. [27], а статья В. Меркушева посвящена борьбе с немецким подводным флотом силами Балтийского флота [13]. Воспоминания капитана 1

¹ А.В.Городыский был членом комиссии по организации эскадренных стрельб в Чёрном море, внося свою лепту в улучшении материальной части артиллерии изобретением тормозов для 6-дюймовых орудий, а в 1911 г. он взял Первый Императорский приз за стрельбу корабля на линейном крейсере «Пантелеймон».

ранга Г. Шульца “С большим флотом, 1915-1918” [29] были впервые изданы в 1925 г. на английском и немецком языках, а в 1928 г. переведены на французский (русское издание увидело свет лишь в 2000 г.). Автор, военный представитель российского Императорского флота при Гранд-Флите, описывает все подробности службы в британском флоте, особенности его формирования и функционирования, делает интересные замечания и выводы о характере несения службы, взаимоотношениях офицеров и матросов, взаимодействии членов команд кораблей в ходе боевых операций.

Вклад военно-морской эмиграции в развитие военно-морской науки сложно переоценить. Широкая исследовательская и издательская деятельность морских офицеров представила доказательства очень высокого военно-научного уровня в дореволюционной России, который в течение 1920-1930 гг. был глубоко проанализирован и переосмыслен самой военно-морской эмиграцией.

Прежде всего, нужно отметить, что большое количество разнообразных публикаций, открытые чтения с обсуждением докладов, решение тактических задач, свидетельствует о глубоком и комплексном осмыслении событий Первой мировой войны, её значения и итогов в эмигрантских военно-морских кругах. Эмигрантские военно-морские исследования в большинстве своем носили серьезный аналитический характер. Идеализация войны в них отсутствовала, о чем свидетельствует реальный практический анализ боевых действий российского флота. На основании изучения боевого опыта Первой мировой войны русскими моряками были сделаны важные выводы и наблюдения о роли новых средств ведения вооруженной борьбы - подводных лодок, морской авиации, боевой химии и необходимости их дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Апрельев Б., Выдержки из дневника, 14/27 фев. - 1/25 июля 1915 // Зарубежный морской сборник, Пильзен, 1930, №№ 11-12, С. 5-34.
2. Апрельев Б., О “Гебене” в войну 1914-1918 // Зарубежный морской сборник, Прага, 1930, №№ 9-10, С. 39-43.
3. Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке (журнал), №№ 1-144, Нью-Йорк, 1934-1982.
4. Варнек П., Русский Север в Первой Мировой войне // Морские записки, Нью-Йорк, 1950, № VIII (28), С. 23-40.
5. Вахтенный журнал, №№ 1-22, Сан-Франциско, 1934-1939.
6. Горденев М., Действия флотов в Великую войну с точки зрения военно-морской идеологии // Вахтенный журнал, Сан-Франциско, 1937, №№ 11, С.
7. Городыский А., Судовая артиллерия в современном морском бою // Записки Военно-морского исторического кружка им. А.В. Колчака, Париж, 1931. № 2, С. 1-10.
8. Граф К., На Новике, Мюнхен, 1922.
9. Журнал Кружка Морского училища (журнал), №№ 1-4, Бизерта-Белград, 1922.
10. Зарубежный морской сборник (журнал), №№ 1-13, Прага-Пильзен, 1928-1942.
11. Записки военно-морского исторического кружка им. А.В. Колчака, (журнал), №№ , 1-8, Париж, 1931-1937.
12. Звено (журнал), №№ 1-21, Брно, 1925-1927.
13. Меркушев В., Наши подводные лодки во время войны // Морской сборник, 1922, № 3, С. 1-15.
14. Меркушев В., Квашнин-Самарин Ю., К истории действий русского флота в мировую войну // Зарубежный морской сборник, Пильзен, 1929, № 6, С. 29-43.
15. Монастырев Н., В Чёрном море, Париж, 1928.
16. Морской сборник (журнал), №№ 1-26, Бизерта, 1921-1923.
17. Морской журнал, №№ 1-148, Прага, 1928-1942.

18. Морские записки (журнал), №№ 1-44, 1944-1965.
19. Норд-Ост (журнал), №№ 1, Париж, 1934.
20. О подготовке десанта к Босфору (редакция) // Зарубежный морской сборник, Пильзен, 1930, №№ 11-12, С. 3-5.
21. От редакции// Записки Военно-Морского Исторического Кружка, Париж, 1929, №№ 1, С. 1.
22. Романов В., Радиоразведка в годы Первой мировой войны // Записки Военно-морского исторического кружка, Париж, 1937. №№ 7, С. 14-36.
23. Русин А., Письма и заметки о флоте // Морские записки, 1945, №№ III (1), С. 2-9.
24. Сигнал (журнал), №№ 1-2, Париж, 1927-1928.
25. Смирнов М., Наставление для производства десантной операции” (письмо в редакцию) // Зарубежный морской сборник, Пильзен, 1930, №№ 11-12, С. 34-42.
26. Терещенко С., Война на Балтийском море // Морской сборник, Бизерта, 1923, №№ 9-10, С. 28-40.
27. Терещенко С. Германские корсары в войну 1914-1918 гг. // Морской сборник, Бизерта, 1922, №№ 3, С. 34-64, №№ 4, С. 37-62.
28. Шильдкнехт Е., Роль боевой химии в будущей морской войне // Записки Военно-морского исторического кружка, Париж, 1935, № № 5, С. 3-16.
29. Shults G., Avec la “Grand Fleet”, 1915-1918, Paris, 1928.

Сведения об авторе:

Рудковская Маргарита Михайловна - соискатель кафедры отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия), Тел.: +7.910.230.81.17; E-mail: margarita.thimrud@gmail.com

Rudkovskaya Margarita Mikhailovna – postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), Tel.: +7.910.230.81.17; E-mail: margarita.thimrud@gmail.com

РЕФОРМА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ИНДИИ В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ 1920-Х ГГ.

Аннотация: В статье анализируются отдельные аспекты британской колониальной политики в Индии в 1920-е годы. Обозначившийся после Первой мировой войны кризис побудил британское руководство предпринять определенные шаги по реформированию традиционного колониального механизма. Политические и административные изменения, произошедшие в межвоенный период в Британской Индии, в значительной степени заложили фундамент формирования политической системы независимого индийского государства.

Одним из важных последствий Первой мировой войны стало существенное изменение прежнего миропорядка, а также формирование принципиально новых черт мировой политики. Провозглашенный Вудро Вильсоном принцип национального самоопределения вместе с общим изменением баланса сил на международной арене, не могли не сказаться на состоянии колониальной системы и вызвали определенные изменения в отношении к колониям со стороны крупных европейских государств. Типичным примером подобных изменений стали процессы, происходившие в крупнейшей колониальной империи, созданной Великобританией. Они были связаны, главным образом, с постепенным усилением центробежных тенденций, приведших, в конечном счете, к превращению Британской империи в Британское Содружество Наций. В случае с «белыми» доминионами эта эволюция вполне вписывалась в контуры либеральной британской колониальной идеологии, предполагающей расширение прав и возможностей территорий со значительной частью европейского населения. Принципиально иной характер имела политика в отношении большинства азиатских и африканских колоний, где население априори считалось политической и интеллектуальной элитой Великобритании не способным к прогрессивному развитию и независимому политическому существованию. В первые десятилетия XX в. в некоторых британских колониях начался процесс активного складывания идеологической доктрины национального освобождения и формирования массовых политических организаций, выражающих эти устремления. В то же время Великобритания, столкнувшаяся в результате войны с определенными внутренними трудностями и ограниченными финансово-экономическими ресурсами, была вынуждена скорректировать форму и методы управления колониями в сторону их большей эффективности. Изменения в колониальной политике сопровождались столкновением различных политических линий и весьма сложными дискуссиями на различных уровнях и в различных сегментах британской общественно-политической системы.

Ключевые слова: Британская Индия, колониальная политика, административно-политическая реформа, национально-освободительное движение.

Government reform in India in the British political debate of the 1920s.

Abstract: The article analyzes some aspects of British colonial policy evolution in India in the 1920s. Denote after the First World War, the crisis prompted the British leadership to take certain steps to reform the traditional colonial mechanism. The political and administrative changes that took place in the interwar period in British India, to a large extent laid the foundation formed within the political system of the independent Indian state.

One of the important consequences of the First World War was a significant change in the old world order, as well as the formation of a fundamentally new features of world politics. Woodrow Wilson proclaimed the principle of national self-determination coupled with a general change in the balance of power in the international arena could not affect the status of the major colonial system and cause certain changes in relation to the colonies by the major European states. A typical example of systemic change have become the processes taking place in the largest colonial empire, created by the United Kingdom. They were limited mainly to the gradual strengthening of centrifugal tendencies that led, eventually, to the transformation of the British Empire in the British Commonwealth of Nations. In the case of "white" dominions, this evolution is quite fit into the outline of the liberal part of the British colonial ideology assumes empowering self-possession with a substantial part of the European population. Another was the policy in the case of most Asian and African colonies, where the population was considered a priori political and intellectual elite of the UK as a failure to the progressive development and independent political existence. In the first decades of XX in some colonies began the process of active folding of the ideological doctrine of national liberation and the formation of mass political organizations expressing these aspirations. At the same time, the United Kingdom, faced as a result of the war with certain internal difficulties and the limited financial and economic resources has been forced to adjust the form and control methods colonies towards their greater efficiency. Changes in the colonial policy followed by the clash of dif-

ferent political lines and very complex discussions at various levels and in various segments of the British social and political system.

Keywords: *British India, the colonial policy, administrative and political reform, the national liberation movement.*

Наиболее важным реформаторским проектом, инициированным Уайтхоллом в сфере колониального управления после завершения Первой мировой войны, явилась административно-политическая реформа в Индии, оформленная Биллем британского парламента в декабре 1919 г. Созданная в результате данной реформы административная конструкция получила наименование системы диархии. Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании в данный период отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции её колониальной политики. Он был связан с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима управления в ключевом колониальном владении.

Сменившему в апреле 1921 г. лорда Челмсфорда на посту вице-короля лорду Ридингу пришлось столкнуться с ростом организованного протеста, основой которого явилась объединившая различные социальные и конфессиональные группы индийского общества идея достижения самоуправления. Осознавая объективную неспособность противодействия данной тенденции исключительно с помощью репрессивных мер, он в 1921 г. предложил «рассмотреть возможность введения полной провинциальной автономии» [Muldoon A., 2009, 92]. Однако, данная инициатива, поддержанная госсекретарём Э. Монтэгю, встретила ожесточённую критику со стороны консервативной оппозиции. В редакционной статье близкого к Консервативной партии журнала «Спектэйтор» ... отмечалось: «Вызывает глубокое отвращение и разочарование тот факт, что правительство позволило [Э. Монтэгю – А.С.] заложить мину, которая может разрушить британскую власть в Индии» [Muldoon A., 2009, 92]. Осенью 1921 г. около ста представителей Консервативной партии в Палате общин призвали осудить госсекретаря «за преступления, совершённые в 1919-1921 гг. против белых людей, работающих в Индии» [Muldoon A., 2009, 92]. Оппозиционеры обвиняли его в приверженности устаревшим, по их мнению, «либеральным догмам» и даже связывали политику госсекретаря с его еврейским происхождением [Muldoon A., 2009, 93]. Комментируя подобные обвинения, Э. Монтэгю в письме Дж. Доусону отмечал: «Я хочу, чтобы дома Вы внесли ясность относительно всей сложности ситуации в Индии и возможности её добровольного сохранения в рамках Империи» [Muldoon A., 2009, 94].

На рубеже 1921-1922 гг. британская пресса, в особенности, близкие к консерваторам издания «Таймс», «Дэйли Ньюс» и «Дэйли Телеграф» развернули новую кампанию критики действий кабинета в Индии. Правительство при этом обвинялось в бездействии, «приведшем к тому, что ситуация оставлена фактически на откуп Ганди и экстремистам» [The Times. 1922, 9th January, 3]. Упоминались случаи неоднократных нападений на представителей британской администрации и европейцев в Ассаме, Объединённых провинциях и Пенджабе. Поводом для них послужили события, связанные с религиозным исламистским движением мопла, а также беспорядки, произошедшие в ноябре 1921 г. в Бомбее, в связи с визитом принца Уэльского [Daily Chronicle. 1922, 10th March, 13]. Как отмечалось в сообщениях, анархия, вызванная бездействием англо-индийских властей привела к гибели за два года не менее 10 тыс. чел. [James L., 2000, 61] В Парламенте сформировалась влиятельная группировка, в которую входили в основном консерваторы, выступавшая с требованием отставки госсекретаря по делам Индии. Политика Э. Монтэгю в этих условиях находила поддержку лишь среди части лейбористов, а также находившихся в оппозиции кабинету либералов, объединившихся вокруг бывшего премьер-министра Г. Асквита [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68, col. 114]. В одном из своих выступлений отстаивая необходимость ре-

форм в Индии, он подчёркивал: «Система управления, созданная в прошлом, ныне доказывает свою не эффективность. Если мы не готовы реконструировать, в свете современного опыта, старую и громоздкую административную машину, я искренне полагаю, что мы утрачим право управлять судьбами индийской Империи. Наша исполнительная система развалилась, потому что она не предназначена для сложных задач современного управления» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68, col. 115].

В начале февраля 1922 г. группа из 93-х членов Палаты общин от Консервативной партии направила премьер-министру письмо с требованием отставки Э. Монтэгю. «Мы, нижеподписавшиеся, - отмечалось в документе, - сошлись во мнении о том, что госсекретарь по делам Индии потерял доверие большего числа членов Палаты общин, и большинства граждан страны, и что его сохранение в должности будет крайне вредным для интересов как нашей страны, так и Индии, и думаем, что было бы очень желательно, чтобы он подал в отставку» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68, col. 5].

14 февраля вопрос о доверии Э. Монтэгю был вынесен на обсуждение Палаты общин. В своём выступлении госсекретарь попытался объяснить кризис, возникший в Индии, влиянием осуществляемой через Афганистан большевистской пропаганды, подчеркнув, что англо-индийская администрация предприняла максимум усилий для её нейтрализации [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68, col. 865]. Он назвал объективным рост политической активности в Индии и стремление индийцев к большей политической самостоятельности. Особую роль в дестабилизации политической обстановки в Индии, по мнению Монтэгю, сыграло халифатское движение индийских мусульман, появление которого он связывал с непродуманной политикой держав Антанты в отношении побеждённой Османской империи [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 865]. Важнейшим направлением британской политики он обозначил, в данной связи, поиск компромисса с мусульманской общиной, проживавшей в пределах британских владений, численность которой превышала 100 млн. человек и от политических настроений которой в немалой степени зависела стабильность колониальной системы Великобритании. Реализация данной задачи, по мнению Э. Монтэгю являлась основным условием реализации «ответственности за благосостояние индийского населения, возложенной на нас Небесами» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 867]. Дополнительным негативным фактором, влиявшим на политическую нестабильность, Э. Монтэгю обозначил существенное ухудшение социально-экономической обстановки в Индии, а также голод, возникший в ряде индийских провинций вследствие, в том числе, возросшего экспорта продовольствия [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 868].

Тем не менее, многие британские парламентарии не изменили изначальной критической позиции в отношении политики госсекретаря. «Сто лет назад, отмечалось в одном из выступлений, Макколей заявил, что Индия получит самоуправление, когда окажется готовой к этому. Нынешний госсекретарь решил, что показателем этой готовности является грамотность примерно двух с половиной процентов её населения... Порядка двух тысяч английских служащих и офицеров при этом подлежат увольнению» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 907]. Наряду с апеллированием к сложившейся в Индии политико-административной традиции, в политической дискуссии часто высказывалось мнение о необходимости выработки новой «философии, которая предоставит небольшой шанс Великобритании сохранить её индийскую Империю» в условиях возраставшей международной конкуренции [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 915]. Общее же ухудшение ситуации в Индии напрямую связывалось с личностью госсекретаря, а единственным способом её исправления объявлялось «исправление взглядов

правительства, которое не может быть достигнуто пока действующий госсекретарь остаётся в своей должности» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 975].

В конце февраля 1922 г. Э. Монтэгю в официальном ответе на запрос индийского Законодательного собрания вновь подчеркнул неизменность позиции британского руководства относительно перспектив конституционной реформы в Индии. По его мнению, анализ дальнейших шагов в данном направлении окажется возможным не ранее 1929 г., когда будут подведены итоги предыдущего этапа преобразований [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 151, col. 227-228].

Многих представителей британской администрации в Индии беспокоило возможное негативное воздействие начавшихся преобразований на общественно-политическую обстановку в различных индийских регионах, с учётом сложного этноконфессионального состава их населения. 9 марта 1922 г. Э. Монтэгю было получено специальное послание англо-индийского правительства, в котором выражалась серьёзная тревога относительно возможного негативного влияния событий в Турции на настроения многочисленной мусульманской общины в Индии. «Мы чувствуем необходимость, - отмечалось в документе, - прояснить правительству Его Величества настроения индийцев, связанные с необходимостью пересмотра Севрского договора. Правительство Индии и Индийская гражданская служба находятся в сложной ситуации, поскольку вынуждены принять во внимание вклад индийских мусульман в наши военные усилия, а также их единодушную политическую позицию. Их можно свести к трём ключевым позициям: во-первых, это эвакуация Константинополя, во-вторых – признание сюзеренитета султана над мусульманскими святынями в Мекке и Медине, и, в-третьих - возвращение под турецкий контроль зоны проливов, Андрианополя и Смирны. Выполнение всех трёх пунктов является абсолютно необходимым для сохранения политической стабильности в Индии [АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп.10, папка 25, дело 79, л.35].

В британской прессе отмечалась беспрецедентность данного документа для всей истории взаимоотношений Уайтхолла и англо-индийской администрации, поскольку характер выдвинутых в нём требований больше соответствовал специфике отношений метрополии и самоуправляющихся доминионов. Дипломатический корреспондент «Дейли Кроникл» подчёркивал, что данный демарш мог привести к «серьёзным трудностям для представителей Великобритании на предстоящей конференции по Ближнему Востоку» [Burke S. M., Quraishi S. A, 1995, 2]. По мнению представителей британской прессы, обозначенные в меморандуме требования «угрожают всей системе договоров по послевоенному устройству Британской империи, касаясь, в частности, планов по созданию арабских королевств в Ираке и Хиджазе, а также британского мандата на Палестину» [Burke S. M., Quraishi S. A, 1995, 2]. В редакционной статье «Таймс» меморандум англо-индийского правительства связывался, в основном, с резким обострением внутренней ситуацией в Индии на фоне объявленной М. Ганди кампании несотрудничества [Daily Herald. 1922. 13th March, 5]. В «Дейли Телеграф» документ был подвергнут критике, поскольку в нём «ставилась зависимость имперской политики от настроений индийских мусульман» [Darwin J., 2009, 6]. «Послание лорда Ридинга, - отмечалось в одной из публикаций, - нельзя воспринимать всерьёз, поскольку оно может лишь осложнить наше положение и воодушевить кемалистов, а перспективы мирного урегулирования на Востоке будут ещё более отсрочены... «Что же касается Индии, то порядок в ней может быть наведён только железной рукой» [Daily News. 1922. 18th March, 1]. 18 марта 1922 г. в интервью газете «Дэйли ньюс», влиятельный член Консервативной партии лорд Дерби, заявив о понимании мотивов меморандума, в то же время, выразил сомнение относительно

целесообразности участия представителей англо-индийского правительства в предстоящей конференции по пересмотру условий мирного договора с Турцией [АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп.10, папка 25, дело 79, л.110].

Правительственный кризис, вызванный оппозицией англо-индийского правительства действиям кабинета Д. Ллойд-Джорджа в Турции, подтолкнул министра по делам Индии к принятию окончательного решения об отставке, последовавшей 19 марта 1922 г. [АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп.10, папка 25, дело 79, л.122] Данное событие явилось одним из важных симптомов, обозначивших наличие серьёзного кризиса внутри коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа.

В конце июня 1922 г. в ходе очередной партийной конференции, прошедшей в Эдинбурге, представители подвергли критике политику правительства в Индии, а также характер реализации Акта 1919 г., который, по их мнению, «лишил их (т.е. индийцев – А.С.) надежды на свободу, существующую среди нас» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп.100, д.87, л.42]. В решениях конференции отмечалось, что предложенная британским руководством реформа не нашла поддержку у ключевой политической силы Индии – Индийского национального конгресса, «лишь 25 из 12 тысяч делегатов которого на последнем съезде высказались в поддержку Акта» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп.100, д.87, л.43]. В данной связи, в партийных документах отмечалась необходимость предоставления Индии «реального самоуправления, равного тому, каким в данный момент пользуются Канада и Австралия» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп.100, д.87, л.49].

С уходом Э. Монтэгю, акценты в политике англо-индийского правительства не претерпели существенных изменений. Политическая линия коалиционного правительства Д. Ллойд-Джорджа, как и сменивших его кабинетов Э. Б. Лоу, Р. Макдональда и С. Болдуина строилась на попытке сохранить сложившуюся по итогам реализации Акта 1919 г. модель диархии, дававшей индийцам некоторую степень самоуправления, но сохранявшую основы британского господства в Индии. Действия Уайтхолла в этом направлении были во многом аналогичны стратегии, которую британские власти ранее пытались применять в Ирландии. Она основывалась на противопоставлении «умеренной» и «радикальной» фракций местного политического движения, а также на сочетании репрессивной политики и ограниченных реформ. Этим объяснялось фактически одновременная реализация системы диархии и сохранение введённых в военный период законов Роулетта, предусматривавших судебное преследование за любые виды антибританских протестов или агитации.

Другим важным мотивом административных изменений явилось стремление сократить финансовые издержки, связанные с содержанием в Индии многочисленного британского чиновничьего аппарата. В феврале 1926 г. министерство по делам Индии обнародовало финансовый отчет, в котором подчёркивалось, что в период с 1919 по 1925 г. расходы ведомства на административные нужды сокращались в среднем на 37 тыс. ф.ст., а общая экономия составила 145 тыс. ф. ст.[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1926, vol. 192, col. 59-60]

Главным фактором сокращения бюджетных расходов являлась, постепенно осуществлявшаяся в рамках реализации Акта 1919 г. «индианизация» различных сфер и сегментов управленческой системы Британской Индии. Важную роль в её осуществлении играла созданная в начале 1920-х гг. специальная межведомственная структура, получившая по имени её главы наименование комиссии Ли [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1926, vol. 189, col.983-984]. Под её руководством подготавливались ежегодные рекомендации относительно замещения британских служащих индийцами в различных подразделениях Индийской гражданской службы, полиции, таможни, специальных ведомствах, связанных с

управлением медицинскими и образовательными учреждениями, телеграфами, охраной лесов, ведением сельскохозяйственных и инженерных работ и других структурах [Bridge C., 1986, 75].

В соответствии с данными, представленными руководством Индийской гражданской службы в январе 1925 г., за предыдущий год на конкурсной основе им было отобрано 36 чиновников, 21 из которых являлись европейцами и 15-индийцами. Конкурсный отбор среди претендентов проводился в два этапа, в январе и августе, и проходил в Алахабаде и Лондоне. Кроме того, определённое количество вакансий заполнялось индийцами на основании рекомендаций провинциальных правительств. В основе данной политики, как подчёркивалось в документе, лежали положения Акта 1919 г., в соответствии с которыми число индийских и британских служащих в структурах Индийской гражданской службы должно было сравняться в течение 15 лет [Burke S. M., Quraishi S. A., 1995, 185].

Политика постепенной «индианизации» административного аппарата сочеталась со стремлением сохранить общий контроль над ситуацией в Индии с активным использованием репрессивных механизмов, касавшихся, в частности, ограничения деятельности прессы. Так, в декабре 1922 г., под давлением британской администрации, Законодательные ассамблеи Пенджаба, Бенгалии и Мадраса приняли поправки в действующее законодательство, предусматривавшие возможность для дополнительных санкций против печатных СМИ, критикующих действия властей [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 3178-3179]. Одновременно был организован судебный процесс над членами сикхского движения Комитет «Гурудвара Прабандхак», обвинённых в участии в антибританских беспорядках в Пенджабе [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 2943]. Несмотря на решение М. Ганди завершить хартал, многие его активные участники продолжали находиться в заключение, что не позволяло наиболее влиятельной индийской партии – ИНК принимать полноценное участие в выборах в представительные органы власти [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 2258].

Процесс «индианизации» породил определённые коллизии, связанные, в том числе, и с профессиональным статусом и материальным обеспечением британских чиновников, получившие довольно широкий общественный и политический резонанс [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 150, col. 2292]. Немалая часть британских политиков полагала, что политика «индианизации» приводит лишь к дестабилизации административной системы, и напрямую увязывала с ней общее осложнение обстановки в Индии. В материалах, обнародованных в ноябре 1922 г. членом парламентского комитета лордом Сайденхемом отмечалось, что на фоне увеличения количества беспорядков, достигшего за год в различных индийских провинциях от 10 до 50%, произошло резкое снижение эффективности деятельности правоохранительных структур. Подчёркивая сложность сложившегося положения, он отмечал: «В пенджабской полиции [в результате проведения реформы – А.С.] из двадцати девяти районов в четырнадцать не осталось ни одного английского служащего, что не может ни сказаться на моральном состоянии и уровне дисциплины службы в целом. В Мултане, где проживает значительное число фанатично настроенных мусульман, полностью отсутствуют английские полицейские чиновники, и имеется лишь пятнадцать английских судей» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1922, vol. 52, col. 72]. Одной из проблем административной политики, по мнению Сайденхема, стало привлечение на работу в Индийскую гражданскую службу молодых образованных британцев, чей опыт и энергия, по его мнению, являлись непременным условием дальнейшего продвижения Индии

по пути развития институтов самоуправления[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1922, vol. 52, col. 81].

Система взаимодействия существовавших ранее органов британской администрации и новых, формировавшихся в процессе реформы, институтов индийской представительной власти складывалась достаточно сложно и противоречиво. Практически все ведущие индийские политические силы, несмотря на различия в их политических программах, были настроены в пользу скорейшего достижения полного самоуправления. В этих условиях трения внутри реформируемой системы англо-индийского управления являлись достаточно частым явлением. Уже в сентябре 1922 г. большинством голосов Законодательное Собрание заявило о недоверии действующему правительству. Примечательным, в данной связи, явился факт солидарного голосования представителей индуистской, мусульманской, сикхской и некоторых других конфессиональных групп, что продемонстрировало очевидную ограниченность британской администрации в возможности использования традиционных методов игры на противоречиях между крупными этническими и религиозными сегментами индийского социума[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1922, vol. 52, col. 81].

Снижение эффективности деятельности Индийской государственной службы являлось одним из главных аргументов критиков осуществляемой политико-административной реформы. В августе 1922 г. был опубликован отчет специальной комиссии во главе с лордом Ислингтоном, в котором отмечалась очевидная тенденция к ухудшению материального положения сотрудников Индийской Гражданской службы, начиная с 1914 г. На фоне роста цен за данный период по разным категориям товаров в пределах 60-90 процентов, заработная плата чиновников англо-индийской администрации была увеличена лишь на 8 процентов, что было минимальным показателем среди всех британских управленческих структур. В данной связи, высказывали традиционные для британской политической элиты опасения относительно способности индийцев принять и эффективно реализовывать ту часть административных функций, которая полагалась им в соответствии с проектом реформы Челмсфорда - Монтэгу. Предполагалось, что к 1929 г. доля индийцев в Индийской Гражданской службе должна была быть увеличена до 48 %, в других сферах управления она также должна была составить не менее половины [Elliot W. Y., 1932, 132].

Процесс «индианизации» в различных сферах управления отличался определённой спецификой и осуществлялся различными темпами. Уже к 1922 г. в структурах образования доля индийских служащих составляла 38 %, в то время как в сфере управления сельским хозяйством она не превышала 25 % [16, 100]. Такое различие объяснялось, в первую очередь, сложностями в подготовке индийских специалистов различных профилей. Вопросы, связанные с переходом отдельных административных функций от британских к индийским чиновникам, продолжали оставаться предметом напряжённых дискуссий между правительством вице-короля и индийскими представительными органами на протяжении всего периода реализации реформы [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 198, col. 2799]. Тем не менее, к 1925 г. предусмотренный Актом принцип «50 на 50» при назначении британцев и индийцев на административные должности был в целом достигнут[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1922, vol. 198, col.800]. Одной из важных проблем оставалось и поддержание баланса при назначениях между представителями мусульманской и индуистской общин.

Незадолго до своей отставки в октябре 1922 г. в одном из интервью Д. Ллойд-Джордж попытался ещё раз дезавуировать обвинения в слабости и непоследовательности политики своего кабинета в Индии. «Великобритания, - подчеркнул он, не может ни при каких обстоятельствах отказаться от своей власти в Индии. Данный шаг стал бы величайшим предатель-

ством в истории нашей страны и отказом от величайшего долга, предназначенного нашей стране её великой судьбой»[Adams J. T., 1940, 349]. Основой стабильности в Индии Д. Ллойд-Джордж назвал сохранение традиции администрации, служащих которой он назвал «стальной конструкцией», обеспечивающей эффективность британского правления[Adams J. T., 1940, 349].

С приходом к власти в ноябре 1924 г. консервативного кабинета С. Болдуина, пост государственного секретаря по делам Индии занял лорд Биркенхед, а его заместителем стал один из видных членов Консервативной партии лорд Уинтертон, активно участвовавший в подготовке реформы Челмсфорда-Монтэгю. Несмотря на существовавшие внутри партии различия в оценках проводимой реформы, серьёзных коррективов в политике Уайтхолла в отношении крупнейшего колониального владения не последовало. Основным её содержанием явилось стремление за определённым фасадом индийского самоуправления сохранить ключевые рычаги управления в руках британской администрации. Одним из важных методов в реализации данного курса стало использование разногласий между индуистским и мусульманским сегментами индийского политического движения. Формирование и активное развитие массового национально-освободительного движения в Британской Индии, несмотря на успехи, достигнутые М.Ганди, достаточно быстро выявили принципиальное различие между политическими силами, представлявшими две крупнейшие фракции индийского населения, в видении его перспектив и конечных целей. Новые политические противоречия накладывались на традиционную взаимную неприязнь представителей двух конфессий. Рост антиколониального движения, в итоге, своей побочной стороной имел постепенное обострение конфессиональных противоречий, наблюдавшееся на протяжении всех межвоенных лет и нередко принимавшее форму вооружённых столкновений.

Рост индуистско-мусульманской напряжённости, в определённой степени выгодный колониальным властям, требовал, тем не менее, принятия определённых административно-политических мер. В соответствии с отчётом, представленным в ноябре 1926 г. лордом Уинтертоном, англо-индийское руководство дважды, в октябре 1924 г и в июне 1926 г. через провинциальные правительства инициировало заключение соглашений между представителями общин предполагавших моральное осуждение межрелигиозной ненависти и нетерпимости. По словам заместителя государственного секретаря, важнейшая роль в реализации мер по преодолению вражды между двумя конфессиями, отводилась методам «моральных действий», хотя, с другой стороны, «исполнительная власть была полностью вооружена специальными полномочиями для наведения порядка»[Great Britain. Parliamentary Debates, House of Commons, 1926, vol. 200, col. 1209]. Уинтертон, в данной связи, упомянул о закрытии в Калькутте нескольких печатных изданий, «осуществлявших радикальную религиозную агитацию» [Great Britain. Parliamentary Debates, House of Commons, 1926, vol. 200, col. 1233]. В то же время им, от имени вице-короля, была озвучена идея проведения конференции с целью налаживания диалога между представителями двух конфессий[Great Britain. Parliamentary Debates, House of Commons, 1926, vol. 200, col. 1233].

В середине 1920-х гг. политическая ситуация в Индии несколько стабилизировалась. Основной причиной этого стало улучшение социально-экономического положения, связанное с преодолением кризиса рубежа 1910-1920-х гг. и возобновившийся рост сельскохозяйственного и промышленного производства. На этом фоне постепенно ослабевала экономическая зависимость Индии от метрополии. По данным официальной статистики, доля Великобритании в индийском импорте в 1926-1927 гг. сократилась с 51 до 48%[Morris J., 1978, 208]. В целях снижения социальной напряжённости, при активном участии индийских представителей велась работа по созданию механизмов урегулирования трудовых споров. В 1922-1924

гг. Индийским законодательным Советом был принят ряд законов, регулирующих трудовые отношения. Был, в частности, повышен возраст приёма на работу на предприятия и шахты с 9 до 12-13 лет [Darwin J., 1991, 61]. В соответствии с данными официальной статистики в Бомбее, где была сосредоточена значительная часть индийской промышленной базы, реальная заработная плата на предприятиях в период с 1914 по 1927 г. выросла на 21% [Darwin J., 1991, 74].

В июле 1923 г. лорд Пиль передал премьер-министру С. Болдуину письмо лорда Ридинга, в котором тот в очередной раз сетовал на непонимание в метрополии всех трудностей с которыми сталкивается британская администрация в Индии [Darwin J., 1991, 74]. В «Дейли Кроникл» от 3 апреля 1926 г. помещалось заявление уходящего в отставку вице-короля лорда Ридинга. В нём особенно отмечалось, что британский суверенитет в Индии «не может быть никоим образом поставлен под сомнение». «Верховенство английской власти основано не на отдельных договорах или соглашениях, а существуют независимо от них» [АВП РФ. Ф. 69, оп. 19, папка 60, дело 58, л. 8].

Против уступок «индийским националистам» продолжала выступать весьма активная группа «романтических империалистов», типичным представителем которой являлся У. Черчилль. В ноябре 1924 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед писал вице-королю лорду Ридингу: «кабинет, как я полагаю, находится под влиянием определённой реакции от реформ Монтэгю... Можно говорить если не о слабости, то, по крайней мере, об определённом смятении, наступившем вследствие войны в Индии, Ирландии и Египте» [Porter B., 1984, 283].

В 1924-1928 гг. ситуация в Индии несколько стабилизировалась. В тот же период наметился очевидный раскол между ИНК и Мусульманской Лигой, что давало представителям британской политической элиты мощный аргумент в пользу того, что индийцы не способны к самоуправлению. Арест Ганди и репрессии в отношении участников компании ненасильственного сопротивления вызывали критику со стороны немалой части сторонников Лейбористской партии.

Основным содержанием риторики официальных британских кругов в отношении Индии продолжал оставаться тезис о постепенном её продвижении к полному политическому самоуправлению. Приверженность обозначенной в Акте об управлении Индией, идеи продвижения индийских владений к статусу доминиона, была зафиксирована в решениях Имперской конференции 1926 г. В мае 1927 г. С. Болдуин в очередной раз подчеркнул, что главной задачей его кабинета в Индии является её скорейшее продвижение к «системе ответственного правительства» [Daily Express. 1920. 19th May, 3].

В рамках административной реформы весной 1927 г. англо-индийское правительство инициировало обсуждение проектов разделения административных и судебных функций, в котором участвовал ряд провинциальных правительств [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 203, col. 1614]. При этом британские власти в очередной раз подчёркивали своё стремление к расширению сферы местного самоуправления и дальнейшей децентрализации административной системы в целом. «Одновременно с постепенным развитием институтов самоуправления в провинциях Индии, - отмечалось в документе, - местные правительства будут получать большую степень самостоятельности за счёт разгрузки центральных органов управления» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 203, col. 1615].

Несмотря на обозначенные цели, британские власти довольно долго воздерживались от конкретизации сроков их выполнения и конкретных направлений реализации. Представителями кабинета неоднократно подчёркивалась принципиальная разница в условиях перехо-

да к системе самоуправления в Индии и владениях с преимущественно европейским населением. В британских политических кругах на тот момент существовала убежденность в том, что внутренняя нестабильность и внешние угрозы являются главным препятствием на пути продвижения Индии к самостоятельному политическому статусу. Лорд Сайденхем, активно участвовавший в разработке проекта реформы, в ходе одного из публичных выступлений, заявил, что, по его мнению «внутренняя и внешняя опасность для Британской Индии никогда не была столь угрожающей как в данный момент» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 207, col. 613]. К числу внешних угроз лорд Сайденхем отнёс, в первую очередь, распространение влияния большевиков и турецких националистов в Афганистане, свидетельством чему стали, в частности, события третьей англо-афганской войны 1919 г. [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 207, col. 619] Боевые действия на границе с афганским государством потребовали увеличения численности британских войск в этом регионе со 120 до 200 тыс. чел. Всего же, с учётом воинских частей, находившихся в других регионах крупнейшей британской колонии, численность войск в Индии превысила 300 тыс. чел. Содержание столь многочисленного военного контингента в корне расходилась с планами британского правительства по демобилизации и сокращению военных расходов [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 207, col. 622]. Внутренние опасности лорд Сайденхем связывал, в первую очередь, с деятельностью М. Ганди, который смог «ловко пробудить чувство ненависти среди необразованных фанатичных масс», а также «мусульманских экстремистов, являющихся ещё более опасными, чем господин Ганди». Восстания, произошедшие среди мусульман в Бенгалии, Бомбейском президентстве и некоторых других регионах он напрямую связал с проникновением в Индию большевистских идей [АВП РФ. Ф.69, оп. 14, папка 47, л.8].

Внутренние беспорядки и угрозы извне стали одним из главных аргументов сторонников жёсткой линии, настаивавших на незыблемости основ британского правления в Индии. «Представляется чрезвычайно маловероятным, - отмечалось в одной из публикаций, - чтобы демократическое правительство, сформированное по западной модели и опирающееся на незначительное меньшинство образованного населения, оказалось бы способным эффективно управлять Индией. Она, в этой ситуации, оказалась бы легко доступной для внешних вторжений и завоеваний. В данной связи, принципиально важными являются усилия Парламента и Правительства Его Величества по укреплению обороны и сохранению внутренней стабильности в Индии...» [The Times. 1927. 15th June, 5] Особое внимание в военной стратегии уделялось развитию ВВС и насыщению англо-индийских войск бронетехникой [39, 5]. В то же время, в публикации признавалось, что рост военных расходов ложиться тяжёлым бременем на финансово-экономическую систему, что вызывает недовольство в обществе порождает определённые расхождения в позиции гражданских властей и представителей военного командования в Индии [The Times. 1927. 15th June, 5]. Многие из гражданских советников вице-короля высказывались в пользу скорейшего сокращения военных расходов с целью сбалансирования индийского бюджета. Активные дискуссии относительно основных направлений военного строительства в Индии в данный период происходили в рамках различных правительственных структур, но наиболее важное место они занимали в деятельности Комитета Имперской обороны [Darwin J., 2009, 94].

Дестабилизация обстановки в различных регионах Индии вызывала беспокойство и среди немногочисленной, но весьма влиятельной европейской общины в Индии. Совет Европейской Ассоциации в Калькутте неоднократно выступал с официальными обращениями к генерал-губернатору Бенгалии, в котором особо подчёркивалось, что среди проживающих здесь европейцев широко распространились «различные страхи и чувство небезопасности»

[The Concept of Empire, 1962, 32], в связи с чем они ожидают от правительства Бенгалии решительных мер по восстановлению серьёзно нарушенной законности и правопорядка» [The Concept of Empire, 1962, 32]. Среди них на первом плане отмечалась необходимость пресечения агитационной активности сторонников М. Ганди, стремившихся расширить масштаб протестных действий в Читтагонге и других городах провинции, деятельность которых «ставит под сомнение успех начатых реформ» [The Concept of Empire, 1962, 37].

В британских политических кругах и прессе события в Индии напрямую увязывались с общими кризисными тенденциями, наметившимися в Британской империи. В ходе одного из парламентских слушаний, посвященных ситуации в Индии, отмечалось, в частности, что «в различных частях Индии растут преступность и коррупция, оживает необузданный фанатизм, подобно тому как это происходило в Ирландии, в Египте и Палестине, где агрессивные меньшинства осуществляют нападки на Британскую империю» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 203, col. 1623]. В связи с этим внедрение системы диархии многими британскими политиками расценивалась как шаг, способствующий росту неэффективности и коррупции административного аппарата. Возросшая политическая активность в Индии первоначально ассоциировалась ими исключительно с «ограниченным слоем интеллигенции», оторванным от остальной массы населения, «95% которого продолжают прибывать на уровне образованности, существовавшем ещё в эпоху средневековья» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 203, col. 1635]. Тем не менее, постепенно в британских политических кругах формировалось понимание масштабов национально-освободительного движения, возглавленного М. Ганди. В одном из официальных отчётов, представленных в парламенте комитетом Сайденхема, отмечалось, что Ганди «смог найти методы, побудившие к политической активности миллионы доверчивых и неграмотных простолюдинов» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 203, col. 1659].

В данной связи, в британских политических и интеллектуальных кругах продолжалась активная дискуссия, касавшаяся перспектив развития системы индийского самоуправления в контексте общей проблемы совместимости западных политических институтов и традиционных основ восточного социума. В ходе одного из парламентских слушаний лорд Лэндсдаун выразил достаточно типичную для консервативных британских кругов оценку событий, происходящих в крупнейшей колонии: «Я отношусь с глубоким недоверием к идее механического применения западного демократического опыта к пёстрой мозаике восточных народов, практически не имевших опыта развития институтов городского и местного самоуправления. Преждевременная реализация либеральных идей, в данной связи может привести лишь к параличу административной системы и безвозвратной потере бесценного опыта, накопленного за длительный период Индийской Гражданской службой» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68, col. 950].

В одном из интервью, лорд Уинтертон подробно анализируя ситуацию, связанную с реформами в Индии, в очередной раз указал на объективные трудности, мешавшие, по его мнению, расширению системы индийского самоуправления. Главной из них по-прежнему обозначался низкий уровень грамотности и образованности индийского населения, который «позволяет эффективно пользоваться своим правом голоса в лучшем случае лишь двум миллионам из трёхсотмиллионного индийского населения» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68, col. 954]. Отмечая значимость реформ, осуществлённых в Индии после 1919 г., лорд Уинтертон ещё раз подчеркнул наличие объективных трудностей, связанных со сложным составом индийского населения. Зам госсекретаря выделил в его структуре, по крайней мере, пять крупных конфессиональных сегментов – «индуисты,

небрахманские индуисты, мусульмане, сикхи, христиане», а также большое количество мелких кастовых групп. В связи со сложной обстановкой, лорд Уинтертон указывал на опасность бойкота деятельности комиссии со стороны мусульман и «неприкасаемых» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68, col. 954].

В целях преодоления существовавших разногласий между различными индийскими общинами было предложено создать специальный комитет Индийского Законодательного собрания. Данный проект, вписывавшийся в концепцию дальнейшей либерализации индийской политической системы, получил поддержку и у парламентской оппозиции, представленной, главным образом лейбористами. Лидер Лейбористской партии Р. Макдональд выразил надежду на то, что «итоги деятельности комиссии послужат важным основанием для гордости за работу, выполненную англичанами в Индии» [Williamson Ph., 1992, 233], отметив при этом, что её задачи полностью соответствуют программным установкам лейбористов. В программе, принятой на партийной конференции в Ливерпуле обозначалось видение будущего Индии как «самоуправляемой составной части Британской империи..., чего можно достигнуть только путём реализации положений Акта 1919 г.» [Ashworth L. M, 2007, 205]. В ходе парламентских дебатов, он неоднократно подчёркивал, что лейбористы полностью поддерживают право индийских народов на политическое самоопределение. «Я хотел бы пойти ещё дальше, - отмечал Р. Макдональд, - и заявить, что мы должны признать не только право индийского народа на самоуправление...» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 207, col. 1369]. В тоже время он выражал надежду на то, что «индийцы... пожелают остаться в качестве равноправных членов в составе Британского Содружества..., но у нас нет ни малейшего морального или демократического права отказать им в полной свободе самоопределения» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 207, col. 1372]. Важнейшей задачей деятельности англо-индийского правительства он обозначил «содействие в продвижении Индии в кратчайшие сроки к самоуправлению путём налаживания тесного сотрудничества с индийским народом» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 207, col. 1376]. В случае отсутствия этого «духа искренности», британское правление будет лишено смысла и превратиться по мысли Р. Макдональда, «в пустую трату времени» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 207, col. 1384].

Стратегия Лейбористской партии в отношении Индии строилась на понимании объективной необходимости изменения её статуса. При этом стремление к осуществлению реформ и развитию институтов самоуправления, по мнению большинства лейбористов, должно было сочетаться с поиском оптимальных путей сохранения Индии в составе Британского Содружества [Labour Party. The Colonial Empire, 1926, 121].

Сходных позиций придерживалось и большинство представителей Консервативной партии. Один из наиболее известных её представителей лорд Уинтертон, отмечал, что идея «доверительного управления индийцами являлась основой [британского правления – А. С.] со времён королевы Виктории... Исходя из этого, мы должны перестать относиться к индийцам как к обучаемым нами детям, и признать их равное право определять будущее своей страны» [The Concept of Empire, 1962, 212]. Осуществление успешных политических реформ в Индии представляло, по словам заместителя госсекретаря, «уникальную возможность доказать, что мы великая Императорская раса, которая дала свободу и самоуправление во всем мире» [The Concept of Empire, 1962, 212].

В мае 1927 г. премьер-министр С. Болдуин ещё раз обозначил стратегические цели британской политики в Индии: «Около десяти лет назад, было объявлено, что целью нашей политики в Индии является постепенный переход к системе ответственного управления в

Британской Индии как составной части империи. С того момента были сделаны большие шаги к достижению этой цели. Во всех совместных мероприятиях Британского Содружества Наций Индия в настоящее время играет свою значимую и возрастающую роль, и через некоторое время мы можем ожидать окончательного формирования равных отношений с ними, подобных тем, которые складываются с самостоятельными доминионами»[Evening Standard. 1927. 13th May, 3]. При этом, однако, делалась традиционная для британской политической элиты оговорка, которая оставляла для колониальных властей широкое поле для маневра: «Конечно, никто не предполагает, что это может быть сделано одномоментно. Для осуществления данных изменений должно пройти достаточное количество времени, и их реализация возможна лишь с согласия и одобрения британского правительства и парламента»[Evening Standard. 1927. 13th May, 3].

Подобные же противоречия нашли своё отражение и в королевском послании к Индийскому законодательному собранию. «На протяжении многих лет, - отмечалось в документе, - возможно, в течение нескольких поколений, патриотически настроенные индийцы мечтали о самоуправлении для своей родины. Сегодня мы можем с полным основанием утверждать о начале перехода к реальному самоуправлению внутри Индийской империи, и созданы самые широкие возможности для продвижения к свободам, которыми пользуются другие мои доминионы»[Mansergh N., 2013, 95]. В данной связи, от имен короля-императора была выражена принципиальная поддержка политики вице-короля, направленной на то, чтобы «через определенное время Индия могла превратиться в неотъемлемую часть нашей империи в качестве равноправного партнерства с другими нашими доминионами» [Mansergh N., 2013, 95].

Несмотря на определённую внутреннюю противоречивость, политика британского руководства в Индии в 1920-е гг., являясь отражением нараставших внутри имперского механизма трудностей и противоречий, свидетельствовала о формировании принципиально нового вектора в дальнейшей эволюции его колониальной стратегии. Он был связан с постепенной, непоследовательной, и, в немалой степени, вынужденной либерализацией политико-административного режима в ряде колониальных владений. Данная тенденция, получила дополнительный импульс к развитию в результате Великой депрессии, потрясшей в начале 1930-х гг. основы социально-экономической стабильности Великобритании и её обширной колониальной империи.

Библиографический список

1. АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп.10, папка 25, дело 79.
2. АВП РФ. Ф.69, оп. 14, папка 47.
3. АВП РФ. Ф. 69, оп. 19, папка 60, дело 58.
4. РГАСПИ. Ф. 495. Оп.100, д.87.
5. Adams J. T. Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784-1939. N.Y. - L. 1940.
6. Ashworth L. M. International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making from 1918-1945. N.Y., 2007.
7. Bridge C. Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution. N. Y., 1986.
8. Burke S. M., Quraishi S. A. The British Raj in India. Oxford, 1995.
9. Daily Chronicle. 1922. 10th March.
10. Daily Express. 1920. 19th May.
11. Daily Herald. 1922. 13th March.
12. Daily News. 1922. 18th March.
13. Daily Telegraph. 1922. 9th January.
14. Darwin J. The End of British Empire: The Historical Debate. Oxford, 1991.
15. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830-1970. N.Y., 2009.
16. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta, 2012.

17. Elliot W. Y. The New British Empire. N. Y. -L., 1932
18. Evening Standard. 1927. 13th May.
19. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1922), vol. 52.
20. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 68.
21. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 150.
22. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151.
23. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 159.
24. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 189.
25. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 192.
26. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 198.
27. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 200.
28. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 203.
29. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 207.
30. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 208.
31. James L. The Rise and Fall of British Empire. L. 2000.
32. Labour Party. The Colonial Empire. London: Trade Union Congress and the Labour Party, 1926.
33. Mansergh N. Constitutional relations between Britain and India. L., 2013.
34. Morris J. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978.
35. Muldoon A. Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act: Last Act of the Raj. L., 2009.
36. Porter B. The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983. L., 1984.
37. The Concept of Empire, 1774-1947. Oxford, L., 1962.
38. The Times. 1922. 9th January.
39. The Times. 1927. 15th June.
40. Trevelyan H. The Indian We Left. L., 1972.
41. Westminster Gazette. 1922. 10th March.
42. Williamson Ph. National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926-1932. N.Y, 1992.

Сведения об авторе:

Сажимбаев Алексей Викторович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex.ru

УДК 94.99(44)"1794/1795"

А.И. Самсаров

ДЕМОНТАЖ СИСТЕМЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В 1794-1795 ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается проблема ликвидации режима революционного правительства II года республики, низложенного девятого термидора (27 июля) 1794г. Показаны реформы новой власти в политической, экономической и духовной сферах. Особое внимание уделено падению диктатуры Комитета общественного спасения и Революционного трибунала. Рассмотрены изменения в органах революционной демократии - народных обществах и Якобинском клубе.

Ключевые слова: Комитет общественного спасения, комиссары, Революционный трибунал, Якобинский клуб, Камбон.

A.I. Samsarov. Dismantling the system of the revolutionary government in France in 1794-1795.

Abstract: The article deals with the problem of liquidation of the regime of the revolutionary government of the II year of the republic, overthrown by the ninth Thermidor (July 27) 1794. Reforms of the new government in the political, economic and spiritual spheres are shown. Particular attention is paid to the fall of the dictatorship of the Committee of Public Salvation and the Revolutionary Tribunal. Considered changes in the bodies of revolutionary democracy - popular societies and the Jacobin Club.

Keywords: Public Rescue Committee, commissioners, Revolutionary Tribunal, Jacobin Club, Cambon.

В результате заговора 9 термидора во Франции наступил новый этап революции – термидорианский. В отличие от 14 июля, 10 августа и 2 июня это был относительно мирный вариант смены власти. Крупные народные восстания уходят в прошлое, и революция начинает идти по нисходящей линии. Как позже скажет Буасси д'Англа: «День 9 термидора не был победой какой-либо партии, это была заря великой и благотворной революции. К Конвенту вернулась его энергия, чувство собственного достоинства» [2, с.13]. Термидорианский период можно считать переходным периодом. На протяжении почти полутора лет (27 июля 1794 г. – 26 октября 1795 г.) продолжали функционировать основные институты революционного правительства в измененном виде. Стремясь избежать повторения личной диктатуры, законодатели были вынуждены приступить к демонтажу основ системы революционного правления, оставив при этом ее основные органы – Конвент и правительственные комитеты. Таким образом, удалось осуществить переход от революционной формы правления к конституционной.

Первой сферой, которой коснулись изменения, по традиции стала политическая. Главная цель законодателей, как уже было выше сказано, сводилась к недопущению личной диктатуры, равно как и превосходства одного коллегиального органа над другими. Поэтому не удивительно, что уже 11 термидора (29 июля) в Конвенте развернулась оживленная дискуссия по вопросу обновления Комитета общественного спасения. Дюбуа-Крансе предложил ежемесячно обновлять его на четверть (3 члена). Камбон выдвинул более радикальный проект о замене всех нынешних комитетов Конвента с 21 до 12, по числу исполнительных комиссий. При этом комитеты должны были курироваться Комитетом общественного спасения. Таким образом, главный финансист Республики высказывался за сохранение руководящей роли правительственного комитета. Это предложение решено было отложить для дальнейшего обсуждения. Проект Дюбуа-Крансе было декретирован с дополнениями Дельмаса, предложившего повторное избрание членов не ранее чем через три месяца со дня выбывания [3, с.280]. Тем временем 31 июля 1794 г. в Комитете общественного спасения впервые с сентября прошлого года обновился состав. Учитывая, что Эро д, Сешель, Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст были гильотинированы, а Жан Бон Сент-Андре и Приер (из Марны) находились в

миссии, было принято решение ввести сразу шесть членов. Конвент проголосовал за Лалуа, Эшессерио, Бреара, Тюрио, Трейлара и Тальена. Так было положено начало третьему этапу комитета – термидорианскому.

1 августа с докладом по проекту Камбона выступил Барер. Оратор поддержал главную мысль автора. «Комитет общественного спасения, - говорил оратор, - должен быть объединяющим центром всей деятельности...» [3, с.280]. В тоже время депутат отметил большую загруженность комитета, в связи, с чем предполагалось лишить последний законодательной власти. Разразившиеся прения не выявили согласия. Большинство Конвента не хотело верховенства Комитета общественного спасения, поэтому вотировали отсрочку. Только 24 августа был принят декрет о правительственных комитетах. Согласно ему вместо 21 комитета Конвента оставалось только 16. Комитет общественного спасения сохранялся под тем же именем (были предложения переименовать в Центральный комитет революционного правительства) и в том же количественном составе (12ч.). Но при этом существенно урезались его полномочия. Отныне децемвиры могли заниматься только военными и дипломатическими делами (Ст. 1). Уменьшился и объем секретного фонда – 10 млн. (ст.2). Зато возросли полномочия Комитета общественной безопасности. Его численный состав возрос до 16 членов. Под контроль последнего переходила вся полиция Франции, включая право назначения полицейских комиссаров (последнее с 14 марта 1795 г). Только этот правительственный комитет мог издавать приказы об аресте и освобождения из тюрем. Мало того при необходимости для поддержания правопорядка ему вменялось право применения вооруженных сил. А вот финансирование на секретные расходы было на порядок ниже – 300 тыс. (ст.3-6) [3, с.282-284]. Наряду с правительственными комитетами появляется еще один влиятельный комитет – Законодательный. Он состоял из 16 членов и занимался юстицией, наблюдением за гражданской администрацией и судами. Изменилось положение исполнительных комиссий. Теперь они более не подчинялись Комитету общественного спасения, а предоставляли всем комитетам необходимые сведения (ст.24).

Таким образом, диктатура Комитета общественного спасения закончилась. Большинство его полномочий перешло к комитетам Общественной безопасности и Законодательному, составившим вместе с первым, по сути, триединое правительство [6, с.22]. 1 сентября была произведена первая ротация кадров среди децемвиров. Из его состава вышли Барер, Бийо Варенн и Колло. Так шаг за шагом Конвент перестраивал этот некогда могущественный орган власти. Последний член «Великого» комитета Карно окончательно покинул его состав 5 марта 1795г. Изменение в правительстве Республики вначале не коснулись общей системы управления. Она продолжала действовать согласно декрету 4 декабря (14 фримера), то есть через власти дистриктов и национальных агентов. Только 17 апреля 1795 г. соответствующим декретом были восстановлены полномочия департаментов и муниципалитетов по состоянию на 31 мая 1793 г [3, с.304]. Была восстановлена должность прокурора-синдика. Однако окончательно «временная конституция» Робеспьера перестала существовать только с момента прекращения полномочий самого революционного правительства. А до тех пор в стране сохранялась компетенция властей дистриктов, наблюдавших за действиями департаментов.

Обновленное правительство нуждалось в поддержке своего авторитета в департаментах не меньше чем до 9 термидора. Поэтому были сохранены институт комиссаров и революционные комитеты как надежная и проверенная временем система. Действительно, как уже было изложено выше, представители народа в миссиях прошли долгую эволюцию в своем развитии. К термидору 1794г. этот элемент революционного правительства фактически находился в упадке потому, что уже не вписывался в систему тотальной централизации Ро-

беспьера. Большинство миссий, за исключением армейских, было свернуто с последующим отзывом комиссаров. Термидорианцы также с недоверием относились к огромным полномочиям оставшихся проконсулов. 13 августа 1794г. Конвент издал декрет, ограничивающий срок миссии шестью месяцами при армии и тремя в департаментах. После этого большинство оставшихся представителей народа были вынуждены вернуться. Вслед за принятием декрета о правительственных комитетах право отправлять депутатов перешло к Конвенту, который не замедлил этим воспользоваться. 29 августа принимается декрет об отзыве всех комиссаров исполнительной власти. Отныне комиссары остались только при армиях Республики. Сохранению последних способствовала продолжавшаяся война с коалицией. Более того даже полномочия военных комиссаров остались без изменений. Только 7 мая 1795г., то есть почти через год после падения якобинской диктатуры, компетенция комиссаров была несколько ограничена в области утверждения военного командования [10, Р. 747-748]. В исключительных случаях депутатов всё-таки отправляли в департаменты. Наиболее известны миссии Кадруа, Шамбона, Марьета и другие [7, с.621].

Таким образом, можно сказать, что этот элемент революционного правительства подвергся наименьшим изменениям и тем самым его статус остался неизменным и столь же значимым, как и во времена монтаньяров.

Один из символов террора – революционные комитеты также не был упразднен. Власти отлично понимали, что при их помощи можно контролировать местную администрацию. Но, все же идя навстречу пожеланиям общества, еще испытывавшему «дух» террора, была произведена реорганизация комитетов. Декрет об этом вышел 24 августа 1794г., вместе с изменением в правительственных комитетах. Влияние комитетов снижалось резким уменьшением их численности. Ревкомы оставались только в населенных пунктах с численностью населения от 8 тыс. человек (ст. 2). В Париже производилось объединение четырех секций в один округ, который должен был иметь только один революционный комитет (ст.7). Таким образом, число последних сократилось сразу в четыре раза, с 48 до 12. Каждый комитет подвергался ежемесячной ротации своих членов в размере одной четверти. Вместе с тем все ревкомы продолжали подчиняться Комитету общественной безопасности, последний также утверждал их состав. Основным родом деятельности революционных комитетов становится поддержание правопорядка и помощь полиции, путем ареста подозрительных лиц. Все приказы об арестах в течение суток отправлялись в Комитет общественной безопасности [3, с.306]. В результате по всей Франции осталось всего несколько сотен ревкомов, больше похожих на помощников полиции, нежели на первое звено террора. 1795 год стал для них последним. 19 февраля Конвент посчитал даже такое количество комитетов завышенным и декретировал, что отныне минимальная численность населения в городах и коммунах, где располагаются ревкомы, должна составлять не менее 50 тыс. человек. А 12 июня новый декрет запретил именовать установленные власти революционными, в связи с чем, революционные комитеты стали опять наблюдательными. В таком виде они оставались до завершения деятельности Национального конвента[3,с.290-294].

Еще одной проблемой требовавшей срочного решения являлся террор. Термидорианское правительство практически сразу приступило к ликвидации этого наследия прошлого режима. Первым делом 1 августа 1794 г., по предложению Лекуантра, Конвент аннулирует декрет 22 прериаля [3, с.306]. И только через десять дней был принят декрет о реформировании Революционного трибунала. Теперь в его компетенцию входили только дела о контрреволюции. Все остальные, в том числе безопасность государства, отходили к уголовному делопроизводству. Число судей осталось прежним, последние выбирались по представлению депутатов на территории всей страны. Причем судьи и присяжные должны были обновляться

каждые три месяца. Судебный процесс, наконец, то приобретал юридическую форму: публичность, отводы, защита и т.п. Обновленный таким образом трибунал приступил к действию 12 августа. До конца года было вынесено всего 16 смертных приговоров (включая Каррье и Фукье-Тенвиля). 92 обвиняемых были оправданы [1, с.87-89]. Уже эти цифры говорят о падении террора и восстановлении судопроизводства. Тем не менее, 28 декабря Революционный трибунал был снова подвергнут реорганизации, на этот раз последней. Его компетенция существенно расширилась. Он вновь получил право вести процессы, связанные с безопасностью государства, лихоимством и другими правонарушениями, оговоренными в декрете 14 февраля 1793 г (ст.1). 31 мая 1795 г., проработав, таким образом, более двух лет, чрезвычайный Революционный трибунал был упразднен. Отныне все процессы рассматривались уголовными трибуналами соответствующих департаментов [3, с.309-311]. Так ушел в прошлое главный элемент террористического режима Робеспьера.

Для завершения преобразований в политической сфере новой власти оставалось только разобраться с органами революционной демократии – Якобинским клубом и народными обществами. В отношении и тех и других Конвент имел четкую позицию, направленную на ограничение их влияния. Действительно, Якобинский клуб поддержал Робеспьера накануне 9 термидора. Тем не менее, 29 июля это учреждение распахнуло свои двери для истинных якобинцев. Из состава членов клуба были удалены последние робеспьеристы и приглашены изгнанные ранее оппоненты Неподкупного. Такое положение вещей устраивало термидорианцев, но вскоре в их среде наметился раскол. Такие лидеры как Бийо Варенн стали критиковать существующее положение, используя трибуну Якобинского клуба. Конечно, он уже не был таким влиятельным как раньше, но все же к его мнению могли прислушаться. После этого правительство окончательно взяло курс на сворачивание его деятельности. 16 октября 1794 г. были запрещены все филиальные и федеративные связи клуба. Таким образом, была нарушена вся якобинская организация. А 12 ноября Конвент и вовсе запретил проводить заседания. Якобинский клуб прекратил свое существование. После закрытия последнего в Республике начался процесс постепенного самороспуска народных обществ, а те, что еще остались, были принудительно распущены декретом от 23 августа 1795 г [7, с.623-625].

Аналогичные действия проводились и в столице, где еще продолжали функционировать коммуна и секции. Парижская коммуна, как и Якобинский клуб, 9 термидора поддержала Робеспьера. Но если собрания клуба носили скорее идеологический, ни к чему не обязывающий характер, то Коммуна могла в будущем стать центром восстания санкюлотов. Яркий пример тому 10 августа 1792 г. Неудивительно, что Робеспьер первым начал ее подчинение, назначив руководить национальным агентом. Термидорианцы жестко расправились с коммунарами, гильотинировав 11 термидора последних робеспьеристов. Муниципалитет лишился почти всего состава и был обескровлен. Фактически управление Парижем временно перешло к правительственным комитетам. Декрет о правительственных комитетах от 27 августа закончил с Коммуной как с единым муниципалитетом. 31 августа был издан специальный декрет о новом управлении Парижем. Суть документа сводилась к созданию двух специальных комиссий (ст.10). Первая, комиссия административной части муниципальной полиции, должна была составлять доклады о настроении городского общества с целью последующей передачи их в Комитет общественной безопасности. Второй, комиссии государственных налогов, вменялся сбор и учет налогов. Назначение членов комиссий производились только Конвентом по представлению правительственных комитетов (ст.11) [3, с.303-304]. Эти два образования стали своеобразным подобием муниципалитета, еще как то способным самостоятельно решать вопросы. Остальные функции, связанные с обеспечением продовольствия,

образованием, тюрьмами и т.д., перешли под контроль исполнительных комиссий, то есть правительства (ст.1-8).

Таким образом, Парижская коммуна как центр народной демократии прекратила существование. Начатое еще Неподкупным, ущемление прав коммунаров, завершилось ликвидацией коммуны как единого муниципалитета в принципе.

Но в Париже оставались еще секции. Лишенные, народных обществ и ослабленные робеспьеристами, их заседания, тем не менее, были последним оплотом санкюлотов. Первый удар правительства был нанесен уже 21 августа 1794 г. Тогда с трибуны Конвента Тюрио потребовал отмены декрета 5 сентября 1793 г. Это решение было декретировано. Отныне секциям разрешалось собираться только один раз в декаду. Плата в 40 су за посещение собраний отменялась [3, с.303-304]. Подобными методами правительство хотело снизить авторитет секций и разобщить санкюлотов. Однако именно в секциях произошла подготовка восстаний в жерминале и прериале 1795 г. События приняли неожиданный поворот для Конвента. Осенью 1795 г. назревало новое волнение. 4 октября (13 вандемьера) произошло последнее восстание секционеров, подавленное войсками Бонапарта. Это означало конец и для секций. Декретом 9 октября собрания были запрещены [5, с.42].

Таковы были изменения в политической сфере. Других это коснулось в меньшей степени. Так в экономике продолжал господствовать режим регламентации. 7 сентября Конвент продлил действие этого декрета до 22 сентября 1795 г. Однако уже 24 декабря 1794 г. все ограничения на торговлю и расценки были сняты [4, с.143]. Таким образом, всеобщий максимум сумел пережить диктатуру якобинцев почти на полгода. 19 августа после выступления Тальена в Конvente в Республике вновь устанавливается свобода печати. Прилавки запестрели огромным количеством прессы разной идеологической направленности. Любопытно, что никакого декрета по этому поводу не было принято. Официально запрет не снимался. Еще один ход термидорианского правительства решение религиозной проблемы. 18 сентября 1794 г. произошло, то, на что не решились ни Конституанта, ни Легислатива, то есть отделение церкви от государства. Официального декрета принято не было, но первая статья декрета о церковных пенсиях гласила: «Французский народ не оплачивает расходов по какому-либо культу» [3, с.440]. Бюджет присягнувшей церкви был отменен, а бывшим священникам стали выплачивать пенсии. Фактически это означало ликвидацию гражданского состояния духовенства и начало становления Франции как светского государства. Однако меры против неприсягнувших священников никто не отменял. Богослужения были разрешены только декретом от 21 февраля 1795 г. Культ стал делом каждого. Правда, колокольный звон, сбор общественных средств еще оставался под запретом [9, с.172].

Таким образом, термидорианцы провели значительные изменения. Был пройден путь от падения якобинской диктатуры до принятия новой конституции. Произошло крушение террористического режима и падение монополии Комитета общественного спасения. Конвент стал в полной мере главным институтом революционного правительства. Вместе с тем были сохранены основные элементы последнего, существовавшие до роспуска Национального Конвента. А некоторые составляющие смогли перейти еще дальше. Так понятие комиссар еще существовало некоторое время и при Директории [8, с.88-95]. В глазах современников революция продолжалась, а отнюдь не закончилась с прохождением своей кульминации 9 термидора.

Библиографический список

1. Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция. М.: BALTRUS. 2006. 348 с.
2. Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М.: Издательство МГУ. 2005. 320 с.

3. Документы истории Великой французской революции. Т. I. М.: Издательство МГУ. 1990. 526 с.
4. Документы истории Великой французской революции. Т. II. М.: Издательство МГУ. 1992. 350 с.
5. Захер Я.М. Парижские секции и их политическая роль и организация. Пг.: Госиздат. 1921. 69 с.
6. Матьез А. Термидорианская реакция. М - Л.: Соцэкгиз. 1931. 215 с.
7. Олар А. Политическая история французской революции. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1938. 950с.
8. Самсаров А.И. Становление и развитие института комиссаров Французской революции в 1791-1796гг // Вестник БГУ. 2019, №2(40).
9. Собуль А. Первая республика. М.: Прогресс. 1974. 393 с.
10. Recueil des actes du Comite/ de Salut Public avec la correspondance officielle des Representants en mission et le Registre du conseil Executif Provisoire. Т.1-25. Р.: Librairie Ernest Leroux. 1889-1910. Т 22. 800 р.

Сведения об авторе:

Самсаров Александр Ивайлович – магистр истории, г. Брянск, *a.i.samsarov@gmail.com*

УДК 930.23

Р.В. Сеницын

«К КРИТИКЕ РУССКОЙ УРОЖАЙНОЙ СТАТИСТИКИ...» Д.Н. ИВАНЦОВА: НЕУДАЧНЫЙ ОПЫТ АНАЛИЗА ОФИЦИАЛЬНЫХ И ЗЕМСКИХ ДАННЫХ

Аннотация: В статье проводится анализ книги Д.Н. Иванцова «К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных», материалы которой используются в современных научных дискуссиях о достоверности дореволюционной статистики сельского хозяйства, о состоянии последнего и об уровне жизни населения России начала XX в., и проверяется обоснованность его выводов. Критически рассматриваются методические и методологические подходы, использованные Д.Н. Иванцовым в работе, и делаются выводы о пределах научной доказательности его суждений.

Ключевые слова: урожайная статистика, урожайность, выборочное наблюдение, проверка статистических гипотез, корреляционный анализ, посевные площади.

Sinitsyn R.V.

“To criticism of russian harvest statistics ...” of D.N. Ivantsov: failure experience analysis of official and zema data

Abstract: The article analyzes the book of D.N. Ivantsov “To the criticism of Russian harvest statistics. The experience of analyzing some official and zemstvo current data» the materials of which are actively used in modern scientific discussions about the reliability of pre-revolutionary agricultural statistics, the state of the latter and the standard of living of the population of Russia at the beginning of the 20th century. as indisputable arguments, and verified the validity of its findings. There are the methodological approaches critical considered and used by D.N. Ivantsov in the work, and conclusions about the limits of scientific evidence of his judgments.

Key words: harvest statistics, yield, selective observation, testing of statistical hypotheses, correlation analysis, sowing areas.

В настоящее время в рамках полемики об уровне жизни населения России в начале XX века [1, 4, 10, 12, 14,15, 27] и, в конечном счете, наличии объективных предпосылок для революции, вновь был поднят вопрос о достоверности имперской урожайной статистики.

В этих условиях становятся востребованными работы историков и статистиков прошлого, посвященные данному вопросу и служащие источниками для апелляций при обосновании тезисов о фиктивности или надежности статистических сведений о сельском хозяйстве пореформенной России. В их числе не последнее место занимает книга Д.Н. Иванцова «К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных», написанная в 1913 г. под руководством профессора Н.А. Каблукова и опубликованная в 1915 году.

В ней Д.Н. Иванцов предпринял попытку оценить достоверность трех источников дореволюционной урожайной статистики – данных Центрального Статистического Комитета МВД (ЦСК), Министерства Земледелия¹ (собранные отделом Сельской Экономии и Статистики (ОСЭ)) и земств.

По результатам анализа, проведенного в первой и второй главах, он признал урожайную статистику империи достоверной (в части средних за ряд лет показателей). Вывод же по третьей главе, где исследовались ежегодные сведения об урожайности и посевных площадях, был противоположным: эти данные Иванцов объявил ненадежными и непригодными для использования [7, С.146-149].

¹ 1905 по 1915 гг. – Главное управление землеустройства и земледелия [5, С.350]

При публикации «Критика...» получила высокую оценку [7, С. I], и по сей день Д.Н. Иванцов признается одним из авторитетов в данном вопросе. Однако до сих пор в отечественной историографии не проводилось критической проверки обоснованности его построений. Между тем такая проверка показывает, что работа выполнена небрежно и содержит многочисленные ошибки.

В первую очередь следует указать на далеко не единичные свидетельства неаккуратности автора «Критики...» и его добровольных помощниц¹ при работе с массивами числовых данных.

В таблице на стр. 26 работы (она, как и прочие таблицы в книге, не пронумерована) Иванцов определяет расхождения между данными ЦСК и ОСЭ о средней за 24 года урожайности озимой ржи. По Московской губернии фактическое расхождение по владельческим землям определено им в 3%, предельное – 15%; по крестьянским - в 7% и 20%. А в таблице на стр. 30 Иванцов определяет расхождения средней урожайности озимой ржи между данными ОСЭ и ЦСК по владельческим землям в Московской губ. за 24 года в 8% (фактическое) и 12% (предельное), а по крестьянским – 6% и 13% (табл. 1).

Таблица 1. Оценка Д.Н. Иванцовым расхождений между данными ЦСК и ОСЭ о среднем сборе озимой ржи на владельческих и на крестьянских землях в Московской губернии за 24 года

Номер страницы в «Критике...»	Владельческие земли		Крестьянские земли	
	расхождение:		расхождение:	
	фактическое	предельное	фактическое	предельное
Стр. 26	+3	15	+7	20
Стр. 30	+8	12	+6	13

Можно было бы предположить, что разница возникла из-за изменения базы, ибо, если буквально читать текст, в первом случае базой являются данные МВД, а во втором – Министерства Земледелия. Однако причина состоит не в этом. По данным табл. 26 фактическая разница между данными обоих ведомств по владельческим землям составила 3%, тогда средние 24-летние показатели ЦСК и ОСЭ соотносятся как 1 к 1,03:

$$(1,03/1 - 1) * 100\% = 3\%.$$

Если изменить базу, получим:

$$(1/1,03 - 1) * 100\% = (-0,029) * 100\% = |2,9|\%.$$

Т.е. расхождение между данными ОСЭ и ЦСК составило бы 2,9%, у Иванцова - 8%.

Используя крестьянские данные, получим, что при изменении базы расхождение составило бы 6,54% (при округлении – 7%), но не 6%.

Значит, налицо именно небрежность обработки данных, а не следствие изменения базы расчетов.

На стр. 108 «Критики...» представлена таблица с нейтральным названием «Разногласия между многолетними данными». Имеются в виду расхождения в оценках средней за ряд лет урожайности зерновых между данными ЦСК и ОСЭ. В ней (в первом столбце сказуемого) общее количество губерний Европейской России, по которым имеются расхождения, исчислено в сумме 100 [7, С. 108]. Неизбежно возникает вопрос: как Иванцов получил такой результат, если в период, за который проводился анализ, Европейская Россия была разделена на 50 губерний, а вся империя, включая Финляндию и Польшу, состояла из 99 губерний и областей [18, С. 27]. В процессе поиска ответа на него выясняется, что указанная таблица содержит данные из таблицы на стр. 23 «Критики...» (не только не пронумерованной, но и не поименован-

¹ А.П. Васильевой, О.Я. Поповой, А.Я. Цинговатовой, М.Р. Цинговатовой, которым он выражает благодарность в предисловии к своей работе.

ной). В последней Иванцов обобщил данные о губернских различиях между данными ЦСК и ОСЭ об урожаях ржи отдельно по крестьянским и владельческим землям, благодаря чему и получил общую цифру «100». Но при этом в таблице на стр. 23 число губерний, показатели по которым расходятся 11-15%, составляет 28, а на стр. 108 – 27. Различия в 1-5% имеют, если верить таблице на стр. 23, 20 губерний, а по данным таблицы на стр. 108 таких губерний 21.

На странице 126 Иванцов, анализируя предложенный им экзотический показатель «относительных размеров годичной урожайности» [7, С. 119], под которым он понимал выраженные в процентах расхождения, отмеченные между данными ЦСК и земств в оценке ежегодных отклонений показателей урожайности от показателей предыдущего года, пишет: «Обратим внимание ... на Костромскую [губернию] (крест.; 1906 - 1909): -11; +6; +27; -25; -2;...» [7, С. 126]. Т.е. он выделяет период из четырех лет (1906, 1907, 1908, 1909) и противопоставляет ему пять значений разноречий: -11; +6; +27; -25; -2, предоставив читателям «Критики...» самим справляться по соответствующей таблице, какое из 5 «разноречий» является лишним, и как остальные 4 соотносятся с отдельными годами периода исследования.

Там же читаем: «... на Уфимскую (крест.; 1902-1906): +2; 0; +31; -15; +8; +2;...»: период из 5 лет, а значений разноречий - шесть. На этой же странице чуть ниже: «Из владельческих данных присмотримся хотя бы к ... Орловской 1908 - 1911: +32; -10; +13». Четырехлетний период, а «разноречий» - только три.

Далее рассмотрим допущенные Иванцовым ошибки в расчетах.

В Приложении 1 (стр. 153-155 «Критики...») содержится расчет фактического и «предельного» «разноречий» между оценками показателя урожайности ржи в Воронежской губернии за 1885-1908 гг., произведенными ЦСК и ОСЭ. Иванцов рассчитывал среднее значение урожайности по данным ЦСК (44 пуд./дес.) и ОСЭ (48 пуд./дес.). «Деля затем сбор Отдела на сбор Комитета (48:44 = 108%) и находя расстояние между полученным числом и числом 100, мы получали величину «фактического» разноречия между источниками (108 - 100 = 8), выраженного в %% к комитетскому сбору» [7, С. 154-155]. Однако 48:44 = 1,09, и фактическое «разноречие» составит не 8%, а 9%. [7. С. 155]1.

Средний за 24 года квадрат отклонений по данным ЦСК исчислен Иванцовым в сумме 192, но его значение (рассчитанное по его данным) составляет 198 [7, С. 154].

Ошибки допущены и в расчетах отдельных годичных значений квадратов отклонений. Квадрат отклонения фактической урожайности от средней в 1891 г. и 1892 г. по данным ЦСК составляет не 625 и 256, как у Иванцова, а 1225 и 676. Соответственно, значение среднего за 24 года квадрата отклонения годичных сборов ржи по данным ЦСК в 1883-1908 гг. составляло не 192 и не 198, а 240 [7, С. 154]. При включении в расчет этого значения предельное отклонение средней урожайности ОСЭ от средней же урожайности ЦСК составило бы не 27,3% [7, С. 155], а 27,8%.

В Приложении 2 [7, С. 156-157] описан способ нахождения «коэффициента корреляции» между данными ЦСК и ОСЭ на примере данных по Полтавской губернии.

В таблице на стр. 156 допущены ошибки в определении отклонения годичных сборов от среднего (а соответственно, квадратов отклонений годичных сборов и дисперсии) по данным ЦСК МВД за 1892, 1895 и 1899 гг., а также в расчете суммы произведений отклонений годичных сборов ЦСК и ОСЭ.

¹ На самом деле фактическое разноречие все-таки составит 8%, но, чтобы получить такой результат, необходимо оперировать не округленным, а точным значением средних сборов (44,3333 пуд./дес.) по данным ЦС, которое в тексте «Критики...» не приводится.

Точные значения отклонений годовых сборов по данным ЦСК составят: 1892 г. – (-29), 1895 г. – 12, 1899 г. – 0. Квадраты отклонений годовых сборов примут значения: 1892 г. – 841, 1895 г. – 144, 1899 г. – 0. Средний квадрат отклонений урожайности по данным ЦСК составит 292, а произведение отклонений годовых сборов по данным ЦСК и ОСЭ – 7381. В таком случае коэффициент корреляции урожайных данных, полученных двумя ведомствами, будет равен не 0,982124, а 0,983189.

Выявленные неточности и ошибки ставят под сомнение адекватность цифровых данных, представленных в работе Иванцова, и делают их непригодными для использования без сплошной перепроверки и уточнения.

Однако с точки зрения повышения научной ценности «Критики...» такая перепроверка не имеет смысла, ибо указанные огрехи допущены в процессе некорректного применения методик статистического анализа.

Соответственно, еще одну группу составляют гораздо более серьезные методологические ошибки, сделанные Иванцовым во всех трех главах работы.

В первой главе Иванцов предпринял попытку оценить надежность данных МВД, Министерства земледелия земств о средней урожайности зерновых в Европейской России. Для этого он определял «разноречия» между официальными данными ЦСК и ОСЭ, а также между данными ЦСК и земств. В первом случае горизонт исследования составил 24 года (1885-1908), и «разноречия» определялись для губерний, экономических районов, Нечерноземной и Черноземной полос, а также для Европейской России в целом. Сравнение же данных ЦСК и земств проводилось только на уровне губерний (из-за недостатка данных для расчета по более крупным территориальным единицам), а единый временной горизонт отсутствовал (по отдельным губерниям он колебался от 7 до 26 лет¹) [7, С. 26].

В анализе Иванцов исходил из предположения о том, что близость средних показателей урожайности (используя его фразеологию – «единодушие» отдельных источников в освещении «высоты урожая» [7, С. 12]) является доказательством достоверности урожайной статистики.

Это предположение справедливо в отношении средних, рассчитанных по данным, полученным с применением различных методов статистического наблюдения. Но и ЦСК, и ОСЭ, и губернские земства использовали один и тот же метод – несплошное обследование в форме выборочного наблюдения, производимого путем анкетирования бесконтрольных и безответственных корреспондентов (то обстоятельство, что, например, ОСЭ рассылал анкеты корреспондентам непосредственно, а ЦСК распространял их через волостную администрацию, концептуально ничего не меняет).

Поэтому существует отличная от нуля вероятность, что все три выборки содержат одну и ту же систематическую ошибку регистрации, например, ошибку, которая могла возникнуть, если, как утверждают критики урожайной статистики, корреспонденты предоставляли заниженные сведения.

А значит, в рассматриваемом случае не только близость, но даже тождество средних оценок урожайности не является доказательством достоверности данных статистики.

Т.е. гипотеза, лежащая в основе проведенного в первой главе «Критики...» анализа, неверна.

Такой же является и его методика. Оценивая степень «единодушия» источников, Иванцов использовал технику проверки гипотезы о средних величинах (о выборочных средних) [17,

¹ При этом он «дотянул» верхнюю границу периода исследования до 1910 г. по Казанской и Полтавской губерниям, а по Уфимской - до 1911 года [7, С. 41, 42].

С. 123]¹. Однако она предназначена для решения задачи о принадлежности двух выборок к одной или разным генеральным совокупностям², никакого отношения к оценке достоверности статистических данных не имеет, и ее использование Иванцовым неуместно.

Кроме того, в применении ее Иванцов также допустил ряд ошибок.

Во-первых, губернские выборки являются малыми (численностью менее 30 единиц [6, С 138; 3, С 250-251]), в их отношении используют распределение Стьюдента, и при расчете ошибки разности двух средних дисперсию корректируют на потерю степеней свободы. Иванцов же оперировал распределением Лапласа-Гаусса [7, С. 154-155], что сделало губернские расчеты ошибочными.

Во-вторых, как следует из Приложения 1, фактическое и предельное «разноречия» в целом по району³ он определял методом средней арифметической взвешенной на основании губернских разноречий, используя в качестве весов средние посевные площади ржи в губерниях, входящих в тот или иной район [7, С. 153]. Но «разноречия» по губерниям были рассчитаны за 24 года (1885-1908) [7, С. 154-155], а применяемые для их взвешивания средние площади посевов – только за три: 1893, 1899 и 1911, последний из которых вообще не входит в период расчета губернских разноречий между данными ЦСК и ОСЭ [7, С. 153]. Т. о. был нарушен принцип сопоставимости во времени данных, используемых в исследовании. Впрочем, пренебрежение этим принципом Иванцов демонстрирует не единожды (см., в частности, стр. 26, 30, 31, 69 «Критики...»).

Завершая анализ первой главы, необходимо указать на последнюю допущенную в ней методологическую ошибку. Иванцов заявил, что наиболее достоверные оценки средних урожаев зерновых в Европейской России содержатся в материалах земской статистики [7, С. 28]. Основанием для подобного утверждения стало промежуточное положение земских данных

¹ Оценку он производил на основании рассчитанных им показателей фактического и «предельного» расхождения между цифрами средней за ряд лет урожайности в отдельных источниках. Идея Иванцова сводилась к тому, что статистика м. б. признана достоверной, если фактические расхождения между средними значениями урожайности, рассчитанными по данным разных источников, не превышают предельных. Алгоритм производившихся расчетов показан в Приложении 1 на материалах Воронежской губернии и Центрально-Земледельческого района [7, С. 153-155]. Иванцов определил средние губернские значения урожайности по данным ЦСК и ОСЭ и фактическое расхождение между ними за 1884-1908 гг. Затем высчитал теоретически возможное («предельное») расхождение на основе показателя ошибки разности двух средних за тот же период (Иванцов использовал термин «сумма квадратических ошибок стандартного среднего»). После этого сопоставил фактические и предельные величины [7, С. 154-155] и на этой основе в тексте первой главы сделал вывод о степени достоверности данных о средней урожайности.

² Допустим, тестируется новый рацион для коров молочного стада. Формируются две группы (выборки) – контрольная, животным из которой задается стандартное питание, и опытная, получающая опытный корм. Допустим также, что среднесуточные удои в опытной группе оказались выше, чем в контрольной. Возникает вопрос: объясняется ли это различие использованием нового рациона или ошибками репрезентативности выборок (индивидуальными особенностями коров, входящих в каждую группу). Чтобы ответить на него, сначала рассчитывается фактическое расхождение между выборочными средними. Затем, с применением соответствующих приемов, вычисляется максимальная величина, которой может достичь разность между средними при условии, что она объясняется ошибками репрезентативности (оно определяется как случайное). Далее сравнивается фактическое расхождение с максимально возможным случайным. Если фактическая разница между средними больше соответствующего предела, то она считается существенной (объясняющейся действием группировочного признака) и свидетельствует о том, что применение нового рациона действительно повышает надои. Если же фактическое расхождение меньше предельного, то считается, что оно случайно, поскольку порождено индивидуальными особенностями коров, входящих в контрольную и опытную группы, а изменение рациона никак не сказывается на надоях [17, С. 123-129].

³ Такая же методика, как указано в «Критике...», использовалась и для Черноземной и Нечерноземной полос и Европейской России в целом [7, С. 153]

между самыми низкими оценками урожайности, сделанными ЦСК, и самыми высокими, исходящими от Министерства Земледелия. Дополнительным доводом для Иванцова выступила большая «тщательность наблюдения», якобы обеспечиваемая земской статистикой и «близость земств к местной жизни».

В данном случае автор «Критики...» полностью игнорирует положения теории статистического наблюдения. Как отмечено выше, на рубеже XIX—XX вв. в России урожайность определялась путем выборочного обследования. И МВД, и Министерство земледелия, и земства формировали собственные выборки. Полученные оценки представляли собой выборочные средние, лишь приближенно отражавшие действительную урожайность (выборочные средние всегда в той или иной степени отклоняются от генеральной средней, которая м.б. определена только по результатам обследования всей генеральной совокупности¹ и одна адекватно характеризует изучаемое явление).

При этом, при прочих равных условиях, чем шире выборка, тем ближе она по составу к генеральной совокупности и тем точнее воспроизводит параметры последней [30, С. 60-61; 19, С. 163].

Земские оценки урожайности зерновых можно было бы признать наиболее достоверными, если бы выборка земств была самой широкой. Однако она такой не являлась. Самую репрезентативную выборку формировал ЦСК, данные которого, на этом основании, и должны быть признаны в наибольшей степени заслуживающими доверия.

Само же по себе «серединное» положение земской статистики в ряду прочих источников ни о чем в плане надежности земских данных не говорит.

Касаемо утверждения Иванцова о некоей большей тщательности, с которой земские статистики якобы собирали и обрабатывали исходный материал, то оно голословно.

Во второй главе Иванцов исследовал данные ЦСК, ОСЭ и земств о «движении средних подесятинных сборов зерновых» [7, С. 62], «для измерения ... близости источников в отражении динамики урожайной действительности» [7, С.12], поскольку он считал, что такая «близость» является свидетельством достоверности статистики.

В качестве мерил «близости источников» Иванцов использовал линейный коэффициент корреляции, утверждая, что последний позволяет «... с одного взгляда определить, родственны ли данные кривые, и как велика их родственность»² [7, С. 13].

Современной теории статистики неведомо понятие «родственности» показателей. Можно лишь догадываться, что под «родственностью» Иванцов подразумевал связь между рядами урожайных данных ЦСК, ОСЭ и земств, суть которой он понимал совершенно превратно.

Прежде всего, следует отметить, что изучение связей между явлениями и процессами общественной жизни – одна из важнейших задач статистики.

При этом, несмотря на то, что исследуемые статистикой связи «... между явлениями, отдельными их признаками весьма многообразны. ... в любой конкретной связи одни признаки выступают в качестве факторов, воздействующих на другие и обуславливающих их изменение, другие же – в качестве результатов действия этих факторов. ... одни представляют собой причину, другие – следствие. Первые принято в статистике называть ... факторными признаками, вторые – результативными...» [19, С. 235].

¹ Генеральная совокупность – совокупность единиц, из которой производится отбор некоторой части их для выборочного обследования [19, С. 156]

² Комментарий о способе нахождения коэффициентов корреляции сделан Иванцовым в Приложении 2 «Критики...», в котором использованы данные об урожайности (без указания культуры зерновых) на крестьянских землях Полтавской губ. за 1885-1908 гг. по данным ЦСК и ОСЭ.

В статистике различают «... функциональную (полную) и статистическую (неполную) связь между признаками. При функциональной связи за изменением аргумента всегда следует строго определенное изменение функции. При статистической [стохастической] ... связи изменение аргумента на определенную величину дает несколько значений функции (зависимой переменной)» [17, С. 157].

Задача измерения статистической связи состоит в «... исследовании того, как изменение одного признака меняет вариацию другого» [13, С.112].

Частным случаем статистической связи является корреляционная связь, при которой «... разным значениям переменной соответствуют разные средние значения другой переменной» [16, С. 77]¹.

Теснота корреляционной связи как раз и измеряется с помощью коэффициента корреляции, который определяется как «... мера взаимосвязи между x и y^2 » [16, С. 80].

Установлено, что «...многие массовые общественные явления изменяются в одном и том же направлении, но как бы параллельно, независимо друг от друга... Здесь отсутствует причинно-следственная связь, хотя и обнаруживается тесная корреляционная зависимость. Иногда это происходит под влиянием какой-то общей причины ..., но чаще всего это мнимые, кажущиеся связи, не подтверждаемые содержательным анализом изучаемых явлений» [6, С. 156-157].

Соответственно, аксиомой теории статистики является положение о том, что необходимо «... избегать изучения зависимостей между не связанными по существу признаками. Даже если между ними обнаружится корреляция, коэффициенты связи все равно не будут иметь никакого смысла. Например, урожайность по регионам может ... коррелировать с числом автомобильных катастроф или больничных коек» [6, С. 173].

Механическое «приложение» коэффициента корреляции к любым рядам статистических данных приводит и к более парадоксальным, даже комическим результатам. Так, известно, что существует положительная корреляция между количеством гнездившихся аистов и числом детей, родившихся в соответствующей местности в отдельные годы. Однако, возможно, самый абсурдный пример некритического использования корреляционного анализа приводится в учебнике И.И. Елисеевой и М.М. Юзбашева «Общая теория статистики», вышедшем в свет в 2004, где, для иллюстрации, был рассчитан коэффициент корреляции между числом букв в названии сельскохозяйственных предприятий и средними надоями молока от коровы в этих хозяйствах. Он оказался положительным и составил +0,216 [3, С 344] (слабая прямая связь по шкале Чеддока [28, С. 83]).

«...родственны ли данные кривые, и как велика их родственность?»

Обратимся теперь к выкладкам Иванцова, сделанным во второй главе «Критики...», где он сравнивал данные ЦСК отдельно с цифрами губернских земств и Министерства Земледелия.

Очевидно, что не существует никакой непосредственной причинно-следственной связи между оценками урожайности, сделанными в МВД и в земствах по данным их собственных выборок. Синхронность выявленных изменений сборов с единицы площади объясняется тем, что и министерство, и земства фиксировали одно и то же явление – урожайность выбранных для изучения культур на заданной территории. Причем сама эта синхронность ни в малейшей степени не свидетельствует о достоверности исследованных Иванцовым данных, ибо для того,

¹ Корреляционную связь условно можно рассматривать как своего рода функциональную связь средней величины одного признака (результативного) со значением другого (или других) [28, С. 78].

² Т.е факторным и результативным признаком.

чтобы согласованно указать вектор изменений урожайности, статистическим органам не обязательно точно оценивать саму урожайность.

Несколько более сложным является вопрос о том, как соотносятся оценки урожайности ЦСК и ОСЭ. В силу малочисленности собственной сети информаторов Министерство земледелия при расчете губернских цифр по тем уездам, где у него не было своих корреспондентов, заимствовало оценки урожайности из других источников, причем, не только у ЦСК, но также у земств, управлений государственных имуществ, продовольственных комиссий губерний Западного края или их начальников и даже у сельскохозяйственных обществ¹ [31, С. 19; 32, С. 29; 33, С. 5; 34, С. 122].

Т.е. губернские значения урожайности, исходящие от Министерства земледелия, представляли собой средние, рассчитанные по уездным данным, в том числе и представлявшимся ЦСК. Поэтому в данном случае с известной долей условности можно говорить о наличии причинно-следственной связи между оценками урожайности зерновых, производившихся МВД и ОСЭ. Но эта связь – не корреляционная, а функциональная², жестко детерминированная³. Для анализа таких связей используется не корреляционный, а индексный метод [3, С 326].

Т. о., применение корреляционного анализа при сравнении урожайных данных ЦСК и с земскими, и с данными ОСЭ является необоснованным, а рассчитанный Иванцовым «коэффициент корреляции», по сути, представляет собой фикцию. Но и при расчете этого фиктивного показателя Иванцов допустил грубые методологические ошибки. Прежде всего, он определял отклонения индивидуальных значений урожайности от среднего за соответствующий период показателя урожайности, т.е. использовал методику, применяемую при коррелировании вариационных рядов. Но исследуемые им ряды данных являются динамическими, и для них рассчитываются отклонения индивидуальных значений изучаемого признака не от среднего уровня ряда, а от тренда [3, С 518].

Кроме того, для динамических рядов характерна автокорреляция, влияние которой необходимо устранять, используя специальные приемы [28, С. 91], чего Иванцов не делал.

В данном случае, однако, следует сделать оговорку: методика корреляционного анализа динамических рядов и по сей день относится к числу наименее разработанных разделов теории статистики, и сто лет назад ситуация не могла быть лучше. Это обстоятельство извиняет Иванцова как автора, но не делает верными рассуждения и выводы, составляющие содержание второй главы «Критики...».

В третьей главе Иванцов анализировал ежегодные показатели урожайности, площадей посевов и валовых сборов зерновых по материалам ЦСК и отдельных губернских земств, а также определял степень близости фактических показателей урожайности прогнозам. По результатам проведенного исследования он сделал выводы о ненадежности соответствующих данных. Однако эти выводы являются неверными или, в лучшем случае - спорными.

Неверным является первое же высказанное в третьей главе утверждение Иванцова о недостоверности ежегодных данных об урожайности [7, С.109-117]. Иванцов объявил их нена-

¹ А по уездам, где число корреспондентов не превышало 6-7 – вносило коррективы с учетом данных указанных организаций и лиц.

² Конкретно – функциональная зависимость данной величины (губернской урожайности по оценкам ОСЭ) от нескольких факторов (уездных цифр урожайности ЦСК, земств, управлений государственных имуществ и проч.) [3, С 321].

³ При которой с изменением одной из переменных вторая изменяется строго определенным образом, и значению одной переменной обязательно соответствует одно или несколько точно заданных значений другой переменной [3, С 320-321]

дежными на том основании, что оценки ЦСК и земств расходятся порой на величину большую, чем 10-15%.

Во-первых, этот предел Иванцов установил совершенно произвольно, никак не обосновав чрезмерность расхождений, превышающих 15%: «...о значительности этого процента делается вывод не на основании сравнения его с какой-либо теоретически обоснованной нормой, а просто на глазмер [курсив мой – Р.С.]: разноречия свыше 10-15% считаются серьезными, ниже 10-15% - допустимыми и неопасными» [7, С.16-17]. Очевидно, что возможность применения такого измерителя вызывает вопросы, а сделанные с его помощью оценочные суждения не могут считаться бесспорными.

Главное же состоит в том, что рассматриваемый тезис Иванцова противоречит положениям теории статистического наблюдения. Расхождение ежегодных оценок урожайности, сделанных ЦСК и различными земствами по результатам выборочных обследований, не является свидетельством недостоверности урожайной статистики. Более того, оно естественно. Отдельные выборки отличаются друг от друга составом (а в данном случае - также и объемом). Соответственно, в них по-разному представлены единицы генеральной совокупности, обладающие теми или иными (большими или меньшими) значениями изучаемого признака. Поэтому выборочные средние неизбежно отличаются друг от друга¹, при этом каждая из них в отдельности адекватно отражает параметры «своей» выборки.

Иными словами, расхождения в ежегодных оценках урожайности были бы доказательством недостоверности урожайной статистики, если бы по каждой губернии ЦСК и земства исследовали одну и ту же часть генеральной совокупности. Но они анализировали разные ее части.

По поводу пределов расхождений нужно отметить следующее. Хотя математически доказано, что «наибольшими вероятностями обладают те значения выборочной средней, которые по своей величине близки к генеральной средней» [19, С. 159], резкие различия между выборочными средними также возможны. Вероятность появления резких различий определяется степенью вариации признака в генеральной совокупности: «... чем большие различия в величине признака имеются у отдельных единиц совокупности, тем большие расхождения возможны между выборочной средней и генеральной средней» [19, С. 163], следовательно, и между отдельными выборочными средними. Между тем, различия между выборочными средними значениями урожайности м. б. очень значительными, ибо урожайность, являясь равнодействующей множества природных и антропогенных факторов, ощутимо колеблется не только в пределах губернии и уезда, но даже в рамках одного сельского мира от надела к наделу. В подтверждение сказанному можно указать на то, что в соответствующий период в Европейской России разница в урожайности зерновых на помещичьих и на крестьянских землях достигала 100% [2, С.13].

Развивая тему, Иванцов заявил, что дополнительным свидетельством недостоверности ежегодных оценок урожайности зерновых является тот факт, что процент расхождения между данными ЦСК и земств по каждой губернии год от года не остается раз заданным, изменяясь как по модулю, так и по знаку [7, С.117-118]. Однако, средние самостоятельных выборок (отражающие урожайность в разных выборочных совокупностях), с учетом значительной колеблемости изучаемого показателя, не могут изменяться строго пропорционально и однонаправленно. Потому наивно ожидать, что величина расхождения между ежегодными выборочными оценками урожайности зерновых, сделанными разными ведомствами, будет характеризоваться постоянством. Следовательно, данный тезис Иванцова тоже является ошибочным.

¹ Совпадение значений выборочных средних возможно, но лишь как частный случай.

Завершая рассмотрение вопроса о ежегодных оценках урожайности, Иванцов указал на то, что выраженное в процентах расхождение между данными ЦСК и земств в оценке отклонений урожайности текущего года от показателей предыдущего во многих случаях превышает 10-15%, изменяясь при этом от года к году, порой разнонаправлено [7, С.119-127]. Не касаясь вопроса о превышении «предела», в силу его необоснованности, нужно отметить, что данные автономных выборок, отражающие урожайность в разных по составу и объему выборочных совокупностях, не могут демонстрировать одинаковый процент и единый вектор отклонений цифр урожайности каждого следующего года от цифр года предыдущего. Следовательно, и процентное расхождение между соответствующими отклонениями не будет постоянным, неизбежно изменяясь как по величине, так и по направленности. Т.о., и это утверждение Иванцова неверно.

Спорны выводы о недостоверности статистики посевных площадей и валовых сборов, касающиеся, прежде всего, статистики ЦСК.

Строго говоря, достоверность данных ЦСК о площадях посевов и валовых сборах пост-фактум была в целом подтверждена по итогам сельскохозяйственной переписи 1916 года [8, С.48]. Поэтому в данном случае нет нужды опровергать тезисы Иванцова, необходимо лишь отметить слабые места в его рассуждениях по рассматриваемому вопросу.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что к анализу Иванцов привлек данные о площадях посевов по неполным 5 губерниям: Уфимской за 1905 год, Херсонской (1900-1909 гг.) и Саратовской (1901-1909 г.), Полтавской и Тульской за 1910 г. (в последней – только по двум уездам) [7, С.129]. Причем земские данные характеризуются разной степенью полноты и детализации. Сам Иванцов обосновывал возможность использования таких неоднородных данных следующим рассуждением: «... в статистических исследованиях все части настолько тесно спаяны, что достаточно охарактеризовать как следует одну, чтобы с одного намека оценить достоинство других» [7, С. 107]. Однако это утверждение неверно: индивидуальные признаки отдельных единиц совокупности могут существенно отличаться от типичных для нее характеристик. Поэтому излишне самоуверенным является заявление автора «Критики...» о том, что «... мы спокойно можем считать приведенные разрозненные случаи типичными, а сделанные из них выводы способными претендовать на общность» [7, С. 143]. В самом деле, могут ли «претендовать на общность» суждения о росте подданных Российской империи мужского пола начала XX в., сделанные на материалах о росте кавалергардов? Соответственно, с этой точки зрения утверждения, сделанные в третьей главе о недостоверности данных о посевных площадях, не выглядят обоснованными.

Вывод Иванцова о недостоверности оценок посевных площадей по зерновому клину в целом и по отдельным культурам сделан без учета следующего важного обстоятельства: объективно существуют, независимо от того, закреплены они в качестве категорий в какой-либо отрасли знаний, или нет, различные виды посевных площадей: обсемененная, занятая посевом, весенняя продуктивная, уборочная, фактически убранная¹ [11, С.5-6]. Следовательно, ЦСК и земства могли получать от своих корреспондентов достоверные данные, но если они запрашивали сведения о разных видах посевных площадей², то их итоговые оценки не могли не расходиться.

¹ Обсемененная площадь, в свою очередь, делится на два вида: обсемененная площадь под урожай данного года и площадь посевной обработки данного года.

² Об использовании отдельными земствами различных методик и приемов сбора сведений об угодьях писал, в частности, А.Ф. Фортунатов [26, С. 149].

Косвенное свидетельство того, что это было возможно, содержится в самом тексте «Критики...». Комментируя незначительные расхождения площадей посевов по Уфимской и Саратовской губерниям (1,4% и 1,5% соответственно), Иванцов пишет, что при их получении «... и Комитет, и земская статистика ... опираются на показания одной и той же деревенской администрации». В то же время в Херсонской губернии, «несмотря на тождество корреспондирующих агентов», расхождение составило 17,1% [7, С. 130]. Не объясняется ли тот факт, что в Уфимской и Саратовской губернии корреспонденты дали МВД и «своим» земствам практически одинаковые ответы, а в Херсонской – разные, тем, что в последнем случае запрашивались сведения о разных видах посевных площадей?

Соответственно, до тех пор, пока не будет установлено, что по тем губерниям, данные которых использованы в «Критике...», и ЦСК, и земства собирали сведения об одних и тех же объектах, считать расхождения в оценке посевных площадей доказательством недостоверности урожайной статистики нельзя.

Выдерживая общий разоблачительный тон, взятый им в третьей главе, Иванцов попытался максимально выпукло представить расхождения, существующие между данными ЦСК и земской статистики о площадях посевов в разрезе владельческих и надельных земель. При этом он проигнорировал важные детали, учет которых меняет картину, нарисованную в «Критике...».

Так, Иванцов пишет, что в Новосильском и Ефремовском уездах Тульской губернии в 1910 г. различия в оценках площади надельных посевов между земством и ЦСК по ржи составили (-17)% и (-18)%, а по овсу – (-19)% и 4% [7, С. 134]. Однако, есть основания полагать, что оценки надельных посевов ЦСК и тульским земством различались не столь значительно. В таблице, приведенной на стр. 134 «Критики...», сам Иванцов выделяет показатели надельных земель по данным ЦСК, надельных земель по данным земской статистики, а также надельных и «купчих» крестьянских земель по земским данным. Именно при сравнении собственно надельных земель обнаруживаются те, действительно, существенные расхождения, которые, по мнению Иванцова, доказывали недостоверность статистики надельных посевов. Но, если сравнить площадь надельных посевов по данным ЦСК с площадью надельных и купчих земель в оценке земской статистики, то по ржи в Новосильском уезде различие составит 2,3%, в Ефремовском – 1,9%. По овсу получим: в Новосильском уезде – 6,1%, а в Ефремовском – 39,3%¹.

При анализе данных по Саратовской губернии (самых подробных и детализированных из приведенных в «Критике...») Иванцов акцентирует внимание читателей на различиях между владельческими и надельными посевами в оценке ЦСК и саратовского земства. Но при этом он не обращает внимания на то, что саратовское земство (как и тульское), помимо собственно надельных, выделяет надельные и купчие посева. Кроме того, он не рассматривает вопрос о том, как различаются оценки земств и ЦСК общей площади владельческих и надельных земель, взятых в сумме.

Из таблицы, приведенной на стр. 132 «Критики...» явствует, что в Саратовской губернии данные ЦСК по владельческим посевам превышают соответствующие земские данные по всем культурам, кроме ячменя, при том, что оценки надельных посевов в обоих источниках практически не отличаются. В то же время, площадь надельных и купчих крестьянских земель по земским оценкам превышает площадь надельных посевов в оценке ЦСК, причем на вели-

¹ Очевидно, что земство вело раздельный учет по изначально относившимся к категории надельных землям и по «прикупленным» крестьянами. Губернский же статистический комитет МВД, включил «купчие» земли в разряд надельных, исходя из того, что, независимо от юридического основания, этими землями владеют крестьяне.

чину, сопоставимую с той, на которую владельческие посевы по данным МВД превосходят владельческие посевы по земским оценкам¹. Возможно, в Саратовской губернии статистики МВД учли купленные крестьянами земли в составе владельческих, т.е. в данном случае принцип учета земель по фактическому землепользованию был нарушен².

Если сравнивать владельческие и собственно наделные земли, получим, что совокупные площади посевов по данным ЦСК и земства отличаются (без учета знака): по яровой ржи – на 5,7%, по яровой пшенице – на 7,3%, по овсу – на 4,1%, по ячменю – на 80%, по всем четырем культурам – на 5%. Если же в составе земских данных учесть также купчие крестьянские земли, то расхождения составят: по яровой ржи – 2,7%, по яровой пшенице – 0%, по овсу – 7,5%, по ячменю – на 86%, по всем четырем культурам – 3,4%. Т.о. оценки площадей владельческих и наделных посевов, взятых в совокупности, в целом очень близки (исключением являются лишь цифры по ячменю).

Последнее обстоятельство важно с точки зрения характеристики адекватности выводов Иванцова о достоверности валовых сборов, основанных на анализе расхождений между данными ЦСК о площадях владельческих и наделных посевов и земскими оценками посевов, фактических принадлежавших крестьянам и помещикам. В «Критике...» отмечается, что в 1909 г. в Саратовской губернии по оценкам ЦСК площадь посевов озимой ржи на наделных землях составила 490 тыс. десятин, а на всех принадлежащих крестьянам землях, по оценкам саратовского земства – 769 тыс. дес. По яровой пшенице соответствующие цифры составили 508 и 829 тыс. дес., по овсу – 176 и 320 тыс. дес., по ячменю – 18 и 25 тыс. десятин. При этом, по данным земства реально помещикам принадлежало: 81 тыс. дес. посевов озимой ржи, 78 тыс. дес. яровой пшеницы, 51 тыс. дес. овса и 29 тыс. дес. ячменя [7, С.132-133]. В 1910 г. «ржаные посевы полтавских помещиков охватывают, по земским данным, 121 тыс. десятин, между тем как комитетская оценка «владельческого» посева равняется 160 тысячам; соответствующие цифры для яровой пшеницы – 206 т и 249; для ячменя – 60 и 204³. В Уфимской губернии комитет считает вненаделных посевов ржи в 1905 году 227 тыс. десятин, земство же приписывает из них к числу помещичьих всего 24 тысячи...; посевы овса дают такое отношение обеих величин: 156 и 17; посевы пшеницы еще более любопытны, а именно 118 и 6 тысяч десятин» [7, С. 133].

Указывая на эти различия, Иванцов пишет: «Ошибки в десятки и сотни тысяч десятин следовало бы признать тяжело отражающимися на точности цифр общего сбора даже в том случае, если бы не возникало сомнений относительно данных о подесятинном урожае; но ввиду ненадежности последних их значение усиливается» [7, С. 130]. При этом речь, разумеется, идет об ошибках в данных ЦСК, т.к. именно ЦСК неверно фиксировал фактическое землепользование крестьян и помещиков.

¹ По озимой ржи наделные и купчие крестьянские посевы превышают наделные посевы по оценкам ЦСК на 68 тыс. дес., владельческие посевы по данным МВД превышают владельческие посевы по земским данным на 44 тыс. дес. По яровой пшенице получаем, соответственно, 70 и 70 тыс. десятин разницы. По овсу наделные и купчие крестьянские посевы превышают наделные посевы по оценкам ЦСК на 47 тыс. дес., владельческие посевы по данным МВД превышают владельческие посевы по земским данным на 18 тыс. дес., а по ячменю соответствующие цифры составляют 2 и 24 тыс. дес. Общее превышение площади крестьянских наделных и купчих земель над наделными по данным ЦСК по всем четырем культурам составило 180 тыс. дес., а владельческих посевов по данным МВД над владельческими посевами в оценке саратовского земства – 108 тыс. дес.

² Однако утверждать, что так же поступали во всех губернских статистических комитетах, нельзя, ибо это противоречит результатам анализа наделных посевов Новосильского и Ефремовского уездов Тульской губ.

³ У Иванцова здесь опечатка: по данным МВД, площадь владельческих посевов ячменя в Полтавской губернии в 1910 г. составила 110279 дес., 204396 дес. было засеяно ячменем на наделных полях [25, Поуездная таблица сбора яровых хлебов и картофеля в 1910 г. С 332-333].

Как было показано выше, сомнения Иванцова относительно достоверности ежегодных цифр урожайности необоснованны, поскольку порождены незнанием теории выборочного наблюдения. Что же касается утверждения о том, что сами по себе расхождения в оценке площадей посевов отражаются, причем даже и «тяжело», на оценке валовых сборов, то оно, хоть и представляется, на первый взгляд, не лишенным оснований, также совершенно неверно, прежде всего, в силу порочности теоретического основания, на котором Иванцов возводит свои умозаключения.

Ученик народника Каблукова, Иванцов, в полном согласии с народнической линией, игнорирует факт имущественной дифференциации крестьянства, рассматривая последнее как, в целом, однородный класс¹. При таком подходе урожай на землях, формально владельческих, но фактически (на основании купчих и соглашений об аренде) эксплуатировавшихся крестьянами, определялся по средней урожайности² на всех «надельных» либо «крестьянских», посевах, которая, как известно, была ниже (порой – значительно ниже), чем в дворянских «экономиях». И замена «надельных» и «владельческих» земель «крестьянскими» и «помещичьими» действительно должна была бы отразиться на оценках величины валовых сборов, исходящих от ЦСК, именно – привести к их уменьшению. Однако (и это было точно установлено к моменту, когда Иванцов «наводил» свою «Критику...»), основную массу купчих и арендованных (в том числе - владельческих по юридическому статусу) земель концентрировали в своих руках зажиточные крестьяне [9, С. 123]. Они активно использовали улучшенные орудия труда [Там же], располагая достаточным количеством рабочего скота и нанимая батраков и поденщиков [Там же], своевременно и качественно обрабатывали почву и производили иные сельскохозяйственные работы (в том числе вовремя убирали хлеб, благодаря чему удавалось свести к минимуму потери на этой стадии производства) [123, С. 65, 78], применяли научно обоснованные для соответствующих местностей севообороты (в том числе - полноценное трехполье) [123, С. 78], удобряли землю навозом [123, С. 101, 105]. В результате, урожайность в хозяйствах «кулаков» приближалась к возможному верхнему пределу при эксплуатации естественного плодородия почв и была вполне сопоставима с урожайностью в помещичьих имениях. Соответственно, переход части владельческих земель в пользование крестьян в целом не вел к уменьшению урожайности на этих участках и к искажению, на этой основе, оценки величины валовых сборов органами статистического наблюдения МВД. Напротив, именно оценка урожаев на основе земских данных о крестьянских и помещичьих посевах с применением народнического метода (на основе средней для всех крестьянских земель без учета в различии урожайности у разных категорий крестьян) неизбежно привела бы к занижению указанной величины.

Впрочем, даже если оставаться на позициях Иванцова, элементарные расчеты на основе средней (!) урожайности показывают, что его декларации о значительном влиянии замены надельных посевов крестьянскими на оценку валовых сборов, чересчур смелы.

Рассмотрим представленные Иванцовым полтавские данные, дополнив их сведениями из «Урожая 1910 года». По расчетам ЦСК, посевы озимой ржи в этой губернии составили 510 991 дес., в т.ч. 351 061 дес. на надельных и 159 930 дес. на владельческих землях, урожайность - 65,9 и 73,7 пудов с десятины соответственно, а валовый сбор с земель обеих категорий – 34 910 445 пудов [24, Отд. III., С. 16]. Заменяем данные ЦСК о владельческих посевах земскими

¹ Строго говоря, в «Критике...» Иванцов не обозначил свою позицию по данному вопросу, но это явствует из самого строя его рассуждений и из сделанных неадекватных выводов.

² Использование огульных средних – излюбленный прием экономистов-народников, использовавшийся ими для затушевывания имущественного расслоения в крестьянской среде..

цифрами помещичьих (121 тыс. дес.) с отнесением «высвободившихся» 38 930 дес. к надельным посевам. При использовании комитетских оценок урожайности, как наиболее адекватных, сбор озимой ржи составил бы 34 618 107 пудов, или 99,16% к фактическому. Сокращение, таким образом, равнялось бы 0,84%.

Надельные посевы яровой пшеницы составили 370 330 дес, владельческие – 248 585 дес. Т.к. урожайность этой культуры достигла 58,2 пуд./дес. на надельных и 68,7 пуд./дес. на владельческих полях, ее валовый сбор составил 38 628 674 пуда [25, Поуездная таблица сбора яровых хлебов и картофеля в 1910 г., С 332-333]. Включение в расчет земской цифры помещичьих посевов (206 тыс. дес.) привело бы к уменьшению оценки объемов производства до 38 183 853 пудов, т.е. на 1,15%.

Урожайность ячменя на надельных землях составляла 58,3 пуд./дес. на владельческих – 70 пуд./дес., общий сбор – 19 639 455 пудов [25, Поуездная таблица сбора яровых хлебов и картофеля в 1910 г., С 333]. Если заменить комитетские владельческие посевы (110 тыс. дес.) земскими помещичьими (60 тыс. дес), на соответствующую величину скорректировав надельные, сбор ячменя был бы определен в 19 047 553 пуда., т.е снизился бы лишь на 3%.

Обратимся к цифрам Уфимской губернии 1905 г., которые Иванцов приводит как наиболее вопиющий пример расхождений между данными ЦСК и земств о соответствующих категориях посевных площадей.

ЦСК здесь оценил посевы озимой ржи на надельных землях в 542 624 дес. и на владельческих – 227 205 дес., а урожайность – в 52,7 и 60 пудов с десятины соответственно. Совокупный валовый сбор с земель обеих категорий был принят равным 42 257 361 пуду [20, Отд. III., С. 48]. Замена данных ЦСК о владельческих посевах земскими цифрами помещичьих (24 тыс. дес.) привела бы к тому, что объем производства зерна этой культуры составил бы 40 745 188 пудов, или 96,4% к фактическому. Сокращение равнялось бы 3,6%.

Урожайность овса на надельных землях (площадью 255 197 дес.) составляла 67,6 пуд./дес. на владельческих (155 595 дес.) – 78,9 пуд./дес., валовый сбор – 29 528 362 пуда [21, Поуездные таблицы сбора яровых хлебов и картофеля в 1905 г., С. 173]. Если заменить комитетские оценки земскими, сбор овса был бы определен в 27 961 639 пудов., т.е снизился бы на 5,3%.

Надельные посевы яровой пшеницы составили 141 091 дес., владельческие – 118 177 дес. Урожайность была определена в 48,5 пуд./дес. для надельных посевов и 47,5 пуд./дес. – для владельческих. Валовый сбор яровой пшеницы статистики ЦСК исчислили в 12 459 938 пудов [21, Поуездные таблицы сбора яровых хлебов и картофеля в 1905 г., С. 166-167]. При использовании земской цифры помещичьих посевов (6 тыс. дес.) оценка объемов производства увеличилась бы до 12 568 498 пудов, т.е. на 0,87% (хотя оценки площадей владельческих и помещичьих земель разошлись почти в 20 раз).

Лишь данные Саратовской губернии за 1909 год¹ показывают несколько более серьезные масштабы отклонений валовых сборов при замене владельческих посевов по версии ЦСК помещичьими посевами в оценке земства. По озимой ржи они составили бы (-12,5%) [22, С. 38], по яровой пшенице – (-11,4%) [23, Поуездные таблицы сбора яровых хлебов и картофеля в 1909 г., С. 82-83], по овсу – (-13,3%) [23, Поуездные таблицы сбора яровых хлебов и картофеля в 1909 г., С. 89], по ячменю – 21,8% [23, Поуездные таблицы сбора яровых хлебов и картофеля в 1909 г., С. 83]. Валовый сбор по всем четырем культурам сократился бы на 11,6% от фактической оценки, сделанной статистиками МВД.

¹ Цифры по Херсонской губернии здесь не рассматриваются, поскольку в «Критике...» не проводится разделение земель на «помещичьи» и «крестьянские».

Наконец, следует обратить внимание на то, что, характеризуя степень достоверности данных ЦСК о посевных площадях, Иванцов позволил себе прямую ложь. Он заявил, что «... даже руководители Центрального Комитета находят свой метод [изучения посевных площадей] «не строго научным и притом спешным»» [9, С. 3]¹. Однако на стр. 19 Отдела III Юбилейного сборника ЦСК, на которую ссылается Иванцов (третий абзац, 24-я строка сверху), сказано, что ЦСК признавал «не строго научным и притом спешным» лишь принятый в 1892 г. способ сбора данных о посевных площадях [29, Отд. III. С. 19]. И только.

В целом проблема адекватности исчисления посевных площадей и валовых сборов в Российской империи, безусловно, существует, однако она требует гораздо большего внимания, нежели ее рассмотрению уделил Иванцов.

Неверным является утверждение, что о недостоверности ежегодной статистики зернового хозяйства дореволюционной России свидетельствуют расхождения в оценке ожидаемого общего (валового) сбора и подесятинного сбора (урожайности) различными источниками (ЦСК, Торгово-Промышленная газета, Московский Порайонный комитет) [9, С. 138-139]. Не располагая сведениями о том, из какого источника черпала данные для соответствующих прогнозов Торгово-Промышленная газета, ограничимся лишь рассмотрением вопроса о расхождении оценок ожидаемой урожайности между ЦСК и Московским Порайонным Комитетом. ЦСК получал прогнозные цифры от собственных корреспондентов, а Порайонный Комитет опирался на земские данные. Естественно, что их предварительные оценки урожайности не совпадали и не могли совпадать, будучи продуктами двух самостоятельных выборочных исследований.

Равным образом, ошибочно видеть доказательство недостоверности ежегодных данных статистики в несовпадении прогнозных и фактических цифр урожайности [9, С. 139-142]. Очевидно, что выявленные несовпадения (отдельно для ЦСК и Московского Порайонного Комитета) характеризуют качество прогнозирования, а не надежность урожайной статистики в части констатации фактической урожайности. При этом Иванцов игнорировал очевидный факт: точный прогноз в сельском хозяйстве в принципе весьма затруднен (если вообще возможен). В дореволюционной же России качество прогнозирования тем более не могло быть высоким в силу архаичности зернового производства. Поэтому любой каприз погоды неизбежно вносил негативные коррективы в ожидания по поводу урожая.

Наконец, формальным основанием для критики Иванцову и в данном случае служило всё то же превышение расхождением между фактическими и прогнозными цифрами предела в 10-15%, который был установлен «на глазомер».

Т.о., можно сделать следующее общее заключение по результатам анализа «Критики...»: выявленные особенности работы Иванцова ставят на повестку дня вопрос о переоценке ее научной значимости и о невозможности использовать содержащиеся в ней заявления в качестве основания для апелляций в дискуссии о достоверности дореволюционной урожайной статистики.

Библиографический список

1. Булдаков В. П. Апологетика форсированного крепостничества, сдобренного патернализмом // «Российская история», 2011, № 1.
2. Гурко В.И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906.
3. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики: Учебник / Под ред. И.И. Елисеевой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2004.

¹ Об ошибке со стороны Иванцова речи не может быть, поскольку свое заявление он сопроводил корректной сноской на Юбилейный сборник ЦСК.

4. Ермолаев С. А. Лжеисторик №... http://scepsis.net/library/id_3264.html.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
6. Зинченко А.П. Статистика. – М.: КолосС, 2007.
7. Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики. Том XIV. Петроград, 1915. <http://istmat.info/node/25712>.
8. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX - начала XX в. М., 2004.
9. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС, Т. 3, М., 1958
10. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012.
11. Немчинов В. Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. Выпуск I. М., Л., 1933.
12. Нефёдов С. А. О благополучии населения дореволюционной России // «Вопросы истории», 2011, № 5.
13. Общая теория статистики; Под редакцией заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора А.Я. Боярского. М., Изд-во Моск. Ун-та, 1977.
14. Островский А.В. О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // Вопросы истории, 2010, № 10.
15. Островский А.В. О степени социального расслоения в дореволюционной России // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Спб. 2013.
16. Статистика: Учебник / И.И. Елисеева, И.И. Егорова и др.; Под ред. проф. И.И.Елисеевой. М., 2003.
17. Статистика: Учеб. пособие / А.П. Зинченко, В.К. Гаркавый, Е.А. Гуртовник и др.; Под ред. А.П. Зинченко. М.: Финансы и статистика, 1982.
18. Статистические ежегодник России. 1913 г. (Год десятый). Издание Центрального Статистического Комитета МВД. С. Петербург, 1914.
19. Струмилин С.Г. Статистика. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. М., 1969.
20. Урожай 1905 года. I. Озимые хлеба и сено. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел. Год двадцать третий. С.-Петербург. 1905.
21. Урожай 1905 года. II. Яровые хлеба и картофель. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел. Год двадцать третий. С.-Петербург. 1906.
22. Урожай 1909 года в Европейской и Азиатской России. I. Озимые хлеба и сено. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел. Год двадцать седьмой. С.-Петербург. 1909.
23. Урожай 1909 года. II. Яровые хлеба, картофель, лен, конопля и хлопок. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел. Год двадцать седьмой. С.-Петербург. 1910.
24. Урожай 1910 года в Европейской и Азиатской России. I. Озимые хлеба и сено. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел. Год двадцать восьмой. С.-Петербург. 1910.
25. Урожай 1910 года в Европейской и Азиатской России. II. Яровые хлеба, картофель, лен, конопля и хлопок. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел. Год двадцать восьмой. С.-Петербург. 1911.
26. Фортунатов А. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893.
27. Хорос В. Г. О причинах российской революции // Политические исследования. - № 5. - 2010.
28. Чалиев А.А., Овчаров А.О. Таможенная статистика. Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2008.
29. Юбилейный сборник Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел 1860-30.04.1913. – С.-Петербург, 1913.
30. Янсон Ю.Э. Теория статистики. Лекции. С.-Петербург, 1886.
31. 1885 год в сельскохозяйственном отношении. Выпуск III. Общий обзор года. Часть I. С.-Петербург. 1886.
32. 1890 год в сельскохозяйственном отношении. Выпуск III. Общий обзор года. С.-Петербург. 1892.

33. 1895 год в сельскохозяйственном отношении. Выпуск VII. С.-Петербург. 1896.

34. 1900 год в сельскохозяйственном отношении. Выпуск VI. С.-Петербург. 1901.

Сведения об авторе:

Синицын Роман Витальевич, к.э.н., ст. преп. кафедры таможенного дела и маркетинга Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. rsinicyu@yandex.ru

«ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ» ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА В 1917 Г.

Аннотация: Статья посвящена изменению социального состава офицерского корпуса в Петроградском гарнизоне накануне и в годы Революции 1917 года в России. Общая тенденция в ходе Первой мировой войны заключалась в том, что необходимые на фронте офицерские вакансии активно заполнялись выпускниками краткосрочных курсов. В основном это были представители средних городских слоев, имевших хотя бы базовое образование. Для большей части крестьянства, остававшейся в основном неграмотной или малограмотной, доступ к производству в первый офицерский чин был затруднен. «Демократизация» офицерского состава приобрела новые темпы после Февральского восстания 1917 г. в Петрограде. Многие офицеров их подчиненные отказались принять обратно в воинские части. Их места занимали младшие по чину прапорщики военного времени. В виду нехватки командного состава с мая 1917 г. с санкции руководства Петроградского военного округа в первый офицерский чин разрешено было производить отличившихся рядовых солдат по представлению их однополчан. В итоге эти очень разные социальные категории должны были воздействовать на рядовых солдат, поддерживать дисциплину, добиваться выполнения приказов вышестоящего начальства. Этого зачастую было сложно добиться, поскольку после революции для военнослужащих сами понятия чиновничества и беспрекословного подчинения приказам претерпели существенные изменения.

Ключевые слова: Первая мировая война, Революция 1917 года, офицерский корпус, «демократизация»

Tarasov K.A. "Democratization" of the Petrograd officer corps in 1917

Abstract: The article is devoted to the change of the social composition of the officer corps in the Petrograd garrison the before and during the Revolution of 1917 in Russia. The general trend during the First World War was that the officer vacancies required at the front were actively filled with graduates of short-term courses. These were mainly representatives of the middle urban strata who had at least basic education. For a large part of the peasantry, which remained illiterate or semi-literate, access to the first officer rank was difficult. The "democratization" of the officers gained new momentum after the February uprising in Petrograd. Many officers were refused to take back to military units by their subordinates. Their places were taken by the wartime officers. In view of the shortage of commanders from May 1917, with the approval of the leadership of the Petrograd Military District, ordinary soldiers were allowed to get the first officer's rank after suggesting by their comrades. As a result, these very different social categories had to influence rank-and-file soldiers, to maintain discipline, and to fulfill the orders of their military commanders. This was often difficult to achieve, since after the revolution, for the servicemen, the very concepts of servility and unquestioning obedience to orders underwent significant changes.

Keywords: World War I, Revolution of 1917, officer corps, "democratization"

Можно сказать, что изучение офицерского корпуса в период революционных потрясений в России сейчас находится на подъеме. Только за последние пять лет вышло несколько крупных работ, разрабатывающих эту тематику [17; 41; 13]. Главное внимание в них уделяется кадровым офицерам, прошедшим полный курс военного обучения, олицетворяющих профессиональную армию. Эта социальная группа являлась носителем особой корпоративной культуры, и даже «кастовости». Вместе с тем важно обратить внимание на то, что в изучаемый период граница между офицерским корпусом и обществом в целом перестала быть непроницаемой. Происходили серьезные изменения в социальном составе, и как следствие офицерство постепенно утрачивало свой эксклюзивный статус. Важнейшим фактором этого процесса стал эксперимент по «демократизации» армии и дискуссии по поводу введения выборного начала в 1917 г.

Изменения в офицерском корпусе до революции

Еще до Революции 1917 г. командный состав Русской армии претерпел существенные изменения. Распространенное в советской историографии представление о том, что офицеры представляли почти исключительно дворянство, конечно, неверно. Еще до Первой мировой

войны доля высшего сословия постепенно уменьшалась. В то же время удельный вес потомственных граждан и купечества в пореформенное время вырос в два раза, а выходцев из бывшего «податного сословия» (мещан и крестьян) – более чем в 10 раз [24, с. 22, 29].

Впрочем, были и исключения из этой тенденции. Как показывают исследования Г.С. Чувардина, даже в начале XX в. «лицам незнатного происхождения путь в гвардию был фактически закрыт», а офицерский корпус первых четырех гвардейских полков (Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского) комплектовался по преимуществу выходцами из наиболее знатных дворянских родов. По мере ослабления этого привилегированного сословия многие дворяне рассматривали военную карьеру как средство быстрого продвижения по служебной лестнице и приобретение социального веса [110, с. 141-142; 109, с. 181, 183].

С началом Первой мировой войны изменение социального состава офицерства стало еще более стремительным. Потребность в командном составе в условиях массовой мобилизации привела к переводу военных училищ на ускоренные курсы и созданию школ прапорщиков, где за 3-4 месяца проходили подготовку перед производством в низший офицерский чин. Школы прапорщиков являлись вынужденной мерой в виду огромной убыли офицерства. Командованию пришлось поступиться не только требованиями военного обучения, но и образовательным цензом, который был снижен. В 1915 г. в школы прапорщиков было принято 2000 человек, а в 1916 г. уже 12500 [4, с. 32]. Всего же за годы войны военные училища и школы прапорщиков выпустили 227 тыс. офицеров [14, с. 51].

Данные выпускников военных училищ и школ прапорщиков военного времени показывают, что новые кадры черпались в основном из низов общества (свыше 60%). К этому стоит прибавить, что значительное число (около 30 тыс.) прапорщиков производилось на фронте из рядовых солдат, унтер-офицеров и вольноопределяющихся (лиц с правами на производство по гражданскому образованию) [27, с. 31; 116, Р. 147; 11, с. 9, 12]. Вполне очевидно, что даже сниженный образовательный ценз создавал препятствие для получения офицерского чина для большей части военнослужащих, состоявшей из неграмотного или малообразованного крестьянства. В училища в основном определяли лиц, окончивших не менее шести классов гимназий или равных им учебных заведений, а также с законченным или незаконченным высшим образованием [10, с. 112]. А.Г. Кавтарадзе пришел к выводу, что к осени 1917 г. командный состав действующей армии «практически соответствовал числу лиц в России того времени, имевших какое-либо образование (хотя бы и низшее); все такие лица призывного возраста, годные по состоянию здоровья к военной службе, становились офицерами» [29, с. 147; 11, с. 9; 17, с. 96].

Меньше всего изменение социального состава затронуло генералитет и штаб-офицерский состав. Это было следствием, во-первых, кадровой политики, при которой на высокие военные чины производились лишь офицеры с довоенным стажем службы, как прошедшие полный курс военно-учебных заведений [6, с. 15]. Во-вторых, потери сказались на высшем командовании менее значительно. Именно поэтому к середине третьего года войны оно было в основном представлено кадровыми офицерами с высшим военным образованием. Они сохраняли традиции и социокультурный облик довоенного офицерства, значительная часть которого происходила из дворянства [85, с. 11; 66, с. 41; 17, с. 100]. Напротив, к 1917 г. прапорщики и подпоручики в основном были представлены молодыми офицерами, выпускниками военных училищ ускоренного типа не ранее 1916 г., не принимавшими участие в больших боях. Штабс-капитаны и небольшая часть капитанов тоже являлись офицерами военного времени, но уже захватившими первый период войны. Наконец, штаб-офицеры и большая часть капитанов – уже офицеры мирного времени [108, с. 216].

Всего в запасных частях гвардии, без учета офицеров, прикомандированных к полку и тех, кто по состоянию здоровья не мог «в полной мере нести службу», на вторую половину 1916 г. числилось 303 штаб- и обер-офицеров (то есть в чинах, начиная от подпоручика) и 536 прапорщиков запаса и военного времени [79, л. 296 об. – 297]. Иными словами на одного офицера, имевшего фронтовой опыт или прошедшего полный курс военного училища мирного времени, приходилось примерно два выпускника ускоренных курсов. Есть, однако, нюанс, который скрывается за этими числами. Офицеры гвардии комплектовались почти исключительно за счет выпускников военных училищ. Лишь в декабре 1916 г. было разрешено направлять туда окончивших школы прапорщиков, которые имели более низкий уровень образования [106, с. 145].

Можно отметить раскол внутри командного состава между офицерами мирного и военного времени [106, с. 120; 40, с. 133-134; 17, с. 127]. Особенно это чувствовалось в гвардии, где старый командный состав был представлен выходцами из знатных дворянских семей. По свидетельству современника, «в гвардейских полках "прапорщиков" встретили холодно-вежливо, с недоверием» [103]. В запасном батальоне Волынского полка кадровые офицеры «с крайней жестокостью» третировали солдат и офицеров, не принадлежащих к полку. В казарме были даже отдельные вешалки для кадровых офицеров и для прапорщиков военного времени [44, с. 522]. В запасном батальоне Литовского полка, по свидетельству одного из солдат, рознь между этими категориями командного состава «иногда проявлялась настолько резко, что в полку временами было два офицерских собрания» [37, с. 158].

Можно также отметить отчужденность офицерства во взаимоотношениях с солдатской «массой». Ряд бывших офицеров, пробывших некоторое время в запасных батальонах, вспоминали, что они были лишены возможности сблизиться с солдатами, наблюдать за ними и руководить их подготовкой. Причину этого они видели в том, что ротные командиры были поглощены решением разнообразных хозяйственных и бытовых вопросов, необходимостью вести бумажную отчетность и цензуру писем [36, с. 3; 21, л. 2об.; 42, С.8]. Обучение в основном производилось молодыми офицерами, которые не задерживались в тылу и с первыми маршевыми ротами отправлялись на фронт, или унтер-офицерами [65, л. 207; 97, с. 195; 105, С.257; 15, с. 69; 46, с. 150; 18, с. 3].

Не могло не влиять на взаимоотношения командиров со своими подчиненными распространенное в военной среде рукоприкладство, чрезмерные взыскания и регулярные оскорбительные замечания в отношении нижних чинов. Подобные упреки встречаются по адресу некоторых офицеров запасных гвардейских батальонов Преображенского, Финляндского и Волынского полков [5, с. 34; 111, с. 68; 44, с. 523]. В ноябре 1916 г. в сводке Петроградской военно-цензурной комиссии отмечалось, что «из запасных батальонов жалуются на несправедливое обращение офицеров» [74, с. 232].

Февральские «чистки» командного состава

Как известно, присоединение Петроградского гарнизона к Февральскому восстанию началось с убийства командира учебной команды запасного батальона Волынского полка штабс-капитана И.С. Лашкевича. В том же военном городке Таврических казарм 27 февраля 1917 г. во время перестрелки были убиты полковник запасного батальона Преображенского полка А.К. Богданов, командир 6-го саперного батальона В.К. фон Геринг и несколько других офицеров, пытавшихся оказать сопротивление восставшим [82; 97, С.66; 77, Л.5; 35, с. 161; 31, с. 311; 102, с. 111; 37, С.168; 113, С.799]. Солдаты переступили через кровь своих командиров, что по законам военного времени каралось военно-полевым судом.

Весть об этих событиях быстро распространилась по городу. Одна за другой воинские части переходили на сторону революции. В этой ситуации офицеры начали покидать свои

подразделения. Часть из них обоснованно опасались за свою жизнь, другие пытались увести подальше свои семьи, квартиры которых располагались в эпицентре революционного движения [23, С.7-8; 97, с. 66; 28, С.166; 43, с. 9; 105, с. 271; 104, с. 294; 76, с. 67]. На улицах с офицеров срывали погоны, являвшиеся символом их власти, привилегированного положения. Подобное символическое действие могло означать «разжалование» своих бывших командиров, нежелание признавать их статус [34]. Офицеров пытались разоружать, а тех, кто отказывался, арестовывали или даже убивали на месте [100, С.20, 30, 35; 101, с. 4-5; 78, с. 79; 12, с. 357; 32, с. 151-152].

Все накопившееся за годы войны недоверие и ненависть солдат к офицерам проявилось 1 марта на общем заседании Петроградского Совета, ставшего центром массового движения. Именно на этом заседании впервые появились представители от воинских частей Петроградского гарнизона. В своих речах они выразили как собственные подозрения офицеров в двуличности, так и солдатское недоверие к ним [47, с. 50-52]. Офицеров обвиняли в том, что они неискренны в своей лояльности революции и могут в любой момент предать [47, с. 53, 94, 114]. Прозвучали критические и очень эмоциональные оценки взаимоотношений солдат и офицеров: «векам душили нас как собак», «осел, кто забудет старое» и т.п. [47, с. 49, 51, 52]. После длительного обсуждения было решено выработать специальный документ, где были бы обозначены основные меры закрепления прав нижних чинов. Им стал знаменитый Приказ №1, который был в ту же ночь отпечатан в виде листовок, а на следующий день появился в «Известиях» [39; 99].

Приказ №1 предписывал солдатам создавать органы самоуправления из своих представителей, полковые и батальонные комитеты. Им передавалось право распоряжения оружием, которое запрещалось выдавать офицерам. Кроме того, отменялось обязательное отдавание чести, а сложное титулование заменялось на обращение «господин генерал, господин полковник и т.д.». Воспрещалось «грубое обращение с солдатами», в том числе обращение к ним на «ты» [9, с. 18].

Приказ №1 не предписывал отстранять от своих должностей офицеров и выбирать на их место других. Вместе с тем одновременно с распространением документа началась кампания выборов солдатами своих воинских начальников. По всей видимости, это движение было стихийным и не соответствовало курсу руководителей Петроградского Совета. Основными причинами удаления начальников разного уровня являлись их действия в период Февральского восстания, «издевательство над солдатами», грубое и даже «зверское» отношение к нижним чинам, а также просто напросто непосещение казарм [95, л. 198; 19, л. 32-33; 45, л. 42 об.]. Из числа «принятых», то есть тех, кому было разрешено вернуться к обязанностям в батальонах, на общих солдатских собраниях выбирались кандидаты на начальствующие должности в плоть до командира полка, начальника хозяйственной части и т.д.

Согласно анкетам, направленным в Политическое управление военного министерства, наибольшее число офицеров не было принято в запасном батальоне Московского полка – 25 человек. В этой воинской части осталось 30 офицеров, из них 23 прапорщика [95, л. 198]¹. Кроме того, во время Февральского восстания три офицера-москвича были убиты, несколько ранено, многие арестованы и «подверглись всякого рода издевательствам» [1, с. 236]. За ним следует запасный батальон Егерского полка. Здесь изгнали 17 офицеров, а должности были

¹ Из общего числа вычтены четыре подпрапорщика, произведенных в первый офицерский чин после Февральского восстания [92, л. 208].

распределены между оставшимися 55 (из них 42 прапорщика) [94, л. 141]¹. Солдат этого запасного батальона докладывал 1 марта на заседании Совета, что в первую очередь были выбраны офицеры, оставшиеся с солдатами в строю после присоединения их к революции [47, с. 50]. 16 офицеров отчислили из запасного батальона Павловского полка. Из оставшихся 60 человек, 47 имели чин прапорщика [93, л. 210]. В анкетах имеются данные также о запасных батальонах Семеновского, Измайловского и Кексгольмского полков. Там рядовые солдаты отказались принять 9, 6 и 5 своих бывших командиров соответственно [86, л. 138; 88, л. 221; 91, л. 226]. Уже по этим данным можно заметить, что в гвардейских запасных батальонах стали преобладать офицеры военного времени. Впрочем, из списков исключались и полковники, и прапорщики.

По другим батальонам гвардейской пехоты данные об исключении офицеров не указаны. Однако это не означает, что там не проходили «чистки». Так, например, в запасном батальоне Волынского полка на январь 1917 г. числилось 80 офицеров [80, л. 20]. В анкете указаны должности лишь 54 [89, л. 143]². Долгое время волынцы вообще отказывались принять обратно в полк кадровых офицеров [67, л. 5об.]. В соседнем батальоне Литовского полка назначения получили 32 офицера [87, л. 225], в то время как на январь 1917 г. здесь по списку находилось 84 [80, л. 20]. В запасном батальоне Гренадерского полка накануне революции числилось 90 офицеров, а 2 марта на должности избрали лишь 66 [80, л. 20; 90, л. 137 об.; 23, с. 13]. Также известно, что на заседании ротных представителей запасного батальона Преображенского полка 3 марта было предложено «распустить по своим квартирам без привлечения к работе в батальоне» 13 офицеров, а еще семь во главе с бывшим командиром князем К.С. Аргутинским-Долгоруковым – арестовать [112, с. 268].

Далеко не все переизбранные офицеры обладали популярностью среди солдат. Многие из них были оставлены как профессионалы военной подготовки, но натянутость в их взаимоотношениях с подчиненными сохранялась. Журналист газеты военного министерства отмечал, что в каждой воинской части Петроградского гарнизона существовало два списка офицеров: заслуживающих и не заслуживающих доверие [7]. Конкретный пример подобной ситуации можно привести в отношении запасного батальона Московского полка. Здесь «одобренные» офицеры, по словам наблюдателя, «были лишены всякой власти и значения, им приходилось жить под страхом насилия в атмосфере недоверия» [1, с. 237]. На начальника Главного военно-судного управления в июле 1917 г. офицеры-московцы произвели впечатление «затравленных» [73, л. 182 об.]. Для «контроля над всеми действиями выборных офицеров» в запасном батальоне Преображенского полка был создан специальный наблюдательный комитет [81, л. 11]. В целом проблема отсутствия доверия командному составу является одной из наиболее часто упоминаемой самими офицерами как признак упадка дисциплины [53, л. 85 об.; 56, л. 47; 50, л. 118; 51, л. 43; 60, л. 58 об.; 59, л. 29; 61, л. 4 об.].

Руководство Петроградского Совета, взявшее курс на восстановление дисциплины в армии, боролось с антиофицерскими настроениями, стремясь преодолеть ту пропасть, которая разделяла солдат и офицеров. Не случайно, поэтому, весь период между февралем и октябрём 1917 г. в советской партийной социалистической прессе помещались статьи, призывавшие обе стороны к сближению. Первой публикацией такого рода стало воззвание к солдатам Исполкома Петроградского Совета 5 марта. В нем говорилось: «Помните, что офицеры-

¹ Британский военный атташе Альфред Нокс отметил в своем дневнике, что в запасном батальоне изгнали 22 офицеров [44, с. 523].

² Альфред Нокс, посетивший казармы батальона, записал в своем дневнике, что волынцы отказались принять 40 офицеров [44, с. 522].

революционеры сейчас наши товарищи. Всякое столкновение и оскорбления ни на чем не основанные или основанные только на темных слухах – недопустимы и опасны. Не верьте этим слухам, не предпринимайте никаких необдуманных шагов против наших товарищей – офицеров» [8].

Реформа поручика А.И. Козьмина

Попытки урегулировать взаимоотношения между солдатами и офицерами начали проводиться в жизнь с мая 1917 г., когда во Временное правительство вошли социалисты, а военное министерство возглавил А.Ф. Керенский. Он назначил помощником главнокомандующего Петроградским военным округом революционера и бывшего каторжанина поручика А.И. Козьмина, который долгое время по сути исполнял обязанности начальника Петроградского гарнизона. В открытом письме к своему протезе Керенский высказался о важнейших, с его точки зрения принципах, на которых должна строиться демократическая армия: «Для создания такой армии особенно важно установить правильные отношения между командным и солдатским составом – отношения, полные взаимного доверия и понимания» [48, л. 4].

Приступая к своим обязанностям, А.И. Козьмин наметил одной из своих первых задач «производство в прапорщики подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров, бывших на фронте, имеющих боевые отличия и оказавших особые заслуги делу освобождения народа». В этих назначениях, кроме поощрения за революционные заслуги, поручик видел «средство влить в офицерскую среду новую струю офицеров непосредственно из народной среды и этим объединить их всех с солдатами» [25, с. 146].

Первое такое производство произошло во время первого смотра войск Петроградского гарнизона поручиком А.И. Козьминым и А.Ф. Керенским. В запасном батальоне Московского полка во главе четырех рот стояли выбранные солдатами подпрапорщики. Военный министр вызвал их и объявил: «Я сделаю вас прапорщиками. Но помните, что вам придется нести службу и следить, чтобы и другие делали то же самое» [44, с. 557; 25, с. 145].

9 мая всем ротам и командам было разослано предписание предоставить в батальонные комитеты списки кандидатов для производства в первый офицерский чин [70, л. 3 об.]. К производству представляли начальники воинских частей, но требовалась также рекомендация батальонного комитета. Производство рядовых солдат в прапорщики поддержал и вскоре прибывший главнокомандующий округом генерал П.А. Половцов. Он вспоминал, что подобная практика была необходима в связи с нехваткой офицеров, а также «в виде демократического опыта для слияния офицерской и солдатской среды» [62, с. 87].

То, как интерпретировали приказ комитеты, можно видеть из обращения выборного органа 180-го пехотного запасного полка. Он призывал солдат выбирать новых офицеров из тех, кого можно было назвать «любимыми всеми солдатами и заслуживающими их доверия», кроме того, известными всему полку». Членам комитета необходимо было знать кандидатов «со стороны политической деятельности, так и со стороны работ по организации жизни в полку» [22]. Председатель ротного комитета рядовой И. Щеглов рекомендовал выбирать новых офицеров из фронтовиков и солдат, активно показавших себя в революции. Именно они, по его мнению, обладали качествами, необходимыми военному начальнику [114].

Аналогично высказался комитет запасного батальона Семеновского полка. Предполагалось, что в офицеры могли пойти лишь военнослужащие с боевыми отличиями или за заслуги в революционный период. От них требовались лишь честность и организаторские способности. Грамотность считалась необязательной [71, л. 31]. Вместе с тем, на практике, как писал редактор газеты «Семеновец» рядовой А. Зеленский, не только в разных воинских частях Петроградского гарнизона, но и в одном запасном батальоне вопрос о производстве солдат в офицеры решался по-разному. По его наблюдениям, одно время производили в

офицеры тех, кто отличался высокой строевой подготовкой, позже от кандидата требовалось окончание учебной команды, то есть мог быть произведен в унтер-офицеры. Иногда ставилось условие, чтобы будущий офицер являлся бывшим фронтовиком. В редких, по мнению А. Зеленского, случаях производства удаивались солдаты, не побывавшие на фронте, но заслужившие отличие «своей работой на пользу полка по нестроевой, хозяйственной, культурно-просветительской, организаторской и революционной работе» [26].

Слова семеновца подтверждаются выявленным приказом о производстве в прапорщики солдат 6-го саперного батальона. Кроме двоих из них, все имели боевые награды. В основном, это люди старше 30 лет, лишь один 22 лет. Произведены были только грамотные, но образование не выше четырех классов училища. В число прапорщиков попали три взводных командира, один член батальонного суда и председатель батальонного комитета, член Петроградского Совета В.А. Сыревич. Последний как раз и не имел наград и не бывал на фронте. Этноконфессиональная принадлежность не играла роли при выборе, поскольку новыми прапорщиками оказались и православные, и католики, и лютеране [64, л. 35].

Аналогичную картину можно увидеть при выдвижении кандидатов для вступления в первый офицерский чин в 171-ом пехотном запасном полку. Все 37 выбранных являлись унтер-офицерами. Подавляющее большинство побывали на фронте и после ранения находились в тылу. При этом 14 из них прибыли лишь в 1917 г., вероятнее всего, из госпиталей после выздоровления от ранений. Лишь 11 не имели наград, большинство имело орден Святого Георгия четвертой степени, а четверо сразу трех степеней. Двое не имело наград и не бывало на фронте, но оба они являлись членами Петроградского Совета [63, л. 88-180 об.]. Кандидаты избирались на общих собраниях рот после доклада председателя ротного комитета. При этом встречались такие формулировки: «за воздаяния их боевыми подвигами, выказанными в настоящую войну», «во время нахождения их в роте отличились усердием к возлагаемым на них обязанностям и полным знанием службы, дисциплинированы, пользуются в окружающей их среде уважением, проявляя энергию и решимость в исполнении службы и отлично знакомы с условиями современного боя», «как способствовавшему образцовой постановки дело в команде так и по строевой и специальной подготовки вполне достойного первого офицерского чина» [72, л. 186, 192, 197].

По сообщению полкового комитета 180-го пехотного запасного полка, в утверждении списков часто принимало участие не более шестой части наличного состава роты, например, когда в одной из рот офицер был выбран 37 голосами «за» при 31 «против» и 60 воздержавшихся [22]. При таких выборах невозможно было говорить об общем признании нового командира и обличении его властью. Перевыборы кандидатов и обсуждение реформы затянулись в 180-ом полку на месяц. Много споров вызвал вопрос о том, «достойн ли грамотный, образованный человек быть офицером». По мнению противников производства таких солдат, такой начальник не поспособствует демократизации армии. В качестве аргумента в статье приводилось мнение одного из военнослужащих о том, что народ в большей части не образован, а потому управляться должен необразованными [3].

Тем не менее, командование Петроградским военным округом осталось довольно первыми результатами реформы. В начале июня вышел приказ военного министра об увеличении нормы производства солдат в офицеры с 5 человек на батальон до 20 [68, л. 65]. 22 июня под председательством поручика А.И. Козьмина произошло собрание новых офицеров гарнизона. В газетном отчете об этом заседании говорилось, что они обязались стать «связующим звеном» между «офицерами старого кадра» и рядовым составом, оставаться товарищами солдат и «их руководителями, как в политической, так и в других областях военной жизни» [83, 84]. Таким образом, командование возлагало большие надежды на новых офицеров.

Их задача была сгладить социальные противоречия в запасных воинских частях, вернуть авторитет и легитимность единоначалию.

Офицерство в условиях революции

Несмотря на то, что можно наблюдать широкий отклик на идею выдвижения кандидатов в первый офицерский чин из рядового состава, социальная напряженность в запасных воинских частях сохранялась. Рядовые солдаты пытались повлиять на изменение практики ускоренного производства в офицерские чины военнослужащих с более высоким образованием. В армии существовала особая категория вольноопределяющихся, то есть лиц, поступивших добровольно на военную службу и имевших определенный образовательный ценз. До революции они имели некоторые привилегии по сравнению с обычными нижними чинами. В частности, они могли выбирать воинскую часть, жить на частных квартирах, не участвовать в хозяйственных работах и т.д. Статус вольноопределяющегося давал право быстро получить офицерские погоны и избежать тяжелой солдатской службы [2, с. 23]. В середине апреля 1917 г. в целом ряде запасных воинских частей Петрограда вместо того, чтобы выбирать офицеров из образованной среды, был поставлен вопрос об отправлении всех без исключения вольноопределяющихся на фронт. Вольноопределяющиеся отметили «неприязнь к ним» со стороны однополчан и просили направить их в военные училища [75, Л.4; 107, Л.174; 98, л. 5]. Комитет запасного батальона Измайловского полка в мае постановил, что все военнослужащие, «имеющие права по образованию, приравниваются к прочим солдатам». В первую очередь это решение касалось выполнения нарядов на хозяйственную работу [69, л. 12]. Так в солдатском понимании реализовывалось социальная справедливость.

Причина подобных настроений видится в социокультурном расколе в обществе дореволюционного периода. Солдаты не доверяли не только довоенной офицерской корпорации, которая в значительной степени состояла из представителей дворянства. Таких, как уже говорилось, в армии было меньшинство. Антагонизм встречался в отношении офицеров военного времени – вчерашних студентов, представителей средних городских слоев и интеллигенции [16, с. 40, 75]. Их нередко называли искаженным словом из политического словаря – «буржуй»¹. По словам журналиста газеты «Солдатское слово», в некоторых воинских частях в ротные и полковые комитеты избегали выбирать вольноопределяющихся и офицеров, мотивируя это именно тем, что они «буржуи» [115].

В данном случае совершенно неважно научное толкование термина «буржуазия», значение которого пытались объяснить сами офицеры. По мнению одного из них, под словом «буржуй» солдаты подразумевали притеснителей вообще [58, л. 92]. Другой писал, что «все умеренные люди», пытавшиеся противодействовать радикальной агитации «объявлялись "буржуями", действовавшими не в интересах народа» [49, л. 110-110 об.]. Наконец, третий офицер привел интересный ответ одного из своих подчиненных, которых он убеждал в ложности леворадикальных идей: «Вы буржуй, если бы я носил золотые погоны, то тоже так рассуждал» [60, л. 60]. Таким образом, любое командование по определению воспринималось солдатами как другой, чуждый класс, с совершенно иными интересами и целями.

Оценивая влияние революционных событий на офицерский корпус, генерал А.А. Брусилов в мае 1917 г. на собрании командующих фронтами говорил о том, что 15-20% офицеров быстро приспособилась к новым порядкам по своим убеждениям, «вера в них солдат была раньше, сохранилась и теперь». Еще одна часть «начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей». Наконец, большинство, по оценкам генерала 75%, «не умело приспособиться сразу, обиделось, спряталось в свою скорлупу и не

¹ О распространенности «антибуржуйских» настроений см. [33]

знает, что делать» [16, с. 88]. Почти дословно эту характеристику повторил прапорщик 1-го пехотного запасного полка, говоря об офицерах своей воинской части. Одни сумели «без труда и ломки своих убеждений» остаться для солдат начальниками и старшими товарищами. Другие смогли подойти к солдатам «с небольшой натяжкой», но благодаря этому все еще пользовались их доверием. Третьи добивались популярности крайней агитацией. Четвертая категория офицеров полка «оставались совершенно безучастными к жизни солдат, исполняя только свои офицерские обязанности, но не делая ни одного шага к сближению с солдатами» [54, л. 47].

В воспоминаниях полковника Б.В. Фомина, кадрового офицера Измайловского полка, содержится интересная рефлексия по поводу его отношения к изменившимся порядкам в армии: «То, что я уже видел, настолько нравственно меня потрясло, что я чувствовал себя абсолютно неспособным к какой-либо деятельности. Для новых условий службы нужны были новые люди; я же к ним не принадлежал. В других запасных батальонах этих новых людей нашли среди молодых офицеров...» [104, с. 311]. Профессиональные военные, которых воспитывали на том, что армия стоит вне политики, зачастую не могли приспособиться к изменяющимся условиям [30, с. 119; 38, с. 74]. Однако и у прапорщиков военного времени, получивших в лучшем среднее образование, не всегда получалось содействовать сближению солдат с офицерами, так как им не под силу было объяснить происходившие политические события [52, л. 93]. В документах 1917 г. встречаются свидетельства об отказе солдат подчиняться тем командирам, которые не разбирались в политике [57, л. 13 об.]. Активная роль в этот период ложилась на интеллигентские силы в составе офицерского корпуса. От их деятельности очень сильно зависела атмосфера в запасных воинских частях [55, л. 48; 53, л. 85 об.; 20, л. 7].

Дискуссии вокруг выборного начала в армии показали, что для рядовых военнослужащих революция означала изменение статуса офицерской власти. Далекое не все офицеры немедленно присоединились к солдатам в период Февральского восстания, и это, в купе с тем, как они держали себя до революции, предопределило подозрительное отношение к ним. Взаимоотношения между начальником и подчиненным уже не могли строиться на беспрекословном подчинении. В армии, пережившей революционный переворот, когда от офицерства как такового отказаться было невозможно, актуальным становится вопрос о доверии солдат своим командирам.

В новых условиях власть в армии могла основываться лишь на этом совсем не военном принципе. Установление доверительных взаимоотношений в воинских частях зависело от умения каждого отдельного офицера найти подход к солдатам, преодолеть ту пропасть, которая разделяла их долгое время. Задача эта была чрезвычайно сложной, если учитывать, сколь глубоким был социокультурный разрыв между образованным слоями населения и зачастую неграмотным крестьянством.

Выборность офицеров, по мнению солдат, гарантировала легитимность власти начальника, выражение того самого доверия к нему его подчиненных. Революция стала для солдат победой своеобразно понимаемой ими справедливости. Военная иерархия в их представлении перевернулась, и уже офицеры должны были находиться в подчиненном положении по отношению к рядовым. Сам по себе принцип выборности начальства означал, что власть офицера ставилась в зависимость от воли его подчиненных. В итоге многие из них отвечали лишь за строевую подготовку, не вмешиваясь в политическую жизнь солдат.

Новые офицеры, выдвинутые самими солдатами из своих рядов, должны были стать символом единой революционной армии. В целом это было продолжение тенденций к большей инклюзивности офицерского корпуса, которые наметились еще до революции. Первый

опыт массовой мобилизации, каким оказалась Первая мировая война, выявил проблемы незаконченной социальной модернизации. Ускоренная подготовка офицеров в годы войны и огромные потери младшего командного состава быстро исчерпали ресурс образованного населения империи. Таким образом, низшие слои населения стали основным резервуаром, из которого черпались новые кадры для офицерского корпуса. «Демократизация» армии в контексте социальной истории показывает стремление к социальному переустройству благодаря той роли, которую стали играть низшие слои в условиях тотальной войны.

Таким образом, «демократизация» офицерского состава касалась не только изменения его социального облика, пополнения командного состава выходцами из низших сословий. В 1917 г. остро встал вопрос о переустройстве внутренних отношений в военной среде, пересмотре основ офицерской власти, на основании не всегда четко артикулируемых идей социальной справедливости. Такая ситуация являлась логичным следствием революционного взрыва, в котором решающую роль сыграли рядовые солдаты. Вместе с тем, подобный эксперимент вряд ли мог бы пройти безболезненно в ситуации продолжающейся военной кризиса. Впрочем, в первой половине 1917 г. многие политики надеялись, что как раз подобные преобразования могут внушить энтузиазм выдохшимся силам российской армии.

Библиографический список

1. 1917. Разложение армии. М., 2010.
2. Байдаров С.В. Проблемы комплектования армии в России в конце XIX-начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 20-24.
3. Барет. Будем справедливы во всем... // Жизнь 50 дивизии (Петроград). 14 июня.
4. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
5. Большевиизация Петроградского гарнизона в 1917 году. Л., 1932.
6. Буравченков А.А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1987.
7. В.В. В казармах // Русский инвалид. 1917. 10 марта.
8. Воззвание Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов // Известия. 1917. 5 марта.
9. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982.
10. Волков В.С. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ. История. История Русской православной церкви. 2011. № 1 (38). С. 111-117.
11. Волков В.С. Трагедия русского офицерства. М., 2002.
12. Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М. 2003.
13. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917 – 1922 гг. М., 2019.
14. Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972.
15. Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965.
16. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Т. 1. М., 2011.
17. Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – М., 2015.
18. Данильченко. Для истории государства российского. Роковая ночь в Зимнем Дворце. 27 февраля 1917 года // Военная быль. 1974. № 126. С. 3-9.
19. Дознание о действиях гг. офицеров, принимавших участие в подавлении революционного восстания // РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 92.
20. Докладная записка солдата Семеновского резервного полка // ЦГА СПб. Ф. р-73. Оп. 1. Д. 260.
21. Дубров И.Н. Личные воспоминания о жизни запасного батальона лейб-гвардейского Московского полка в войну 1914-1917 г. // ГА РФ Ф. р-5881. Оп.2. Д.326.

22. Жизнь 50 дивизии (Петроград). 1917. 25 мая.
23. Жизнь солдат зап[асного] батальона гвардии Гренадерского полка (казарма на обнов- ленных началах). Пг., 1917.
24. Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21-29.
25. Записки поруч. Козьмина за май-октябрь 1917 г. // Красный архив. 1933. № 5 (60). С. 142-156.
26. Зеленский А. Пока не поздно // Семеновец (Петроград). 1917. 24 августа.
27. Иовлев А.М. Разработка и осуществление ленинской политики в отношении специалистов старой армии (1917-1920) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 4. С. 30-43.
28. Иорданский Н.И. Военное восстание 27 февраля. Заметки // Молодая гвардия. 1928. Кн. 2 С.162-172.
29. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1987.
30. Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3: 1881-1915 гг. М., 1994.
31. Кирпичников Т.И. Восстание л-гв Волынского полка в 1917 г. // Крушение царизма. Воспо- минания участников революционного движения в Петрограде (1907 - февраль 1917 г.). Л., 1986. С. 300-314.
32. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск, 2011.
33. Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия ре- волюции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.188-202.
34. Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.
35. Кутепов А. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов. Париж, 1934. С. 160- 179.
36. Лучанинов С. Мои воспоминания о первых днях революции // Военная быль. 1965. №73. С. 1-6.
37. Мельников А.В. Февральская революция 1917 года в Петрограде глазами солдата-литовца Ил. Иванова // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб.. 2010. С. 154-178.
38. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры // Российский военный сбор- ник. Вып. 17: Офицерский корпус Русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 69-82.
39. Миллер В.И. Из истории Приказа № 1 Петроградского Совета // Военно-исторический жур- нал. 1966. № 5. С. 109-113.
40. Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012.
41. Назаренко К.Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой. М., 2018.
42. [Нелидов Б.Л.] Воспоминания о службе в запасном батальоне лейб-гвардии Московского полка Б.Л.Нелидова // Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. 26 августа- 8 сентября. 1935. С.9-11.
43. [Нелидов Б.Л.] Воспоминания плк. Б.Л. Нелидова // Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. 1937. 1 (14) января. С. 8-10.
44. Нокс А. Вместе с Русской армией. Дневник военного атташе. 1914-1917. М., 2014.
45. Отзыв 12-й роты 3-го стрелкового о прапорщике Павлинове 2 // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 3870.
46. Пантюхов О. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. Frankfurt am Main, 1969.
47. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Испол- нительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций, 27 февраля - 25 октября 1917 г.: Документы и материалы. Т.1. Л., 1991. С. 50-52.
48. Письмо А.Ф. Керенского А.И. Козьмину, 6 мая 1917 г. // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 65.
49. Показания вольноопределяющегося В.С. Иофа // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7.
50. Показания подпоручика Макарьева // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 8.

51. Показания подпрапорщика С. Ксенофонтова // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10.
52. Показания полковника Н.Н. Кормилева // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д.16.
53. Показания прапорщика А.А. Богачева // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 1.
54. Показания прапорщика А.А. Целле // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7.
55. Показания прапорщика А.М. Коледы // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 8.
56. Показания прапорщика Котельникова // ГА РФ. Ф.1782. Оп. 1. Д. 7.
57. Показания прапорщика Л.Д. Андреева // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 2.
58. Показания прапорщика М.И. Васильева // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 10.
59. Показания прапорщика М.Л. Крживковского // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 20.
60. Показания прапорщика Носенко // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10.
61. Показания штабс-капитана Е.И. Козловского // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 21.
62. Половцов П.А. Дни затмения: (Записки Главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа генерала П.А. Половцова в 1917 г. М., 1999.
63. Послужные списки // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 24.
64. Приказ по 6-му саперному батальону // ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 5. Д. 25.
65. Приказ по управлению инспектора инженерной части Петроградского военного округа на театре военных действий. 16 мая 1916 // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2811.
66. *Протасов Л. Г.* Войска в центральной России в 1917 году (численность, состав, комплектование, наложение) // Источниковедческие работы. Вып. 4. Тамбов, 1975. С. 41-67.
67. Протокол заседания комитета запасного батальона Волынского полка 6 марта // РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 78.
68. Протокол заседания комитета запасного батальона Егерского полка 5 июня // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 1.
69. Протокол заседания комитета запасного батальона Измайловского полка 9 марта // РГВИА. Ф. 7734. Оп. 1. Д. 1.
70. Протокол заседания комитета запасного батальона Измайловского полка 27 мая // РГВИА. Ф. 1. Оп. 5. Д. 5.
71. Протокол заседания комитета запасного батальона Семеновского полка 29 апреля // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 4.
72. Протоколы общих собраний рот 171-го пехотного запасного полка // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 24.
73. Рапорт начальника Главного военно-судного управления // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 490..
74. Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 - февраль 1917 г. М., 1966.
75. Резолюция собрания вольноопределяющихся Петроградского гарнизона // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 149.
76. Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания... 1917-й: революция глазами отставного генерала. М., 2001.
77. [Садовский А.Д.] 27 февраля 1917 года // РГАСПИ. Ф. 124. Оп.1. Д. 1699. Ч. 3.
78. Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник 1914-1918. Paris, 1986.
79. Сведения о состоянии офицерского состава в гвардейских запасных батальонах // РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107.
80. Сведения о состоянии чинов и лошадей гв. зап. частей к 1 января 1917 // РГВИА. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 17.
81. Сводные данные о политическом состоянии войск Петроградского гарнизона в 1917 по материалам архивных фондов частей воинских учреждений, находящихся в ЛОЦИА // ЦГА СПб. Ф.6276. Оп. 269. Д. 126.
82. Сиполь О. Из воспоминаний // Петроградская правда. 1920. 12 марта.
83. Солдатская мысль (Петроград). 1917. 23 июня.
84. Солдатское слово (Петроград). 1917. 23 июня.

85. Спирин Л.М. В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3-16.
86. Список гг. офицеров запасного батальона гвардии Измайловского полка, выбранным солдатами батальона // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
87. Список гг. офицеров запасного батальона гвардии Литовского полка // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
88. Список гг. офицеров запасного батальона гвардии Семеновского полка, избранных на должности батальонным, ротными и командными комитетами // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
89. Список офицеров запасного батальона Волынского полка // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
90. Список офицеров запасного батальона гвардии Гренадерского полка, выбранных солдатами // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
91. Список офицеров запасного батальона гвардии Кексгольмского полка // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
92. Список офицеров запасного батальона гвардии Московского полка, принятых ротами и утвержденными батальонным комитетом // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
93. Список офицеров запасного батальона гвардии Павловского полка, избранных солдатами на должности // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
94. Список офицеров запасного батальона Егерского полка // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
95. Список офицеров, непринятых солдатами в запасной батальон гвардии Московского полка // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
96. Список офицеров, непринятых солдатами в запасной батальон гвардии Московского полка // ГА РФ. Ф. р-336. Оп. 1. Д. 2.
97. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919 г. Берлин, 1920.
98. Телефонграмма в комитет запасного батальона Финляндского полка 12 апреля // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 222.
99. Токарев Ю.С. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. Л., 1973. С. 49-60.
100. Февральская революция 1917 года // Красный архив. 1927. Т. 2(21). С. 3-78.
101. Февральская революция 1917 года // Красный архив. 1927. Т. 3(22). С. 3-70.
102. Февральская революция: Сб. документов и материалов. М., 1996.
103. Философов Д. Русский офицер // Речь. 1917. 16 июля.
104. Фомин Б.В. Первые месяцы после Февральской революции в запасном батальоне лейб-гвардии Измайловского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 293-325.
105. Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии финляндского полка // 1917 год в судьбах России. Февральская революция: от новых подходов к новому осмыслению. М., 1997. С.250-287.
106. Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003.
107. Частное совещание вольноопределяющихся // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д.227.
108. Чернавин В. Русская армия в Великой войне: К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования // Военный сборник. 1924. № 5. С. 213-230.
109. Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки традиции. Орел, 2005.
110. Чувардин Г.С. Старая гвардия. Социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии» (1894 – 1914 гг.). Орел, 2002.
111. Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923.
112. Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн. 2. М.; Л., 1925.
113. *Шляпникова И.А.* Александр Шляпников и его время. М., 2016.
114. Щеглов И. К будущим революционным офицерам // Жизнь 50 дивизии (Петроград). 1917. 25 мая.
115. Эдельштейн Л. О буржуях // Солдатское слово (Петроград). 1917. 3 мая.

116. Kenez P. A Profile of the Pre-revolutionary Officer Corps // California Slavic Studies. 1973. Vol. 7. P. 128-145.

Сведения об авторе:

Тарасов Константин Андреевич, к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Россия, senderkeeper@mail.ru

Tarasov Konstantin, candidate of historical sciences, research fellow in St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, associate professor in St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI", Russia, senderkeeper@mail.ru

ДИМИТРИАДА: УПУЩЕННЫЙ ШАНС ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЕВРОПУ ИЛИ ПЕРВЫЙ РАУНД КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МОСКОВИИ? (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕДМЕТАМ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА)¹

Аннотация: Дмитрий – первый московский царь, побывавший в Европе. Он открыл европейскую цивилизацию через знание политических, правовых и административных систем, культуры и быта Речи Посполитой. Во многом по образу и подобию он пытался построить новую Россию. Дмитрий, основываясь на польском опыте, предложил наброски реформ, которые могли привести отсталую Московию в ряд передовых европейских стран за столетие до Петра I. Превращение Боярской Думы в Сенат (Сейм), попытка ввести верховенство закона, новая система дани, реструктуризация армии по польско-литовской модели политики открытых дверей, университетский проект, введение муниципального управления (судьи) – это далеко не полный список реформ. Дмитрию не удалось осуществить замыслы из-за заговора придворных, и теперь он представлен в учебниках как неудачник, самозванец, авантюрист, марионетка польского короля. Царь-технократ Петр, взяв за образец голландскую и немецкую версии Европейской цивилизации, остался в истории как великий реформатор. Однако можно утверждать, что Димитриада привнесла в повседневность Московии ряд особенностей польско-литовской, европейской культуры. Об этом свидетельствуют не только письменные, но и этнографические и археологические источники. В Центральной Европе, исключая Речпосполитую, тонкая чернолощечная керамическая посуда существовала, по крайней мере, с рубежа XIII-XIV вв. На территории Московского царства она неожиданно получила широкое распространение лишь в начале XVII века. Образцы и технологии массово появились в Москве со свитой Дмитрия. Этот вид посуды быстро завоевал популярность у населения и местных ремесленников. Именно в начале XVII века москвичи стали использовать столовые вилки. Столовая вилка стала широко использоваться в Центральной Европе с XIV века. В середине XIV века в Великом Новгороде появилась столовая вилка. Но Новгород тяготел к Европе и активно торговал с ней. Москва проводила политику изоляционизма и военного противостояния с Европой. У москвитов не было выплавки собственного стекла. После Смутного времени, на южных границах Московского царства – в бассейне Верхнего Днепра стали появляться мануфактуры по производству изделий из стекла. Стеклопосуда становится доступной для людей в этих областях. Нельзя сказать, что массовое производство стекла на Десне, Днепре, Ипуде и Сож. Однако поход Дмитрия открыл путь этим технологиям на восток. Новый всплеск строительства стекольных производств связан с эпохой Петра I.

Ключевые слова: Димитриада, европейская цивилизация, Московское царство, Речь Посполитая, XVII век, археология, керамика, вилка, стекло.

Chubur A.A. The Dimitriada: a missed chance of return to Europe or the first round of the cultural transformation of Muscovy? (On the archaeological everyday life items)

Abstract: Dmitry the first Moscow Tsar, visited in Europe. He discovered European civilization through the knowledge of the political, legal and administrative systems, culture and way of life of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Largely for image and likeness, he tried to build a new Russia. Dmitry, based on the Polish experience, suggested a very similar sketches of reforms that can bring backward Muscovy at a number of advanced European countries a century before Peter I. Transformation of the Boyar Duma in the Senate (the Sejm), an attempt to introduce the rule of law, a new tribute system, the restructuring of the army on the Polish-Lithuanian model open-door policy, the university project, the introduction of municipal government (judges) – this is not a complete list of reforms. Dmitry did not manage to implement plans in a conspiracy of the courtiers, and now he's presented in the textbooks as a loser, an imposter, an adventurer, a puppet of the Polish King. King-technocrat Peter, have taken a sample already, the Dutch and German versions of the European civilization has remained in history as a great reformer. These questions have to answer.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ), грант 17-21-01008а(м) «Ильинская Гута – магнатское производство второй половины XVIII – начала XIX века (комплексное изучение источников)»

However, it can be argued that the Dimitriada brought to the culture of Russia, a number of features of the Polish-Lithuanian culture, which are reflected even in everyday life. This is evidenced not only written, but also ethnographic and archaeological sources. In Central Europe, turning off Rzeczpospolita, fine-woven black-clay pottery existed at least from the turn of the 13th-14th centuries. On the territory of the Moscow Kingdom, it unexpectedly became widespread only in the beginning of the XVII century. The first samples, and then the technology, came there only together with the army and Dmitry's retinue. This type of tableware quickly gained popularity among the population and local artisans. It was at the beginning of the 17th century that Muscovites began to use table forks at dinner. The dining fork has become widely used in Central Europe since the 14th century. In the middle of the fourteenth century a dining fork appeared in Great Novgorod. But Novgorod gravitated towards Europe and actively traded with it. Moscow has long pursued a policy of isolationism and military confrontation. The Muskovits did not distribution have own glass. After XVII century, the Time of Troubles, on the southern borders of the Moscow Kingdom - in the Upper Dnieper Basin began to appear the manufactory for the production of glassware. Glassware is becoming widely available to people in these areas. It cannot be said that mass production of the glass on the Desna, Dnieper, Iput and Sozh. However Dmitry's campaign and his accessioning Moscow opened the way for such kind of activities to the east. A new surge in glass manufactures construction is associated with the era of Great Peter..

Keywords: *Dimitriada, European civilization, Moscow Kingdom, Rzeczpospolita, XVII century, archaeology, pottery, fork, glass.*

Немалое число историков придерживалось и придерживается мнения, высказанного еще в XIX веке А.К. Толстым: Московское Царство было цивилизационно уже не столько частью Европы (в отличие от своей предтечи Руси со столицей в Киеве), сколько наследником Орды [1; 2; 3]. Московские земли откололись от европейской цивилизационной парадигмы (в которой существовала, к примеру, Новгородская республика) постепенно переходя к восточной деспотии при династии Калитичей (ветви Рюриковичей – Ивана Даниловича Калиты и его потомков) [4; 5]. Смутное время внесло в сложившуюся за два столетия и уже частично исчерпавшую себя систему коррективы.

Император Дмитрий, как монарх титуловал себя сам, (он же «царь-самозванец Лжедмитрий Первый» в российской историографической традиции [6]) по сути дела стал первым московским государем, который, покинув свою родину, посетил Европу. Дмитрий открыл для себя европейскую цивилизацию, познавая, в первую очередь, политическую, правовую и административную системы, культуру и быт Польско-Литовского Содружества. Во многом по образу и подобию того, что он увидел, Дмитрий и пытался затем модернизировать Московское государство. Основываясь на своем польском опыте, он предложил очень похожие кроки реформ, которые могли бы вернуть отсталую по многим параметрам Московию в ряды передовых европейских стран еще за столетие до великого реформатора Петра I.

Трансформация Боярской Думы в Сенат (Сейм), попытка ввести верховенство закона, новая система налогов, реструктуризация армии по польско-литовской модели, политика открытых дверей, проект первого в Московии университета, введение муниципального управления (магистратов) – это далеко не полный список реформ, которые начали осуществляться за неполный год правления Дмитрия. Заметим, что его политика характеризуется большой религиозной терпимостью, чем в современной ему Речи Посполитой [7].

Дмитрию не удалось реализовать свои далеко идущие планы из-за заговора собственных придворных, и теперь он представлен в учебниках и научных монографиях как неудачник, самозванец, авантюрист и даже как марионетка польского короля. Царь-технократ Пётр I, превративший Московию в Российскую Империю, взяв на этот раз за образец не польско-литовскую, а голландскую и немецкую версии европейской цивилизации, напротив, остался в истории как великий реформатор, хотя делал во многом то же, что и его погибший предтеча. Такова превратность истории: *vae victis*.

В чем причина неудачи европейской альтернативы Дмитрия? Случайные обстоятельства (успех заговорщиков)? Не самая лучшая модель для копирования? А может быть, мос-

ковиты не были готовы или не оказались способны изменить ставший привычным образ жизни? На эти, порой до сих пор болезненные для общественного сознания, вопросы, на наш взгляд, еще только предстоит ответить – и ответы при любом раскладе окажутся важны для понимания места и современной России в мировом цивилизационном контексте. Однако следует признать, что Димитриада «первого Самозванца» на самом деле не была полным провалом. Она привела к появлению в русской культуре ряду особенностей, характерных для культуры польско-литовской. Об этом свидетельствуют не только письменные (часто служащие предметом для дискуссий в свете частой своей ангажированности и субъективности), но и куда более бесспорные, на мой взгляд, вещественные – этнографические и археологические источники. Материальная культура. На ней мы и остановимся подробнее.

Именно во время царствования Дмитрия ремесло и торговля стали свободными, так как все запреты на въезд и выезд из страны были им отменены. Это весьма способствовало импорту как изделий, так и технологий. Итак, речь о культурных заимствованиях в повседневной жизни, которые можно зафиксировать самым надежным и бесспорным методом исторического исследования: археологическим. Артефакт всегда ценен тем, что он неопровержим. Представляю вниманию благосклонного читателя три небольших этюда.

1. Керамика

В Польше и Великом Княжестве Литовском лощеная черная круговая керамика – особая разновидность керамики мореной – существовала, по крайней мере, с первой половины XIV века. В изломе черепок такой керамики серый или серо-коричневатый, звонкий, гладкий. Миски имели чаще полностью лощеную поверхность. У кувшинов же, кубышек, кринов, фляг и других изделий поверхность была с сетчатым, волнистым лощением, а также лощением параллельными линиями. Поверхность изделий была густого черного или сероватого цвета, лощеные участки – с металлическим отливом. Такой эффект достигался сочетанием лощения и морения сосудов.

Лощение - шлифовка поверхности сосуда или ее участков до обжига глины более твердым предметом (чаще всего речной галькой или же костяным лощиком). В результате лощеная поверхность приобретала матовый блеск и уплотнялась. Затем производился восстановительный обжиг посуды без доступа кислорода, (процесс томления). При восстановительном обжиге, когда при температуре 900-980°C замазываются все топочные устья и керамика томится без доступа кислорода, изделия становятся аспидно-черными. Это происходит потому, что, окись железа переходит в закись железа, которая способна образовать шпинель $FeOFe_2O_3$, окрашивающую черепок в бархатисто-темные тона. Также происходило выпадение углерода в форме графита. Восстановителем служит окись углерода (CO), которая выделяется при сгорании органических веществ. Более плотные лощеные участки приобретали металлический отблеск [8, С.23]. Дополнял украшение посуды нарезной и тисненый орнамент. Лощеные узоры отливали слегка синеватым стальным блеском, за что эту разновидность посуды впоследствии в Московских землях народ прозвал «синюшками».

Впоследствии, поскольку на протяжении XIV, XV и большей части XVI веков на территории Москвы и московских земель такая керамика практически отсутствует. В середине – конце XVI века появляются очень редкие случайные изделия (скорее напоминающие импорт), а неожиданный очень резкий всплеск массового производства таких вещей в Москве и округе начинается только на рубеже XVII века.

Известный керамист М.Г. Рабинович полагает что «по своему происхождению лощеная керамика... тесно связана с Поволжьем, в частности с Волжской Болгарией». Однако выясняется, что речь идет об иной разновидности лощеной посуды – красноглиняной, которая

действительно проникла в Москву из Волжской Болгарии, еще раньше появившись в Муроме и Суздале [9]. Активизировался приток красноглиняных лощеных изделий в Москву как раз после взятия войском Ивана IV Казани и Астрахани – в третьей четверти XVI столетия. Чернолощенная керамика в Поволжье не распространена. Выход из этой ситуации М.Г. Рабинович нашел виртуозный: «Дальнейшее распространение у нас лощеной керамики и преобладание черной керамики подтипа «а», которая на Поволжье не была распространена, объясняется, вероятно, тем, что восстановительный обжиг, в результате которого посуда, сделанная из красной глины, приобретала черный цвет, был известен, как мы уже говорили, и раньше. Черная блестящая посуда, очевидно, более импонировала вкусам средних слоев городского населения, так как она более походила на богатую металлическую посуду, бывшую в большой моде в кругах более зажиточных... Эта имитация, требовавшая высокой техники гончарства, была достигнута московскими гончарами путем сочетания лощения и морения сосудов. Так московскими гончарами был создан этот чрезвычайно оригинальный и красочный вид керамики» [9] - делает вывод Михаил Григорьевич.

Но, увы, этот оригинальный и красочный вид керамики никак не мог быть создан московскими гончарами в конце XVI – начале XVII века по той простой причине, что к западу от Московского Царства, непосредственно у его границ он существовал к этому времени уже на протяжении как минимум двух веков [10].

Не будем подозревать специалиста в неведении. Не исключено, что М.Г. Рабинович хорошо знал о западных аналогиях, но в 1949 году указать на них не мог. Это было весьма чревато ввиду роста почвенничества с выраженной антизападной направленностью – идеологического костяка позднего державно-националистического сталинизма [11]. Михаилу Григорьевичу, уже попавшему по национальному признаку в жернова борьбы с «безродным космополитизмом» [12, С.45] (сталинская версия государственного антисемитизма), было опасно дополнительно «вызывать огонь на себя» европейской версией генезиса позднесредневековой чернолощенной посуды. В духе времени и господствующей идеологии удобней было приписать ее изобретение именно «старшим братьям в семье народов» московским гончарам, умело синтезировавшим и «несовершенный» опыт волжских народов и собственное мастерство, и на этом надолго поставить точку.

К теме происхождения средневековой чернолощенной посуды вернулась в годы перестройки и после крушения СССР. О литовском происхождении чернолощенной керамики в лежащем к югу от Москвы Верхнем Поочье убедительно пишет и И.В. Болдин, указывая что впервые там она появляется в XVI веке, но массово начинает встречаться позднее [13]. Т.В. Сергина, изучая керамику Смоленска: «Примечательную группу смоленской керамики составляет чернолощенная керамика, которая впервые <...> зарегистрирована в слоях второй четверти XIV в. Заметное увеличение ее количества происходит во второй-третьей четвертях XV в. и еще одно - в начале XVI в. В течение XVI в. количество ее в слое увеличивается постепенно и к рубежу XVI-XVII вв. она составляет около трети всей массы городской керамики. Четкая тенденция количественного роста говорит о сложении и развитии самостоятельного смоленского производства чернолощенной керамики. Интересно, что в Гродно этот вид керамики появляется также сравнительно рано – на рубеже XIV-XV вв. ...Производство чернолощенной керамики в Москве складывается..., как представляется, не без влияния Смоленска, вошедшего в состав Московского государства в 1514 г.» [14].

Итак, с западным культурным вектором все становится на свои места. Однако на фоне скорости проникновения краснолощенной посуды в Москву из Поволжья становится непонятно, почему понадобилось целое столетие, чтоб москвиты живо заинтересовались керамикой, давно изготовлявшейся в присоединенном к их стране Смоленске? И почему количе-

ственный пик чернолощеной керамики в культурных слоях городов Московского Царства приходится как раз на то время, когда Смоленск вновь оказался в составе Речи Посполитой по Деулинскому перемирию – на первую половину XVII века?

Смоленск, оказавшись на пограничье растущего Московского государства, вряд ли занимался импортом посуды, да и иной продукции в новую для себя столицу, выполняя функции военной крепости с присланным из Москвы гарнизоном, который снабжался в основном московскими же ресурсами. При этом многие смоленские бояре были насильно переселены по разным городам Московского Царства, в том числе и в саму Москву [15, С.235] – и переезд их осуществлялся, вероятно, в сопровождении привычных бытовых вещей. Таким образом, в Москву и на московские земли (в то же Верхнее Поочье) образцы чернолощеной посуды могли попадать в редких случаях (например, вместе со своими хозяевами), а не в виде регулярных торговых поставок. Сами же коренные смоляне, не подвергшиеся переселению и давно привыкшие к такой посуде, не спешили менять свой быт и образ жизни на московский.

Массово же образцы чернолощеной керамики, а затем и технология ее изготовления, пришли в Москву и стали популярны среди широких масс населения, а не единиц, вероятно, все-таки вместе с интернациональной армией и свитой торжественно вошедшего в Москву царевича Дмитрия. Не удивляет, что нарядный, прочный и практичный тип посуды быстро завоевал популярность среди московского населения и у местных московских ремесленников, будучи привнесенным из Европы культурным элементом.

Иное дело, что пришедшая из Польши и Литвы чернолощеноя посуда в Москве действительно постепенно приобрела отчасти восточный колорит. Так явно восточным влиянием объясняется изготовление по данной европейской технологии кумганов – кувшинов-умывальников с длинным носиком. Кумган – типично восточный, тюркский сосуд – и это еще одно бесспорное свидетельство наличия в Москве значительного ордынского культурного элемента, ставшего уже неотъемлемой частью быта москвитов.

В XVIII веке чернолощеноя керамика в богатых и зажиточных домах уступает место быстро развивающимся майолике и фарфору, сперва заняв нишу крестьянской утвари, а затем и почти исчезнув из обихода.

2. Вилка

На Ближнем Востоке такие предметы повседневного быта, как двузубые столовые вилки, известны с первых веков нашей эры, в XI веке ими уже пользовались при дворе Византийских базилиевсов [16, р.305], откуда столовая вилка, собственно, и пришла в Европу.

В Западной и Центральной Европе обеденная вилка, стала использоваться с XIV века, а широко применяться еще до начала XVI века (исключением стали островная Британия, где вилка в качестве столового прибора закрепилась лишь в начале XVIII века, и Испания, где вплоть до XIX столетия вилку считали предметом роскоши) [17].

Согласно бытующей легенде, в Московское Царство вилка была завезена в мае 1606 года из Польши: ею якобы воспользовалась на своем свадебном пиру Марина Мнишек, супруга Дмитрия (в иных вариациях – и сам Дмитрий тоже). Считается, что кушая не руками, а вилкой она повергла в шок московских бояр и православное духовенство [18]. Увы, никакого документального подтверждения эта популярная история не находит.

Однако, так или иначе, двузубые столовые вилки появляются в богатых домах Москвы и, конечно, на царских трапезах, именно в XVII веке. Известные столовые приборы этого времени, хранящиеся в Оружейной палате Московского кремля, являются шедеврами кузнечного, ювелирного, эмальерного, камнерезного и косторезного ремесла [19]. Правда сам

предмет назывался не вилкой, а «рогатиной» или «вильцами». Такие двузубые «вильцы» были найдены, например, в культурном слое XVII века во время раскопок на Арбате в Москве. «Художественную ценность представляет двузубая железная вилка с костяной резной рукоятью. Конец рукоятки выполнен в виде головы зайца с прижатыми ушами» - пишут авторы раскопок [20].

Таким образом, рубежом, после которого начинается «шествие вилки по русским столам» вновь оказывается период Димитриады, независимо от истории с вилкой императрицы Марины на пиру в Грановитой палате Кремля. Налицо еще один случай диффузии европейской культуры на восток, пусть и не такой яркий, как с чернолощеной посудой.

Недавно археологи в Великом Новгороде в одной из исследованных усадеб обнаружили двузубую столовую вилку, датируемую серединой XIV века. Это послужило поводом для сенсационных заявлений в средствах массовой информации о том, что найдена древнейшая русская вилка [21]. Увы, такая формулировка не имеет смысла без важного уточнения: какая же именно Русь и какие русские имеются в виду?

Сейчас Новгород – областной центр федеративного Российского государства. Но в середине XIV века русских государств было несколько. Новгородская Республика была вполне самостоятельным государственным образованием, ориентированным на торговлю с европейскими странами и проводящим политику открытых дверей реликтом древней Руси. Новгород культурно тяготел к Европе, а вовсе не к Москве. Москва же, став одной из «собираательниц земель русских» последовательно проводила, напротив, политику изоляционизма и военной конфронтации с европейскими державами – в первую очередь с главным конкурентом в борьбе за земли распавшейся древней Руси – Великим Княжеством Литовским и Русским. Новгород был покорен, раздавлен и выморочен Москвой в течение XVI столетия, новгородская торговая демократия канула в небытие. Именно поэтому говорить о какой-то культурной преемственности Новгородской Республики и Московского Царства представляется неуместным. Вилка же, учитывая широчайшие торговые и дипломатические связи Господина Великого Новгорода, могла попасть в город из Центральной или Западной Европы, либо из Византии. Реставрация может помочь в уточнении информации, остается дожидаться полноценной публикации исследователями артефакта с Нутного раскопа.

Слово «вилка» вошло в русский лексикон уже в XVIII веке, когда этот столовый прибор, наконец, распространился широко. Однако предубеждения простонародья не сломил даже Петр I. Вплоть до XX века вилка оставалась преимущественно столовой принадлежностью богатых и образованных сословий. Простолюдины же считали её неудобной и бесполезной, о чем свидетельствуют русские народные поговорки «Ложкой - что неводом, вилкой - что удою» и «Вилкой щи хлебать».

3. Производство стекла

Как известно, местное производство стекла в немногочисленных мастерских Киевской Руси прекратилось после набега Батые, с распадом русской государственности. В возникшем на осколках Руси Великом Княжестве Московском, а затем и в Московском Царстве XVI столетия стекло и, в том числе, стеклянная посуда вообще не производились. Редкие стеклянные предметы были предметами импорта, поступающими в первую очередь из немецких, польских земель, реже – из Венеции, державшей в секрете многие особенности производства и рецептуры. Там стекольное ремесло достигло уже высокого уровня развития. Так, в Кракове еще до 1497 г. уже существовал цех стеклодувов [22]. В округе Гданьска возник уже целый комплекс таких производств, называемых гутами.

Гутный промысел – кустарное производство стекла и изделий из него на небольших, зачастую занимавших один большой сарай, заводиках – гутах (от немецкого *Hutta* - хижина, шалаш, горн, печь). В XVI в. гутная промышленность достигла в Польше высокого уровня развития и широко распространилась [23]. Первые гуты появились уже восточней – в окрестностях Львова и Галича на Волыни. В конце этого столетия возникают и первые гуты под Киевом.

На территории же Московского Царства собственное стекло начали производить только спустя некоторое время после событий Смуты (Димитриады), во время которой в столице и других городах получили возможность ближе познакомиться с особенностями материальной культуры южных и западных соседей москвитов – поляков, литвинов и украинцев. В 1630-1640-х годах под Москвой в пустоши Духанино работал самый первый в московском государстве стекольный завод, организованный немцем Е. Койетом, «производивший весьма примитивные толстые круглые оконные стекла, похожие на современные корабельные, но зеленоватого цвета и малопрозрачные. Такие стекла могли быть, например, в доме В.В. Голицына» [9]. Смутного времени часть пограничных территорий Московского Царства, присоединенных в течение последнего столетия, согласно Деулинскому перемирию возвращается Речи Посполитой. В их числе значительная часть течения Ипути и Десны и ее притоков с городами Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов и другими, – покрытое лесами Днепровское левобережье [24]. Это Днепровское левобережье стало крайней западной зоной распространения гутного стекольного производства и, одновременно, местностью, через которую это производство просочилось наконец-то на территорию Московского Царства. Стеклянная посуда и оконное стекло становится широкодоступным для жителей пограничных областей.

Конечно, нельзя сказать, что массовое производство стекла на Десне, Днепре, Ипути и Соже началось непосредственно в период Димитриады. Не забудем, что бизнес требует спокойной мирной обстановки. Однако не будет ошибкой заметить, что военный поход и государственная деятельность Дмитрия в итоге открыли польско-украинскому стекольному делу путь на восток и поспособствовали его проникновению на российские земли.

Когда в 1667 году часть Днепровского левобережья вновь отходит к Московскому Царству по Андрусовскому перемирию, создание гут на этих землях продолжается - часто их строили теперь не польские магнаты, а перенявшие их опыт представители украинской казачьей старшины, и предприимчивые старообрядцы, бежавшие на окраины государства от реформы патриарха Никона. Настоящий же новый всплеск возведения кустарных стекольных заводов связан с эпохой Петра Великого, предтечей которого в основных направлениях реформ мы можем считать куда менее удачливого Дмитрия. Именно в его время стекло с гут на Десне и Ипути наконец добирается до Москвы. М.Г. Рабинович указывает, например, что «в ненарушенном культурном слое Москвы XVI-XVII вв. оконное стекло не встречается вовсе. Начиная с XVIII в., оно составляет довольно значительный процент находок» [9]. Почти такая же картина может быть обрисована и для стеклянной посуды.

* * *

Итак, на приведенных примерах мы можем видеть: несмотря на то, что ориентированные на европейские образцы реформы Дмитрия, во время его недолгого царствования, не удались, однако они, как и пребывание в Москве множества иностранцев, оказали существенное влияние на постепенное проникновение европейской бытовой повседневной культуры на территорию Московского Царства. Это начало готовить исподволь население к принятию инноваций и, соответственно, ко второму, куда более успешному раунду реформ европейской направленности, осуществленному уже императором Петром Великим.

Библиографический список

1. *Вернадский Г.В.* Московское царство. – Москва: Ломоносов, 2017.– 456 с.;
2. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. – Москва: Аграф., 1999. – 554 с.;
3. *Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С.* К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. – Москва: Издательский дом Медина, 2017. С.54-64;
4. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. – Санкт-Петербург: Норма, 1997. – 224 с.;
5. *Чубур А.А.* Русь Норманнская versus Русь Ордынская. Воззрения Алексея Константиновича Толстого на историческую преемственность русской государственности // «О Родине песни и думы его...» А.К. Толстой в мировой культуре: материалы научно-практических конференций, посвященных 200-летию А.К. Толстого (17 мая 2017 г., 31 августа – 1 сентября 2017 г., г. Брянск). – Брянск, 2017. С.62-84,
6. *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. – 238 с.
7. *Чубур А.А., Чернышов С.В.* Государь Дмитрий II Иоаннович: самозванец-неудачник или нереализованная европейская альтернатива Российского государства? // Начало Русской государственности в IX веке и её возрождение в первой четверти XVII века. Материалы международной научной конференции 25-27 ноября 2012 г. – Брянск: «Курсив», 2012. С.86-95
8. *Поверин А.И.* Гонимое дело. Чернолощенная керамика. – Москва: Культура и традиции, 2003.
9. *Рабинович М.Г.* Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II / Материалы и исследования по археологии СССР; № 12. — Москва-Ленинград: издательство АН СССР, 1949. — с. 57-105.
10. *Левко О.Л.* Торговые связи Витебска в X-XVIII вв. / Под ред. Г.В. Штыхова. - Минск: Наука и техника, 1989. – 87 с.
11. *Чубур А.А.* Державно-националистический этап идеологизации советской археологии // Советское государство и общество в период позднего сталинизма 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – 719 с. (История сталинизма. Дебаты). С.335-347.
12. *Некрич А.* Отрешись от страха: Воспоминания историка. - London, Overseas Publications Interchange LTD 1979.
13. *Болдин И.В.* Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии). – Калуга, 2012. – 172 с.
14. *Сергина Т.В.* Керамика Смоленска XIII-XVII вв. (вопросы технологии и хронологии) // Археология и история Пскова и Псковской земли Тезисы ежегодной научно-практической конференции. – Псков, 1993.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. – Москва: Наука, 1980.
16. *James, P., Thorpe, N., Thorpe, I.J.* Ancient inventions. – Ballantine Books, 1995. – 694 p.
17. *Petroski, H.* The Evolution of Useful things. – New York: Vintage, 1992. – 304 p.
18. *Похлебкин В.В.* Большая энциклопедия кулинарного искусства. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 976 с.
19. Столовые приборы // Музеи Московского Кремля. [электронный ресурс] URL: <http://www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.dragotsennaya-posuda-drevney-rusi/stolovye-pribory/>
20. *Векслер А.Г., Васильев Ю.Ю.* Раскопки в Москве на Арбате // Наука и жизнь, № 11, 1996
21. Новгородские ученые отреставрируют самую древнюю на Руси вилку // URL: <http://tass.ru/nauka/2791158>
22. *Buczkowski K.* Dawne szkła artystyczne w Polsce. – Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie, 1958. -198 s.
23. *Wyrobisz A.* Szkło w Polsce od XIV do XVII wieku. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład

narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1968. – 223 s.
24. Модзалевський В.Л. Гути на Черніговщині. – Київ: Укр. акад. наук, 1926. – 181 с.

Сведения об авторе:

Чубур Артур Артурович – к.и.н., проф. Российской Академии естествознания. Брянский государственного университета имени академика И.Г. Петровского, доцент кафедры Отечественной истории, руководитель Научно-исследовательского центра Комплексного изучения Среднедеснинского региона (совместного с Институтом археологии РАН). fennecfox66@gmail.com

Рецензии

УДК 947

Н. В. Чернышева

«УЧЕНЫЕ – СВЕТА, А НЕУЧЕНЫЕ – ТЬМА» (НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ): РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА) / О. В. КЛЕВЦОВА, Н. А. ЖИРОВ. ЕЛЕЦ: ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И. А. БУНИНА», 2017. 160 с.

Аннотация: В статье рассматривается научная монография елецких историков Клевцовой О.В. и Жирова Н.А., посвященная изучению сельского образования в Орловской губернии в пореформенную эпоху. Основной акцент в исследовании сделан на детальный анализ модернизации начального образования в Елецком уезде рассматриваемой губернии. Рассматриваемая тема относится к малоизученным вопросам региональной истории Центральной России, в частности по Орловской губернии комплексных трудов нет. Книга является итогом многолетней научно-исследовательской работы ученых, поддержанной РФФИ и администрацией Липецкой области в рамках регионального гранта.

Ключевые слова: крестьянство, Орловская губерния, сельская школа, начальное образование, XIX век.

**Chernyshova N.V. "Learning is light, and ignorance is darkness "(folk wisdom): book review
FORMATION AND DEVELOPMENT OF RURAL EDUCATION IN OREL PROVINCE IN THE SECOND
HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES (ON MATERIALS OF THE YELETS UYEZD) / O. V.**

KLEVTSOVA, N. A. FAT. ELEC: FGBOU VO "ELETSKII STATE UNIVERSITY. I. A. BUNINA", 2017. 160 PP.

Abstract. The article discusses the monograph Yelets historians Klestovoi O. V. Zhirov and N. A. devoted to the study of rural education in the province of Orel in the post-reform era. The main emphasis in the study is made on a detailed analysis of the modernization of primary education in the Yelets district of the province. The topic under consideration relates to the little-studied issues of regional history of Central Russia, in particular, there are no complex works on the Orel province. The book is the result of many years of research work of scientists, supported by the RFBR and the administration of the Lipetsk region within the regional grant.

Keywords: peasantry, Orel province, rural school, primary education, XIX century.

Система образования является неотъемлемой частью общества. Реформирование государственных и общественных институтов в Российской империи во второй половине XIX в. было необходимым условием развития страны. Важно отметить, что данное исследование было проведено благодаря поддержке РФФИ и администрации Липецкой области в рамках работы по региональному гранту.

В современной отечественной исторической науке исследователи предпринимают попытку рассмотрения школьной системы в неразрывной связи с общим развитием страны и отдельных регионов в больших хронологических промежутках. Среди таких работ стоит отметить исследования, посвященные церковноприходским школам и начальному образованию в Воронежской, Томской губерний и т.д.[2; 3; 7]. В своих работах историки дают анализ функционирования школьной системы Российской империи, подвергают изучению подготовку педагогических кадров, освещают тенденции в организации сети сельских начальных учебных заведений [1; 8; 9].

В трудах и непосредственно самой книге историков О.В. Клевцовой и Н.А. Жирова предпринимается попытка проанализировать законодательную базу второй половины XIX в. в

области образования и рассмотреть степень реализации государственной политики на местах [6].

Благодаря изучению истории становления начального народного образования в Орловской губернии и непосредственно в Елецком уезде становится возможным знакомство с процессом формирования школы для крестьянского населения не только в отдельно взятом регионе, но и в масштабах всей страны, понимая что Орловская губерния являлась одной из традиционных провинциальных губерний центра России.

Структурно монография выстроена таким образом, что позволила авторам представить систему народного образования в Российской империи от центральных органов до уездных.

В Предисловии авторы определяют актуальность изучения, вопросы становления народного образования в России, а также цель исследования.

Глава I «Формирование системы народного образования в конце XVIII – начале XIX вв.» содержит нормативно-правовые основы народного образования в Российской империи, а также анализ системы народного образования до 1861 г. и в пореформенный период.

Для наилучшего восприятия материала истории включили наглядные план-схемы, которые не только дополняют его, но и делают материал более разнообразным.

Глава II «Создание системы народного образования в Орловской губернии в XIX в.» и Глава III «Финансирование системы народного образования в Орловской губернии» раскрывают сущность системы народного образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Авторы определяют этапы складывания системы народного образования в Орловской губернии и факторы, способствующие и тормозящие данному процессу.

Последующие три главы посвящены повседневным нуждам и заботам учреждений народного образования: нехватка средств, ветхость школьных зданий, дефицит квалифицированных педагогических кадров, организация учебного процесса и т. д.

Особый интерес вызывают те части работы, в которых в живой форме описывается образ сельского преподавателя, а также крайне низкие (в связи с бедностью и необходимостью работы) возможности постоянного обучения крестьянских детей.

Обращает на себя внимание и тот факт, что местное население стремилось к повышению своего образовательного уровня. Те крестьяне, которые владели грамотой и могли читать, посещали избы-читальни и народные библиотеки с разными целями: религиозное просвещение, расширение знаний основ ведения сельского хозяйства и пр.

В последней главе «Народное образование в Елецком уезде Орловской губернии в XIX в. – начале XX в.» речь идет о зарождении системы народного образования в данном уезде, деятельности земства по распространению грамотности (функционирование уездного училищного совета, содержание учителей, работа уполномоченного от земства), а также о работе земской школы и школ духовного ведомства (церковно-приходские и школы грамоты).

В Послесловии приводятся основные выводы. Авторы отмечают, что: «Церковно-приходские школы и школы грамоты не могли дать качественного образования, но главная их цель была достигнута – восполняли недостаток гражданских школ».

Лаконично вписываются в монографию фотографии и фото-документы, представленные в приложении. Они позволяют О. В. Клевцовой и Н. А. Жирову подать материал более осмысленно, сделать его более понятным и интересным для читателя, увлекающегося историей.

Обращает на себя внимание и подбор источников и литературы, выполненный профессионально грамотно. Авторы используют материалы Государственного архива Орловской области и Государственного архива Липецкой области, а также диссертации, монографии, научные статьи и другие работы по заявленной тематике [4; 5; 10].

В завершении хочется отметить, что монография будет интересна не только профессиональным историкам, но и всем, кто интересуется историей родного края.

Библиографический список

1. Бурдаков Д.В. Процесс реформирования женского педагогического образования во второй половине XIX века (на примере Елецкой женской гимназии) //10 корпус. – 2016. – №2. – С.15-18.
2. Ивако Н.В. Уездное земство и развитие начального образования в российской провинции во второй половине XIX-начале XX в. (на примерах Орловской губернии) //Вопросы гуманитарных наук. – 2002. - № 2. – С.10-12.
3. Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа в структуре начального образования Томской губернии (1884-1917). // Материалы III Всероссийской научной конференции «Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современности». – Томск, - 2004. – С. 130-136.
4. Жиров Н.А. Сельская школа в середине XIX в. (по материалам Елецкого уезда Орловской губернии) //Filo Ariadne. – 2016. – №4. – С. 71-79.
5. Жиров Н.А. Школьные здания во второй половине XIX в.: технические и гигиенические требования (на примере Орловской губернии). /Н.А. Жиров, О.В. Клевцова // История: факты и символы. – 2016. – №4. – С. 8-14.
6. Клевцова О.В., Жиров Н.А. Становление и развитие сельского образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Елецкого уезда). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. – 160 с.
7. Филоненко Т.В. Развитие школьного образования в России в начале XX века. // Вопросы истории. – 2004. - № 9. – С. 137-142.
8. Филоненко Т.В., Шипилов А.В. Материальное положение учителей в дореволюционной России. // Педагогика. – 2007. - № 7. – С. 65-73.
9. Хабалева Е.Н. Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века (на примере Орловской губернии). // Научный диалог. – 2015. - № 8 (44). – С. 97-114.
10. Zhirov N.A. THE PRIMARY EDUCATION IN POST-REFORM RUSSIAN VILLAGE (ON MATERIALS OF ELETSKI COUNTY OREL PROVINCE) /Klevtsova O.V., Zhirov N.A. //Былые годы. Российский исторический журнал. – 2016. - №42 (4). – С.1224-1231.

Сведения об авторе:

Чернышева Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров. natiche84@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru